

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПЬЕСЫ. Дядя Ваня. Сцены изъ деревенской жизни въ четырехъ дѣйствіяхъ. Свадьба.
Сцена въ одномъ дѣйствіи. Юбилей. Шутка въ одномъ дѣйствіи. Три сестры. Драма
въ четырехъ дѣйствіяхъ. О вредѣ табака. Сцена-монологъ въ одномъ дѣйствіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

ДЯДЯ ВАНЯ.

Сцены пзъ деревенской жизни въ четырехъ
дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Серебряковъ, Александръ Владиміровичъ, отставной профессоръ.

Елена Андреевна, его жена, 27-ми лѣтъ.

Софья Александровна (Соня), его дочь отъ перваго брака.

Войницкая, Марія Васильевна, вдова тайнаго совѣтника, мать первой жены профессора.

Войницкій, Иванъ Петровичъ, ея сынъ.

Астровъ, Михаилъ Львовичъ, врачъ.

Телѣгинъ, Илья Ильичъ, обдѣлывшій помѣщикъ.

Марина, старая няня.

Работникъ.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Серебрякова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ. Видна часть дома съ террасой. На алясъ подь старымъ топольскымъ столомъ, сервированный для чая. Скамьи, стулья; на одной изъ скамей лежитъ гитара. Недалеко отъ стола качели.—Третій часъ дня. Пасмурно.

Марина (сырая, малоподвижная старушка, сидитъ у самовара, вляеть чулокъ) и Астровъ (ходитъ возлѣ).

Марина (*наливаетъ стаканъ*). Кунай, батюшка.

Астровъ (*нехотя принимаетъ стаканъ*). Что-то не хочется.

Марина. Можетъ, водочки выпьешь?

Астровъ. Нѣтъ. Я не каждый день водку пью. Къ тому же душно (*пауза*). Нянька, сколько прошло, какъ мы знакомы?

Марина (*раздумывая*). Сколько? Дай Богъ память... Ты прѣхалъ сюда, въ эти края... когда?.. еще жива была Вѣра Петровна, Сонечкина мать. Ты при ней къ намъ двѣ зимы ѣздилъ... Ну, значитъ, лѣтъ одиннадцать прошло (*подумавъ*). А, можетъ, и больше...

Астровъ. Сильно я измѣнился съ тѣхъ поръ?

Марина. Сильно. Тогда ты молодой былъ, красивый, а теперь постарѣлъ. И красота уже не та. Тоже сказать—и водочку пьешь.

Астровъ. Да... Въ десять лѣтъ другимъ человѣкомъ сталъ. А какая причина? Заработалъ, нянька. Отъ утра до ночи все на ногахъ, покою не знаю, а ночью лежишь подь одѣяломъ и боишься, какъ бы къ больному не потащили. За все время, пока мы съ тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободнаго. Какъ не постарѣть? Да и сама-

по-себѣ жизнь скучна, глупа, грязна... Затягиваетъ эта жизнь. Кругомъ тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а поживешь съ ними года два-три и мало-по-малу самъ, незамѣтно для себя, становишься чудакомъ. Неизбѣжная участь (*закручивая свои длинные усы*). Ишь, громадные усы выросли... Глупые усы. Я сталъ чудакомъ, нянька... Поглупѣть-то я еще не поглупѣлъ, Богъ милостивъ, мозги на своемъ мѣстѣ, но чувства какъ-то притупились. Ничего я не хочу, ничего мнѣ не нужно, никого я не люблю... Богъ развѣ тебя только люблю (*цѣлуетъ ее въ голову*). У меня въ дѣтствѣ была такая же нянька.

Марина. Можетъ, ты кушать хочешь?

Астровъ. Нѣтъ. Въ Великомъ посту на третьей недѣлѣ поѣхалъ я въ Малицкое на эпидемію... Сыпной тифъ... Въ избахъ народъ въ повалку... Грязь, вонь, дымъ, телята на полу, съ больными вмѣстѣ... Поросята тутъ же... Возился я цѣлый день, не присѣлъ, маковой росинки во рту не было, а пріѣхалъ домой, не даютъ отдохнуть—привезли съ желѣзной дороги стрѣлочника; положилъ я его на столъ, чтобы ему операцію дѣлать, а онъ возьми и умри у меня подъ хлороформомъ. И когда вотъ не нужно, чувства проснулись во мнѣ, и защемило мою совѣсть, точно это я умышленно убилъ его... Сѣлъ я, закрылъ глаза—вотъ этакъ, и думаю: тѣ, которые будутъ жить черезъ сто-двѣсти лѣтъ послѣ насъ и для которыхъ мы теперь пробиваемъ дорогу, помянутъ ли насъ добрымъ словомъ? Нянька, вѣдь не помянутъ!

Марина. Люди не помянутъ, зато Богъ помянетъ.

Астровъ. Вотъ спасибо. Хорошо ты сказала.

(Входитъ Войницкій).

Войницкій (*выходитъ изъ дому; онъ выспался послѣ завтрака и имѣетъ помятый видъ; садится на скамью, поправляетъ свой щегольской галстукъ*). Да... (*пауза*) Да..

Астровъ. Выспался?

Войницкій. Да... Очень (*зѣваетъ*). Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь живетъ профессоръ со своею супругой, жизнь выбилась изъ колена... Силою не во-время, за завтракомъ и обѣдомъ ѣмъ разные кабулы, пью вина... не здорово все это! Прежде минуты свободной не было, я и Соня работали—мое почтеніе, а теперь работаетъ одна Соня, а я сплю, ѣмъ, пью... Не хорошо!

Марина (*покачивъ головой*). Порядок! Профессоръ встаетъ въ 12 часовъ, а самоваръ кипитъ съ утра, все его дожидается. Безъ нихъ обѣдали всегда въ первомъ часу, какъ вездѣ у людей, а при нихъ въ седьмомъ. Ночью профессоръ читаетъ и пишетъ, и вдругъ часу во второмъ звонокъ... Что такое, батюшки? Чаю! Буди для него народъ, ставь самоваръ... Порядок!

Астровъ. И долго они еще здѣсь проживутъ?

Войницкій (*свиститъ*) Сто лѣтъ. Профессоръ рѣшилъ поселиться здѣсь.

Марина. Вотъ и теперь. Самоваръ уже два часа на столѣ, а они гулять пошли.

Войницкій. Идутъ, идутъ... Не волнуйся.

(*Слышны голоса; изъ глубины сада, возвращаясь съ прогулки, идутъ Серебряковъ, Елена Андреевна, Соня и Телѣгинъ*).

Серебряковъ. Прекрасно, прекрасно... Чудесные виды.

Телѣгинъ. Замѣчательные, ваше превосходительство.

Соня. Мы завтра поѣдемъ въ лѣсничество, папа. Хочешь?

Войницкій. Господа, чай пить!

Серебряковъ. Друзья мои, пришлите мнѣ чай въ кабинетъ, будьте добры! Мнѣ сегодня нужно еще кое-что сдѣлать.

Соня. А въ лѣсничествѣ тебѣ непременно понравится...

(*Елена Андреевна, Серебряковъ и Соня уходятъ въ домъ; Телѣгинъ идетъ къ столу и садится возлѣ Марины*).

Войницкій. Жарко, душно, а нашъ великій ученый въ пальто, въ калошахъ, съ зонтикомъ и въ перчаткахъ.

Астровъ. Стало-быть, бережетъ себя.

Войницкій. А какъ она хороша! Какъ хороша! Во всю свою жизнь не видѣлъ женщины красивѣе.

Телѣгинъ. Бѣду ли я по полю, Марина Тимофеевна, гуляю ли въ тѣнистомъ саду, смогрю ли на этотъ столъ, я испытываю неизъяснимое блаженство! Погода очаровательная, птички поютъ, живемъ мы все въ мирѣ и согласіи, — чего еще намъ? (*принимая стаканъ*). Чувствительно вамъ благодаренъ.

Войницкій (*мечтательно*). Глаза... Чудная женщина!

Астровъ. Расскажи-ка что-нибудь, Иванъ Петровичъ.

Войницкій (*вяло*). Что тебѣ рассказать?

Астровъ. Новаго нѣтъ ли чего?

Войницкій. Ничего. Все старо. Я тотъ же, что и былъ, пожалуй, сталъ хуже, такъ какъ облѣнился, ничего не дѣ-

даю и только ворчу, какъ старый хрѣнь. Моя старая галка, тапан, все еще лепечетъ про женскую эмансипацію: однимъ глазомъ смотритъ въ могилу, а другимъ ищетъ въ своихъ умныхъ книжкахъ зарю новой жизни.

Астровъ. А профессоръ?

Войницкій. А профессоръ попрежнему отъ утра до глубокой ночи сидитъ у себя въ кабинетѣ и пишетъ. «Напрягши умъ, наморщивши чело, все оды пишемъ, пишемъ, и ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ». Бѣдная бумага! Онъ бы лучше свою автобіографію написалъ. Какой это превосходный сюжетъ! Отставной профессоръ, понимаешь ли, старый сухарь, ученая вобла... Подагра, ревматизмъ, мигрень, отъ ревности и зависти вслухла печонка... Живетъ эта вобла въ имѣніи своей первой жены, живетъ по-неволю, потому что жить въ городѣ ему не по карману. Вѣчно жалуется на свои несчастья, хотя, въ сущности, самъ необыкновенно счастливъ (*нервно*). Ты только подумай, какое счастье! Сынъ простого дьячка, бурсакъ, добился ученыхъ степеней и кафедры, сталъ его превосходительствомъ, зятемъ сенатора и проч., и проч. Все это неважно, впрочемъ. Но ты возьми вотъ что. Человѣкъ ровно двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ объ искусствѣ, ровно ничего не понимая въ искусствѣ. Двадцать пять лѣтъ онъ пережевываетъ чужія мысли о реализмѣ, натурализмѣ и всякомъ другомъ вздорѣ; двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ о томъ, что умнымъ давно уже извѣстно, а для глупыхъ неинтересно, — значитъ, двадцать пять лѣтъ переливаетъ изъ пустого въ порожнее. И въ то же время какое самолюбіе! Какія претензіи! Онъ вышелъ въ отставку, и его не знаетъ ни одна живая душа, онъ совершенно неизвѣстенъ; значитъ, двадцать пять лѣтъ онъ занималъ чужое мѣсто. А посмотри: шагаетъ, какъ полубогъ!

Астровъ. Ну, ты, кажется, завидуешь.

Войницкій. Да, завидую! А какой успѣхъ у женщины! Ни одинъ Донъ-Жуанъ не знаетъ такого полного успѣха! Его первая жена, моя сестра, прекрасное, кроткое созданіе, чистая, какъ вотъ это голубое небо, благородная, великодушная, имѣвшая поклонниковъ больше, чѣмъ онъ учениковъ, — любила его такъ, какъ могутъ любить одни только чистые ангелы такихъ же чистыхъ и прекрасныхъ, какъ они сами. Моя мать, его теща, до сихъ поръ обожаетъ его, и до сихъ

поръ онъ внушаетъ ей священный ужасъ. Его вторая жена, красавица, умница—вы ее только-что видѣли—вышла за него, когда уже онъ былъ старъ, отдала ему молодость, красоту, свободу, свой блескъ. За что? Почему?

Астровъ. Она вѣрна профессору?

Войницкій. Къ сожалѣнью, да.

Астровъ. Почему же къ сожалѣнью?

Войницкій. Потому что эта вѣрность фальшива отъ начала до конца. Въ ней много риторики, но нѣтъ логики. Измѣнить старому мужу, котораго терпѣть не можешь,—это безнравственно; стараться же заглушить въ себѣ оѣдную молодость и живое чувство,—это не безнравственно.

Телѣгинъ (*плачущимъ голосомъ*). Ваня, я не люблю, когда ты это говоришь. Ну, вотъ, право... Кто измѣняетъ женѣ или мужу, тотъ, значитъ, невѣрный человѣкъ, тотъ можетъ измѣнить и отечеству!

Войницкій (*съ досадою*). Заткни фонтанъ, Вафля!

Телѣгинъ. Позволь, Ваня. Жена моя бѣжала отъ меня на другой день послѣ свадьбы съ любимымъ человѣкомъ по причинѣ моей непривлекательной наружности. Послѣ того я своего долга не нарушалъ. Я до сихъ поръ ее люблю и вѣренъ ей, помогаю, чѣмъ могу, и отдалъ свое имущество на воспитаніе дѣточекъ, которыхъ она прижила съ любимымъ человѣкомъ. Счастья я лишился, но у меня осталась гордость. А она? Молодость уже прошла, красота подъ вліяніемъ законовъ природы поблекла, любимый человѣкъ скончался... Что же у нея осталось?

(Входятъ Соня и Елена Андреевна; немногу погодя входитъ Марія Васильевна съ книгой; она садится и читаетъ; ей даютъ чай и она пьетъ не глядя).

Соня (*торопливо, нянь*). Тамъ, нянечка, мужики пришли. Поди, поговори съ ними, а чай я сама... (*наливаетъ чай*). (*Няня уходитъ. Елена Андреевна беретъ свою чашку и пьетъ, сидя на качеляхъ*).

Астровъ (*Еленѣ Андреевнѣ*). Я вѣдь къ вашему мужу. Вы писали, что онъ очень боленъ, ревматизмъ и еще что-то, а оказывается, онъ здоровехонекъ.

Елена Андреевна. Вчера вечеромъ онъ хандрилъ, жаловался на боли въ ногахъ, а сегодня ничего...

Астровъ. А я-то, сломя голову, скакалъ тридцать верстъ.

Ну, да ничего, не впервой. Зато ужъ останусь у васъ до завтра и, по крайней мѣрѣ, высплюсь *quantum satis*.

Соня. И прекрасно. Это такая рѣдкость, что вы у насъ почете. Вы, небось, не обѣдали?

Астровъ. Нѣтъ-съ, не обѣдалъ.

Соня. Такъ вотъ кстаги и пообѣдаете. Мы теперь обѣдаемъ въ седьмомъ часу (*тшетъ*). Холодный чай!

Телѣгинь. Въ самоварѣ уже значительно понизилась температура.

Елена Андреевна. Ничего, Иванъ Ивановичъ, мы и холодный выпьемъ.

Телѣгинь. Виновать-съ... Не Иванъ Ивановичъ, а Илья Ильичъ-съ... Илья Ильичъ Телѣгинь, или, какъ нѣкоторые зовутъ меня по причинѣ моего рябого лица. Вафля. Я когда-то крестилъ Сонечку, и его превосходительство, вашъ супругъ, знаетъ меня очень хорошо. Я теперь у васъ живу-съ, въ этомъ имѣннн-съ... Если изволили замѣтить, я каждый день съ вами обѣдаю.

Соня. Илья Ильичъ нашъ помощникъ, правая рука (*ттъжно*). Давайте, крестенькій, я вамъ еще налью.

Марія Васильевна. Ахъ!

Соня. Что съ вами, бабушка?

Марія Васильевна. Забыла я сказать александру... потеряла память... сегодня получила я письмо изъ Харькова отъ Павла Алексеѣвича... Прислалъ свою новую брошюру...

Астровъ. Интересно?

Марія Васильевна. Интересно, но какъ-то странно. Опровергаетъ то, что семь лѣтъ назадъ самъ же защищалъ. Это ужасно!

Войницкій. Ничего нѣтъ ужаснаго. Пейте, тамап, чай.

Марія Васильевна. Но я хочу говорить!

Войницкій. Но мы уже пятьдесятъ лѣтъ говоримъ и говоримъ, и читаемъ брошюры. Пора бы ужъ и кончить.

Марія Васильевна. Тебѣ почему-то неприятно слушать, когда я говорю. Прости, Жанъ, но въ послѣдннй годъ ты такъ измѣнился, что я тебя совершенно не узнаю... Ты былъ человѣкомъ опредѣленныхъ убѣжденнй, свѣтлою личностью...

Войницкій. О, да! Я былъ свѣтлою личностью, отъ которой никому не было свѣтло... (*пауза*). Я былъ свѣтлою личностью... Нельзя сосрнть ядовнтѣй! Теперь мнѣ 47 лѣтъ.

До прошлаго года я такъ же, какъ вы, нарочно старался отуманивать свои глаза вашею этою схоластикой, чтобы не видѣть настоящей жизни,—и думалъ, что дѣлаю хорошо. А теперь, если бы вы знали! Я ночи не сплю съ досады отъ злости, что такъ глупо проворонилъ время, когда могъ бы имѣть все, въ чемъ отказывается мнѣ теперь моя старость!

Соня. Дядя Ваня, скучно!

Марія Васильевна (*сыну*). Ты точно обвиняешь въ чемъ-то свои прежнія убѣжденія... Но виноваты не они, а ты самъ. Ты забывалъ, что убѣжденія сами-по-себѣ ничто, мертвая буква... Нужно было дѣло дѣлать.

Войницкій. Дѣло? Не всякій способенъ быть иншущимъ *perpetuum mobile*, какъ вашъ герръ профессоръ.

Марія Васильевна. Что ты хочешь этимъ сказать?

Соня (*умоляюще*). Бабушка! Дядя Ваня! Умоляю васъ!

Войницкій. Я молчу. Молчу и извиняюсь.

(*Пауза*).

Елена Андреевна. А хорошая сегодня погода... Не жарко...

(*Пауза*).

Войницкій. Въ такую погоду хорошо повѣситься...

(*Тельникъ настраиваетъ гитару. Марина ходитъ около дома и кличетъ куръ*).

Марина. Ципъ, ципъ, ципъ...

Соня. Нянечка, зачѣмъ мужики приходили?

Марина. Все то же, опять все насчетъ пустоши. Ципъ ципъ, ципъ...

Соня. Кого ты это?

Марина. Пеструшка ушла съ цыплятами... Вороны бы не потаскали... (*уходитъ*).

(*Тельникъ играетъ польку; всѣ молча слушаютъ; входитъ работникъ*).

Работникъ. Господинъ докторъ здѣсь? (*Астрову*). Пожалуйста, Михаилъ Львовичъ, за вами пріѣхали.

Астровъ. Откуда?

Работникъ. Съ фабрики.

Астровъ (*съ досадою*). Покорно благодарю. Что-жъ, надо ѣхать... (*щелкнетъ глазами фуражку*). Досадно, чортъ подери...

Соня. Какъ это неприятно право... Съ фабрики пріѣзжайте объѣдать.

Астровъ. Нѣтъ, ужъ поздно будетъ. Гдѣ ужъ... Куда ужъ... (*работнику*). Вотъ что, притащи-ка мнѣ, любезный, рюмку водки, въ самомъ дѣлѣ (*работникъ уходитъ*). Гдѣ ужъ... куда ужъ... (*нашелъ фуражку*). У Островскаго въ какой-то пьесѣ есть человѣкъ съ большими усами и малыми способностями... Такъ это я. Ну, честь имѣю, господа... (*Елена Андреевна*). Если когда-нибудь заглянете ко мнѣ, вотъ вмѣстѣ съ Софьей Александровной, то буду искренно радъ. У меня небольшое имѣньишко, всего десятинъ тридцать, но, если интересуетесь, образцовый садъ и питомникъ, какого не найдете за тысячу верстъ кругомъ. Рядомъ со мною казенное лѣсничество... Лѣсничій тамъ старъ, болѣетъ всегда, такъ что, въ сущности, я завѣдую всѣми дѣлами.

Елена Андреевна. Мнѣ уже говорили, что вы очень любите лѣса. Конечно, можно принести большую пользу, но развѣ это не мѣшаетъ вашему настоящему призванію? Вѣдь вы докторъ.

Астровъ. Одному Богу извѣстно, въ чемъ наше настоящее призваніе.

Елена Андреевна. И интересно?

Астровъ. Да, дѣло интересное.

Войницкій (*съ ироніей*). Очень!

Елена Андреевна (*Астрову*). Вы еще молодой человѣкъ, вамъ на видъ... ну, 36—37 лѣтъ... и, должно-быть, не такъ интересно, какъ вы говорите. Все лѣсъ и лѣсъ. Я думаю, однообразно.

Соня. Нѣтъ, это чрезвычайно интересно. Михаилъ Львовичъ каждый годъ сажаетъ новые лѣса, и ему уже прислали бронзовую медаль и дипломъ. Онъ хлопочетъ, чтобы не истребляли старыхъ. Если вы выслушаете его, то согласитесь съ нимъ вполне. Онъ говоритъ, что лѣса украшаютъ землю, что они учатъ человѣка понимать прекрасное и внушаютъ ему величавое настроеніе. Лѣса смягчаютъ суровый климатъ. Въ странахъ, гдѣ мягкій климатъ, меньше тратится силъ на борьбу съ природой и потому тамъ мягче и нѣжнѣе человѣкъ; тамъ люди красивы, гибки, легко возбудимы, рѣчь ихъ изящна, движенія граціозны. У нихъ процвѣтаютъ науки и искусства, философія ихъ не мрачна, отношенія къ женщинѣ полны изящнаго благородства...

Войницкій (*смѣясь*). Bravo, bravo!.. Все это мило, но не убѣдительно, такъ что (*Астрову*) позволь мнѣ, мой другъ,

продолжать топить печи дровами и строить сараи из дерева.

Астровъ. Ты можешь топить печи торфомъ, а сараи строить изъ камня. Ну, я допускаю, руби лѣса изъ нужды, но зачѣмъ истреблять ихъ? Русскіе лѣса трещать подъ топоромъ, гибнутъ милліарды деревьевъ, опустошаются жилища звѣрей и птицъ, мелѣются и сохнутъ рѣки, печезаютъ безвозвратно чудные пейзажи, и все оттого, что у лѣниваго человѣка не хватаетъ смысла нагнуть и поднять съ земли топливо (*Елѣна Андреевна*). Не правда ли, сударыня? Надо быть безразсуднымъ варваромъ, чтобы жечь въ своей печкѣ эту красоту, разрушать то, чего мы не можемъ создать. Человѣкъ одаренъ разумомъ и творческою силой, чтобы преумножать то, что ему дано, но до сихъ поръ онъ не творитъ, а разрушаетъ. Лѣсовъ все меньше и меньше, рѣки сохнутъ, дичь перевелась, климатъ испорченъ и съ каждымъ днемъ земля становится все бѣднѣе и безобразнѣе (*Войничкому*). Вотъ ты глядишь на меня съ ироніей и все, что я говорю, тебѣ кажется не серьезнымъ и... и, быть-можетъ, это въ самомъ дѣлѣ чудачество, но, когда я прохожу мимо крестьянскихъ лѣсовъ, которые я спасъ отъ порубки, или когда я слышу, какъ шумитъ мой молодой лѣсъ, посаженный моими руками, я сознаю, что климатъ немножко и въ моей власти, и что, если черезъ тысячу лѣтъ человѣкъ будетъ счастливъ, то въ этомъ немножко буду виноватъ и я. Когда я сажаю березку и потомъ вижу, какъ она зеленѣетъ и качается отъ вѣтра, душа моя наполняется гордостью, и я... (*увидѣвъ работника, который принесъ на поднось рюмку водки*). Однако... (*пьетъ*) мнѣ пора. Все это, вѣроятно, чудачество, въ концѣ-концовъ. Честь имѣю кланяться! (*идетъ къ дому*).

Соня (*беретъ его подъ руку и идетъ вмѣстѣ*). Когда же вы прїѣдете къ намъ?

Астровъ. Не знаю...

Соня. Опять черезъ мѣсяць?..

(*Астровъ и Соня уходятъ въ домъ; Марія Васильевна и Тельмишъ остаются возлѣ стола; Елена Андреевна и Войничкій идутъ къ террасѣ*).

Елена Андреевна. А вы, Иванъ Петровичъ, опять вели себя невозможно. Нужно было вамъ раздражать Марію

Васильевну. говорить о *perpetuum mobile*! И сегодня за завтракомъ вы опять спорили съ Александромъ. Какъ это мелко!

Войницкій. Но если я его ненавижу!

Елена Андреевна. Пенавидѣть Александра не за что, опъ такой же, какъ всѣ. Не хуже васъ.

Войницкій. Если бы вы могли видѣть свое лицо, свои движенія... Какая вамъ лѣнь жить! Ахъ, какая лѣнь!

Елена Андреевна. Ахъ, и лѣнь, и скучно! Всѣ бранятъ моего мужа, всѣ смотрятъ на меня съ сожалѣнiемъ: несчастная, у нея старый мужъ! Это участiе ко мнѣ—о, какъ я его понимаю! Вотъ какъ сказалъ сейчасть Астровъ: всѣ вы безразсудно губите лѣса, и скоро на землѣ ничего не останется. Точно такъ вы безразсудно губите человека и скоро, благодаря вамъ, на землѣ не останется ни вѣрности, ни чистоты, ни способности жертвовать собою. Почему вы не можете видѣть равнодушно женщину, если она не ваша? Потому что,—правъ этотъ докторъ.—во всѣхъ васъ сидитъ бѣсъ разрушенiя. Вамъ не жаль ни лѣсовъ, ни птицъ, ни женщинъ, ни другъ друга...

Войницкій. Не люблю я этой философи! *(пауза)*.

Елена Андреевна. У этого доктора утомленное, нервное лицо. Интересное лицо. Сонѣ, очевидно, онъ нравится, она влюблена въ него, и я ее понимаю. При мнѣ онъ былъ здѣсь уже три раза, но я застѣнчива и ни разу не поговорила съ нимъ, какъ слѣдуетъ, не обласкала его. Онъ подумалъ, что я зла. Вѣроятно, Иванъ Петровичъ, оттого мы съ вами такіе друзья, что оба мы нудные, скучные люди! Нудные! Не смотрите на меня такъ, я этого не люблю.

Войницкій. Могу ли я смотрѣть на васъ иначе, если я люблю васъ? Вы мое счастье, жизнь, моя молодость! Я знаю, шансы мои на взаимность ничтожны, равны нулю, но мнѣ ничего не нужно, позвольте мнѣ только глядѣть на васъ, слышать вашъ голосъ...

Елена Андреевна. Тiше, васъ могутъ слышать! *(идутъ въ домъ)*.

Войницкій *(идя за нею)*. Позвольте мнѣ говорить о своей любви, не гоните меня прочь, и это одно будетъ для меня величайшимъ счастьемъ...

Елена Андреевна. Это мучительно... *(оба уходятъ въ домъ)*.

(Тельминъ бьетъ по струнамъ и играетъ польку; Марія Васильевна что-то записываетъ на поляхъ брошюры).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Столовая въ домѣ Серебрякова.—Ночь.—Слышно, какъ въ саду стучать сторожъ.

Серебряковъ (сидитъ въ креслѣ передъ открытымъ окномъ и дремлетъ) и Елена Андреевна (сидитъ подлѣ него и тоже дремлетъ).

Серебряковъ (*очнувшись*). Кто здѣсь? Соня, ты?

Елена Андреевна. Это я.

Серебряковъ. Ты, Леночка... Невыносимая боль!

Елена Андреевна. У тебя пледъ упалъ на полъ (*кутаетъ ему ноги*). Я, Александръ, затворю окно.

Серебряковъ. Нѣтъ, мнѣ душно... Я сейчасъ задремалъ и мнѣ снилось, будто у меня лѣвая нога чужая. Проснулся отъ мучительной боли. Нѣтъ, это не подагра, скорѣе ревматизмъ. Который теперь часъ?

Елена Андреевна. Двадцать минутъ перваго (*пауза*).

Серебряковъ. Утромъ поинци въ библиотекѣ Батюшкова. Кажется, онъ есть у насъ.

Елена Андреевна. А?

Серебряковъ. Поинци утромъ Батюшкова. Помнится, онъ былъ у насъ. Но отчего мнѣ такъ тяжело дышать?

Елена Андреевна. Ты усталъ. Вторую ночь не спишь.

Серебряковъ. Говорятъ, у Тургенева отъ подагры сдѣлалась грудная жаба. Боясь, какъ бы у меня не было. Проклятая, отвратительная старость. Чортъ бы ее побралъ. Когда я постарѣлъ, я сталъ себѣ противень. Да и вамъ всѣмъ, должно-быть, противно на меня смотреть.

Елена Андреевна. Ты говоришь о своей старости такимъ тономъ, какъ будто всѣ мы виноваты, что ты старъ.

Серебряковъ. Тебѣ же первой я противень.

(Елена Андреевна отходитъ и садится поодаль).

Серебряковъ. Конечно, ты права. Я не глупъ и понимаю. Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старикъ, почти трупъ. Что-жъ? Развѣ я не понимаю? И, конечно, глупо, что я до сихъ поръ живъ. Но погодите, скоро я

освобожу васъ всѣхъ. Недолго мнѣ еще придется тянуть.

Елена Андреевна. Я изнемогаю... Бога ради молчи.

Серебряковъ. Выходитъ такъ, что, благодаря мнѣ, всѣ изнемогли, скучаютъ, губятъ свою молодость, одни только я наслаждаюсь жизнью и доволенъ. Ну, да, конечно!

Елена Андреевна. Замолчи! Ты меня замучилъ!

Серебряковъ. Я всѣхъ замучилъ. Конечно.

Елена Андреевна (*сквозь слезы*). Невыносимо! Скажи, что ты хочешь отъ меня?

Серебряковъ. Ничего.

Елена Андреевна. Ну, такъ замолчи. Я прошу.

Серебряковъ. Странное дѣло, заговорить Иванъ Петровичъ, или эта старая идиотка, Марья Васильевна, — и ничего, всѣ слушаютъ, но скажи я хоть одно слово, какъ всѣ начинаютъ чувствовать себя несчастными. Даже голосъ мой противенъ. Ну, допустимъ, я противенъ, я эгоистъ, я деспотъ, — но неужели я даже въ старости не имѣю нѣкотораго права на эгоизмъ? Неужели я не заслужилъ? Неужели же, я спрашиваю, я не имѣю права на покойную старость, на вниманіе къ себѣ людей?

Елена Андреевна. Никто не оспариваетъ у тебя твоихъ правъ (*окно хлопаетъ отъ вѣтра*). Вѣтеръ поднялся, я закрою окно (*закрываетъ*). Сейчасъ будетъ дождь. Никто у тебя твоихъ правъ не оспариваетъ.

(*Пауза; сторожъ въ саду стучитъ и поетъ тѣсно*).

Серебряковъ. Всю жизнь работать для науки, привыкнуть къ своему кабинету, къ аудиторіи, къ почтеннымъ товарищамъ — и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, очутиться въ этомъ склепѣ, каждый день видѣть тутъ глухихъ людей, слушать ничтожные разговоры... Я хочу жить, я люблю успѣхъ, люблю извѣстность, шумъ, а тутъ — какъ въ ссылкѣ. Каждую минуту тосковать о прошломъ, слѣдить за успѣхами другихъ, бояться смерти... Не могу! Нѣтъ силъ! А тутъ еще не хотятъ простить мнѣ моей старости!

Елена Андреевна. Погоди, имѣй терпѣніе: черезъ пять-шесть лѣтъ и я буду стара.

(*Входитъ Соня*).

Соня. Папа, ты самъ приказалъ послать за докторомъ Астровымъ, а когда онъ пріѣхалъ, ты отказываешься принять его. Это не деликатно. Только напрасно побезпокоили человека...

Серебряковъ. На что мнѣ твой Астровъ? Онъ столько же понимаетъ въ медицинѣ, какъ я въ астрономіи.

Соня. Не выписывать же сюда для твоей подагры цѣлый медицинскій факультетъ.

Серебряковъ. Съ этимъ юродивымъ я и разговаривать не стану.

Соня. Это какъ угодно (*садится*). Мнѣ все равно.

Серебряковъ. Который теперь часть?

Елена Андреевна. Первый.

Серебряковъ. Душно... Соня, дай мнѣ со стола капли!

Соня. Сейчасъ (*подаетъ капли*).

Серебряковъ (*раздраженно*). Ахъ, да не эти! Ни о чемъ нельзя попросить!

Соня. Пожалуйста, не капризничай. Можетъ-быть, это нѣкоторымъ и нравится, но меня избавь, сдѣлай милость! Я этого не люблю. И мнѣ некогда, мнѣ нужно завтра рано вставать, у меня сѣнокосъ.

(*Входитъ Войницкій въ халитъ и со свѣчой*)

Войницкій. На дворѣ гроза собирается (*молнія*). Вона какъ! Нелѣне и Соня, идите спать, я пришелъ васъ смѣнить.

Серебряковъ (*истуанно*). Нѣтъ, нѣтъ! Не оставляйте меня съ нимъ! Нѣтъ. Онъ меня заговоритъ!

Войницкій. Но надо же дать имъ покой! Онѣ уже другую ночь не спать.

Серебряковъ. Пусть идутъ спать, но и ты уходи. Благодарю. Умоляю тебя. Во-иня нашей прежней дружбы, не протестуй. Послѣ поговоримъ.

Войницкій (*съ уемльишкой*). Пржней нашей дружбы... Пржней...

Соня. Замолчи, дядя Ваня.

Серебряковъ (*жестъ*). Дорогая моя, не оставляй меня съ нимъ! Онъ меня заговоритъ.

Войницкій. Это становится даже смѣшно.

(*Входитъ Марина со свѣчой*).

Соня. Ты бы ложилаь, нянечка. Уже поздно.

Марина. Самоваръ со стола не убранъ. Не очень-то лякешъ.

Серебряковъ. Всѣ не спать, изнемогають, одинъ только я блаженствую.

Марина (*подходитъ къ Серебрякову, тѣжно*). Что, ба-

тешка? Больно? У меня у самой ноги гудуть, такъ и гудуть (*попривлаетъ пледъ*). Это у васъ давняя болѣзнь. Вѣра Петровна, покойница, Сонечкина мать, бывало, ночи не спитъ, убивается... Очень ужъ она васъ любила... (*пауза*). Старые, что малые, хочется, чтобы пожалѣлъ кто, а старыхъ-то никому не жалко (*тычетъ Серебрякова въ плечо*). Пойдемъ, батюшка, въ постель... Пойдемъ, свѣтнѣкъ... Я тебя линовымъ чаемъ напою, ножки твои согрѣю... Богу за тебя помолюсь...

Серебряковъ (*растроженный*). Пойдемъ, Марина.

Марина. У самой-то у меня ноги такъ и гудуть, такъ и гудуть! (*ведетъ его вмѣстѣ съ Соней*). Вѣра Петровна, бывало, все убивается, все плачетъ... Ты, Сонюшка, тогда была еще мала, глупа... Иди, иди, батюшка... (*Серебряковъ, Соня и Марина уходятъ*).

Елена Андреевна. Я замучилась съ нимъ. Едва на ногахъ стою.

Войницкій. Вы съ нимъ, а я съ самимъ собою. Вотъ уже третью ночь не сплю.

Елена Андреевна. Неблагополучно въ этотъ домъ. Ваша мать ненавидитъ все, кромѣ своихъ брошюръ и профессора; профессоръ раздраженъ, мнѣ не вѣритъ, васъ боится; Соня злится на отца, злится на меня и не говоритъ со мною вотъ уже двѣ недѣли; вы ненавидите мужа и открыто презираете свою мать; я раздражена и сегодня разъ двадцать принималась плакать... Неблагополучно въ этомъ домъ.

Войницкій. Оставимъ философію!

Елена Андреевна. Вы, Иванъ Петровичъ, образованы и умны и, кажется, должны бы понимать, что мѣръ погибаетъ не отъ разбойниковъ, не отъ пожаровъ, а отъ ненависти, вражды, отъ всѣхъ этихъ мелкихъ дрязгъ... Ваше бы дѣло не ворчать, а мирить всѣхъ.

Войницкій. Сначала помирите меня съ самимъ собою! Дорогая моя... (*припадаетъ къ ея рукѣ*).

Елена Андреевна. Оставьте! (*отнимаетъ руку*). Уходите!

Войницкій. Сейчасъ пройдетъ дождь и все въ природѣ освѣжится и легко вздохнетъ. Одного только меня не освѣжитъ гроза. Днемъ и ночью, точно домовою, душитъ меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлое нѣтъ, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелѣпности. Вотъ вамъ моя жизнь и моя

любовь: куда мнѣ ихъ дѣвать, что мнѣ съ ними дѣлать? Чувство мое гибнетъ даромъ, какъ лучъ солнца, попавшій въ яму, и самъ я гибну.

Елена Андреевна. Когда вы мнѣ говорите о своей любви, я какъ-то тупѣю и не знаю, что говорить. Простите, я ничего не могу сказать вамъ (*хочетъ идти*). Спокойной ночи.

Войницкій (*загораживая ей дорогу*). И если бы вы знали, какъ я страдаю отъ мысли, что рядомъ со мною въ этомъ же домѣ гибнетъ другая жизнь—ваша! Чего вы ждете? Какая проклятая философія мѣшаетъ вамъ? Поймите же, поймите...

Елена Андреевна (*пристально смотритъ на него*). Иванъ Петровичъ, вы пьяны!

Войницкій Можетъ-быть, можетъ-быть...

Елена Андреевна. Гдѣ докторъ?

Войницкій. Онъ тамъ... у меня нокуеть. Можетъ-быть, можетъ-быть... Все можетъ быть!

Елена Андреевна. И сегодня пили? Къ чему это?

Войницкій. Все-таки на жизнь похоже... Не мѣшайте мнѣ, Пелёне!

Елена Андреевна. Раньше вы никогда не пили и никогда вы такъ много не говорили... Идите спать! Мнѣ съ вами скучно.

Войницкій (*припадая къ ея рукамъ*). Дорогая моя... чудная!

Елена Андреевна (*съ досадой*). Оставьте меня. Это, наконецъ, противно (*уходитъ*).

Войницкій (*одинъ*). Ушла... (*пауза*). Десять лѣтъ тому назадъ я встрѣчалъ ее у покойной сестры. Тогда ей было 17, а мнѣ 37 лѣтъ. Отчего я тогда не влюбился въ нее и не сдѣлалъ ей предложенія? Вѣдь это было такъ возможно! И была бы она теперь моею женой... Да... Теперь оба мы проснулись бы отъ грозы; она испугалась бы грома, а я держалъ бы ее въ своихъ объятіяхъ и шепталъ: «не бойся, я здѣсь». О, чудныя мысли, какъ хорошо, я даже смѣюсь... но, Боже мой, мысли путаются въ головѣ... Зачѣмъ я старѣ? Зачѣмъ она меня не понимаетъ? Ея риторика, лѣнивая мораль, вздорныя, лѣнивыя мысли о гибели міра—все это мнѣ глубоко ненавистно (*пауза*). О, какъ я обмануть! Я обожалъ этого профессора, этого жалкаго подагрика, я работалъ на него, какъ волъ! Я и Соня выжимали изъ

этого измѣнія послѣдніе соки; мы, точно кулаки, торговали постнымъ масломъ, горохомъ, творогомъ, сами не добдали куска, чтобы изъ грошей и копеекъ собирать тысячи и посылать ему. Я гордился имъ и его наукой, я жилъ, я дышалъ имъ! Все, что онъ писалъ и изрекалъ, казалось мнѣ гениальнымъ... Боже, а теперь? Вотъ онъ въ отставку, и теперь виденъ весь итогъ его жизни: послѣ него не останется ни одной страницы труда, онъ совершенно неизвѣстенъ, онъ ничто! Мыльный пузырь! И я обмануть... вижу, — глупо обмануть... *(входитъ Астровъ въ сюртукъ, безъ жилета и безъ галстука; онъ навеселъ; за нимъ Телъгинъ съ гитарой).*

Астровъ. Играй!

Телъгинъ. Всѣ спятъ-съ!

Астровъ. Играй!

(Телъгинъ тихо наигрываетъ).

Астровъ *(Войницкому)*. Ты одинъ здѣсь? Дамъ нѣтъ? *(подбоченясь, тихо поетъ)*. «Ходи хата, ходи печь, хозяину легдѣ лечь»... А меня гроза разбудила. Важный дождикъ. Который теперь часъ?

Войницкій. А чортъ его знаетъ.

Астровъ. Мнѣ какъ будто бы послышался голосъ Елены Андреевны.

Войницкій. Сейчасъ она была здѣсь.

Астровъ. Роскошная женщина *(осматриваетъ склянки на столѣ)*. Лѣкарства. Какихъ только тутъ нѣтъ рецептовъ! И харьковскіе, и московскіе, и тульскіе... Всѣмъ городамъ надоѣлъ свою подагрой. Онъ боленъ или притворяется?

Войницкій. Боленъ *(пауза)*.

Астровъ. Что ты сегодня такой печальный? Профессора жаль, что ли?

Войницкій. Оставь меня.

Астровъ. А то, можетъ-быть, въ профессоршу влюбленъ?

Войницкій. Она мой другъ.

Астровъ. Уже?

Войницкій. Что значитъ это «уже»?

Астровъ. Женщина можетъ быть другомъ мужчины лишь въ такой послѣдовательности: сначала пріятель, потомъ любовница, а затѣмъ ужъ другъ.

Войницкій. Попляческая философія.

Астровъ. Какъ? Да... Надо сознаться, — становлюсь попля-

комъ. Видишь, я и пьянъ. Обыкновенно, я напиваюсь такъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Когда бываю въ такомъ состояннн, то становлюсь нахальнымъ и наглымъ до крайности. Мнѣ тогда все ни почемъ! Я беруся за самыя трудныя операци и дѣлаю ихъ прекрасно; я рисую самыя широкіе планы будущаго; въ это время я уже не кажусь себѣ чудачкомъ и вѣрю, что приношу человѣчеству громадную пользу... громадную! И въ это время у меня своя собственная философская система, и всѣ вы, братцы, представляетесь мнѣ такими букашками... микробами (*Тельмину*). Вафля, играй!

Тельгинъ. Дружочекъ, я радъ бы для тебя всею душой, но пойми же,—въ домѣ спать!

Астровъ. Играй!

(Тельминъ тихо напирываетъ).

Астровъ. Выпить бы надо. Пойдемъ, тамъ, кажется, у насъ еще коньякъ остался. А какъ разсвѣтетъ, ко мнѣ поѣдемъ. Идешь? У меня есть фельдшеръ, который никогда не скажетъ «идеть», а «идѣть». Мошенникъ страшный. Такъ идѣть? (*увидѣвъ входящую Соню*). Извините, я безъ галстука (*быстро уходитъ; Тельгинъ идетъ за нимъ*).

Соня. А ты, дядя Ваня, опять напился съ докторомъ. Подружились ясные соколы. Ну, тотъ уже всегда такой, а ты-то съ чего? Въ твои годы это совсѣмъ не къ лицу.

Войницкій. Годы тутъ ни при чемъ. Когда нѣтъ настоящей жизни, то живутъ миражами. Все-таки лучше, чѣмъ ничего.

Соня. Сѣно у насъ все скошено, идутъ каждый день дожди, все гниетъ, а ты занимаешься миражами. Ты совсѣмъ забросилъ хозяйство... Я работаю одна, совсѣмъ изъ силъ выбилась... (*исторжнно*). Дядя, у тебя на глазахъ слезы!

Войницкій. Какія слезы? Ничего нѣтъ... вздоръ... Ты сейчасъ взглянула на меня, какъ покойная твоя мать. Милая моя... (*жадно цѣлуетъ ея руки и лицо*). Сестра моя... милая сестра моя... гдѣ она теперь? Если бы она знала! Ахъ, если бы она знала!

Соня. Что? Дядя, что знала?

Войницкій. Тяжело, не хорошо... Ничего... Послѣ... Ничего... Я уйду... (*уходитъ*).

Соня (*стучитъ въ дверь*). Михаилъ Львовичъ! Вы не спите? На минутку!

Астровъ (*за дверью*). Сейчасъ! (*немного погодя входитъ; онъ уже въ жилеткѣ и галстукѣ*). Что прикажете?

Соня. Сами вы пейте, если это вамъ не противно, но, умоляю, не давайте пить дядѣ. Ему вредно.

Астровъ. Хорошо. Мы не будемъ больше пить (*пауза*). Я сейчасъ уѣду къ себѣ. Рѣшено и подписано. Пока запрягутъ, будетъ уже разсвѣтъ.

Соня. Дождь идетъ. Погодите до утра.

Астровъ. Гроза идетъ мимо, только краемъ захватить. Поѣду. И, пожалуйста, больше не приглашайте меня къ вашему отцу. Я ему говорю—подагра, а онъ—ревматизмъ; и прошу лежать, онъ сидитъ. А сегодня такъ и вовсе не сталъ говорить со мною.

Соня. Избалованъ (*ищетъ въ буфетѣ*). Хотите закусить?

Астровъ. Пожалуй, дайте.

Соня. Я люблю по ночамъ закусывать. Въ буфетѣ, кажется, что-то есть. Онъ въ жизни, говорятъ, имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ, и его дамы избаловали. Вотъ берите сыръ (*оба стоятъ у буфета и ѣдятъ*).

Астровъ. Я сегодня ничего не ѣлъ, только пилъ. У вашего отца тяжелый характеръ (*достаетъ изъ буфета бутылку*). Можно? (*выпиваетъ рюмку*). Здѣсь никого нѣтъ и можно говорить прямо. Знаете, мнѣ кажется, что въ нашемъ домѣ я не выжилъ бы одного мѣсяца, задохнулся бы въ этомъ воздухѣ... Вашъ отецъ, который весь ушелъ въ свою подагру и въ книги, дядя Ваня со своею хандрой, ваша бабушка, наконецъ, ваша мачеха...

Соня. Что мачеха?

Астровъ. Въ человѣкѣ должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Она прекрасна, спора нѣтъ, но... вѣдь она только ѣсть, спитъ, гуляетъ, чаруетъ всѣхъ насъ своею красотой—и больше ничего. У нея нѣтъ никакихъ обязанностей, на нее работаютъ другіе... Вѣдь такъ? А праздная жизнь не можетъ быть чистою (*пауза*). Впрочемъ, быть-можетъ, я отношусь слишкомъ строго. Я не удовлетворенъ жизнью, какъ вашъ дядя Ваня, и оба мы становимся брюзгами.

Соня. А вы недовольны жизнью?

Астровъ. Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уѣздную, русскую, обывательскую, терпѣть не могу и презираю ее всѣми силами моей души. А что касается моей собственной, личной жизни, то, ей-Богу, въ ней нѣтъ рѣшительно ничего хорошаго. Знаете, когда идешь темною ночью по

лѣсу, и если въ это время вдали свѣтитъ огонекъ, то не замѣчаешь ни утомленія, ни потемокъ, ни колючихъ вѣтокъ, которыя бьютъ тебя по лицу... Я работаю,—вамъ это извѣстно,—какъ никто въ уѣздѣ, судьба бьетъ меня не переставая, порой страдаю я невыносимо, но у меня вдали нѣтъ огонька. Я для себя уже ничего не жду, не люблю людей... Давно уже никого не люблю.

Соня. Никого?

Астровъ. Никого. Нѣкоторую нѣжность я чувствую только къ вашей нянькѣ—по старой памяти. Мужики однообразны очень, не развиты, грязно живутъ, а съ интеллигенціей трудно ладить. Она утомляетъ. Всѣ они, наши добрые знакомые, мелко мыслятъ, мелко чувствуютъ и не видятъ дальше своего носа—просто-на-просто глупы. А тѣ, которые поумнѣе и покрупнѣе, истеричны, заѣдены анализомъ, рефлексомъ... Эти ноютъ, ненавистничаютъ, болѣзненно клеветуютъ, подходятъ къ человѣку бокомъ, смотрятъ на него искоса и рѣшаютъ: «О, это психопатъ!» или: «Это фразеръ!» А когда не знаютъ, какой ярлыкъ прилѣпить къ моему лбу, то говорятъ:—«Это странный человѣкъ, странный!» Я люблю лѣсъ—это странно; я не ѣмъ мяса—это тоже странно. Непосредственнаго, чистаго, свободнаго отношенія къ природѣ и къ людямъ уже нѣтъ... Нѣтъ и нѣтъ! (*хочетъ выпить*).

Соня (*мѣшаетъ ему*). Нѣтъ, прошу васъ, умоляю, не пейте больше.

Астровъ. Отчего?

Соня. Это такъ не идетъ къ вамъ! Вы изящны, у васъ такой нѣжный голосъ... Даже больше, вы, какъ никто изъ всѣхъ, кого я знаю,—вы прекрасны. Зачѣмъ же вы хотите походить на обыкновенныхъ людей, которые пьютъ и играютъ въ карты? О, не дѣлайте этого, умоляю васъ! Вы говорите всегда, что люди не творятъ, а только разрушаютъ то, что имъ дано свыше. Зачѣмъ же, зачѣмъ вы разрушаете самого себя? Не надо, не надо, умоляю, заклиная васъ.

Астровъ (*протягиваетъ ей руку*). Не буду больше пить.

Соня. Дайте мнѣ слово.

Астровъ. Честное слово.

Соня (*крѣпко пожимаетъ руку*). Благодарю!

Астровъ. Баста! Я отрезвѣлъ. Видите, я уже совсѣмъ

трезвь и такимъ останусь до конца дней моихъ (*смотритъ на часы*). Итакъ, будемъ продолжать. Я говорю: мое время уже ушло, поздно мнѣ... Постарѣлъ, заработался, испошлился, притупились всѣ чувства, и, кажется, я уже не могъ бы привязаться къ человѣку. Я никого не люблю и... уже не полюблю. Что меня еще захватываетъ, такъ это красота. Неравнодушенъ я къ ней. Мнѣ кажется, что если бы вотъ Елена Андреевна захогѣла, то могла бы вскружить мнѣ голову въ одинъ день... Но вѣдь это не любовь, не привязанность... (*закрываетъ рукой глаза и вздрагиваетъ*).

Соня. Что съ вами?

Астровъ. Такъ... Въ Великомъ посту у меня больной умеръ подъ хлороформомъ.

Соня. Объ этомъ пора забыть (*пауза*). Скажите мнѣ, Михайлъ Львовичъ... Если бы у меня была подруга, или младшая сестра, и если бы вы узнали, что она... ну, положимъ, любить васъ, то какъ бы вы отнеслись къ этому?

Астровъ (*пожавъ плечами*). Не знаю. Должно-быть, никакъ. Я далъ бы ей понять, что полюбить ее не могу... да и не тѣмъ моя голова занята. Какъ ни какъ, а если ѣхать, то уже пора. Прощайте, голубушка, а то мы такъ до утра не кончимъ (*пожимаетъ руку*). Я пройду черезъ гостиную, если позволите, а то боюсь, какъ бы вашъ дядя меня не задержать (*уходитъ*).

Соня (*одна*). Онъ ничего не сказалъ мнѣ... Душа и сердце его все еще скрыты отъ меня, но отчего же я чувствую себя такую счастливою? (*смѣется отъ счастья*). Я ему сказала: вы изящны, благородны у васъ такой нѣжный голосъ... Развѣ это вышло некстати? Голосъ его дрожить, ласкаетъ... вотъ я чувствую его въ воздухѣ. А когда я сказала ему про младшую сестру, онъ не понялъ... (*ломая руки*). О, какъ это ужасно, что я некрасива! Какъ ужасно! А я знаю, что я некрасива, знаю, знаю... Въ прошлое воскресенье, когда выходили изъ церкви, я слышала какъ говорили про меня, и одна женщина сказала: «она добрая, великодушная, но жаль, что она такъ некрасива»... Не красива...

(*Входитъ Елена Андреевна*).

Елена Андреевна (*открываетъ окна*). Прошла гроза. Какой хорошій воздухъ! (*пауза*). Гдѣ докторъ?

Соня. Ушелъ *(пауза)*.

Елена Андреевна. Софи!

Соня. Что?

Елена Андреевна. До какихъ поръ вы будете дуться на меня? Другъ другу мы не сдѣлали никакого зла. Зачѣмъ же намъ быть врагами? Полноте...

Соня. Я сама хотѣла... *(обнимаетъ ее)*. Довольно сердиться.

Елена Андреевна. И отлично *(объ взволнованы)*.

Соня. Папа легъ?

Елена Андреевна. Нѣтъ, сидитъ въ гостиной... Не говоримъ мы другъ съ другомъ по цѣлымъ недѣлямъ и Богъ знаетъ, изъ-за чего... *(увидѣвъ, что буфетъ открытъ)*. Что это?

Соня. Михаилъ Львовичъ ужиналъ.

Елена Андреевна. И вино есть... Давайте, выпьемъ брудершафтъ.

Соня. Давайте.

Елена Андреевна. Изъ одной рюмочки... *(наливаетъ)*. Этакъ лучше. Ну, значитъ—ты?

Соня. Ты. *(Пьютъ и цѣлуются)*. Я давно уже хотѣла мириться, да все какъ-то совѣстно было... *(плачетъ)*.

Елена Андреевна. Что же ты плачешь?

Соня. Ничего, это я такъ.

Елена Андреевна. Ну, будетъ, будетъ... *(плачетъ)*. Чудачка, и я заплакала... *(пауза)*. Ты на меня сердита за то, что я будто вышла за твоего отца по расчету... Если вѣришь клятвамъ, то клянусь тебѣ,—я выходила за него по любви. Я увлеклась имъ, какъ ученымъ и извѣстнымъ чело­вѣкомъ. Любовь была не настоящая, искусственная, но вѣдь мнѣ казалось тогда, что она настоящая. Я не виновата. А ты съ самой нашей свадьбы не переставала казнить меня своими умными подозрительными глазами.

Соня. Ну, миръ, миръ! Забудемъ.

Елена Андреевна. Не надо смотрѣть такъ — тебѣ это не идетъ. Надо всѣмъ вѣрить, иначе жить нельзя *(пауза)*.

Соня. Скажи мнѣ по совѣсти, какъ другъ... Ты счастлива?

Елена Андреевна. Нѣтъ.

Соня. Я это знала. Еще одинъ вопросъ. Скажи откровенно,—ты хотѣла бы, чтобы у тебя былъ молодой мужъ?

Елена Андреевна. Какая ты еще дѣвочка. Конечно, хотѣла бы *(смѣется)*. Ну, спроси еще что-нибудь, спроси...

Соня. Тебѣ докторъ нравится?

Елена Андреевна. Да, очень.

Соня *(смѣется)*. У меня глупое лицо... да? Вотъ онъ ушелъ, а я все слышу его голосъ и шаги, а посмотрю на темное окно,—тамъ мнѣ представляется его лицо. Дай мнѣ высказаться... Но я не могу говорить такъ громко, мнѣ стыдно. Пойдемъ ко мнѣ въ комнату, тамъ поговоримъ. Я тебѣ кажусь глупою? Сознайся... Скажи мнѣ про него что-нибудь...

Елена Андреевна. Что же?

Соня. Онъ умный... Онъ все умѣетъ, все можетъ... Онъ и лѣчитъ, и сажаетъ лѣсъ...

Елена Андреевна. Не въ лѣсѣ и не въ медицинѣ дѣло... Милая моя, пойми, это талант! А ты знаешь, что значитъ талантъ? Смѣлость, свободная голова, широкой размахъ... Посадить деревцо и уже загадываетъ, что будетъ отъ этого черезъ тысячу лѣтъ, уже мерещится ему счастье человѣчества. Такіе люди рѣдки, ихъ нужно любить... Онъ пѣетъ, бываетъ грубоватъ,—но что за бѣда? Талантливый человѣкъ въ Россіи не можетъ быть чистенькимъ. Сама подумай, что за жизнь у этого доктора! Непролазная грязь на дорогахъ, морозы, метели, разстоянія громадныя, народъ грубый, дикій, кругомъ нужда, болѣзни, а при такой обстановкѣ тому, кто работаетъ и борется изо-дня-въ-день, трудно сохранить себя къ сорока годамъ чистенькимъ и трезвымъ... *(шлуетъ ее)*. Я отъ души тебѣ желаю, ты стоишь счастья... *(встаетъ)*. А я нудная, эпизодическое лицо... И въ музыкѣ, и въ домѣ мужа, во всѣхъ романахъ — вездѣ, однимъ словомъ, я была только эпизодическимъ лицомъ. Собственно говоря, Соня, если вдуматься, то я очень, очень несчастна! *(ходитъ въ волненіи по сценѣ)*. Нѣтъ мнѣ счастья на этомъ свѣтѣ. Нѣтъ! Что ты смѣешься?

Соня *(смѣется, закрывъ лицо)*. Я такъ счастлива... счастлива!

Елена Андреевна. Мнѣ хочется играть... Я сыграла бы теперь что-нибудь.

Соня. Сыграй *(обнимаетъ ее)*. Я не могу спать... Сыграй!

Елена Андреевна. Сейчасъ. Твой отецъ не спитъ. Когда

онъ боленъ, его раздражаетъ музыка. Поди, спроси. Если онъ ничего, то сыграю. Поди.

Соня. Сейчасъ (*уходитъ*).

(*Въ саду стучитъ сторожъ*).

Елена Андреевна. Давно уже я не играла. Буду играть и плакать, плакать, какъ дура (*въ окно*). Это ты стучишь Ефимъ?

Голось сторожа. Я!

Елена Андреевна. Не стучи, баринъ нездоровъ.

Голось сторожа. Сейчасъ уйду! (*подсвистываетъ*). Эй, вы, Жучка, Мальчикъ! Жучка! (*пауза*).

Соня (*вернувшись*). Нельзя!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ домѣ Серебрякова. Три двери: направо, налѣво и по-
средины.—День.

Войницкій, Соня (*сидятъ*) и Елена Андреевна (*ходитъ по сценѣ, о
чемъ-то думая*).

Войницкій. Герръ профессоръ изволилъ выразить желаніе, чтобы сегодня всё мы собрались вотъ въ этой гостиной къ часу дня (*смотритъ на часы*). Безъ четверти часъ. Хочетъ о чемъ-то повѣдать міру.

Елена Андреевна. Вѣроятно, какое-нибудь дѣло.

Войницкій. Никакихъ у него нѣтъ дѣлъ. Пишетъ чепуху, брюзжитъ и ревнуетъ, больше ничего.

Соня (*тономъ упрека*). Дядя!

Войницкій. Ну, ну, виновать (*указываетъ на Елену Андреевну*). Полюбуйтесь: ходитъ и отъ дѣни шатается. Очень мило! Очень!

Елена Андреевна. Вы цѣлый день жужжите, все жужжите—какъ не надоѣстъ! (*съ тоской*). Я умираю отъ скуки, не знаю, что мнѣ дѣлать.

Соня (*пожимая плечами*). Мало ли дѣла? Только бы захотѣла.

Елена Андреевна. Напримѣръ?

Соня. Хозяйствомъ занимайся, учи, лѣчи. Мало ли? Вотъ когда тебя и папы здѣсь не было, мы съ дядей Ваней сами ѣздили на базаръ мукой торговать.

Елена Андреевна. Не умѣю. Да и неинтересно. Это только въ идейныхъ романахъ учать и лѣчать мужиковъ, а какъ я, ни съ того, ни съ сего, возьму вдругъ и пойду ихъ лѣчить или учить?

Соня. А вотъ я такъ не понимаю, какъ это не идти и не учить. Погоди, и ты привыкнешь (*обнимаетъ ее*). Не скучай, родная (*смѣясь*). Ты скучаешь, не находишь себѣ мѣста, а скука и праздность заразительны. Смотри: дядя Ваня ничего не дѣлаетъ и только ходитъ за тобою, какъ тѣнь, я оставила свои дѣла и прибѣжала къ тебѣ, чтобы поговорить. Облѣнилась, не могу! Докторъ Михаилъ Львовичъ прежде бывалъ у насъ очень рѣдко, разъ въ мѣсяць, упротить его было трудно, а теперь онъ ѣздитъ сюда каждый день, бросилъ и свои лѣса, и медицину. Ты колдунья, должно-быть.

Войницкій. Что томитесь? (*живо*). Ну, дорогая моя, роскошь, будьте умницей! Въ вашихъ жилахъ течетъ русалочья кровь, будьте же русалкой! Дайте себѣ волю хоть разъ въ жизни, влюбитесь поскорѣе въ какого-нибудь водяного по самыя уши — и бултыхъ съ головой въ омутъ, чтобы герръ профессоръ и всѣ мы только руками развели!

Елена Андреевна (*съ шепотомъ*). Оставьте меня въ покоѣ! Какъ это жестоко! (*хочетъ уйти*).

Войницкій (*не пускаетъ ее*). Ну, ну, моя радость, простите... Извиняюсь (*цѣлуетъ руку*). Миръ.

Елена Андреевна. У ангела не хватило бы терпѣнія, согласитесь.

Войницкій. Въ знакъ мира и согласія я принесу сейчасъ букетъ розъ; еще утромъ для васъ приготовилъ... Осеннія розы—прекрасныя, грустныя розы... (*уходитъ*).

Соня. Осеннія розы—прекрасныя, грустныя розы... (*объе смотрятъ въ окно*).

Елена Андреевна. Вотъ уже и сентябрь. Какъ-то мы проживемъ здѣсь зиму! (*пауза*). Гдѣ докторъ?

Соня. Въ комнатѣ у дяди Вани. Что-то пишеть. Я рада, что дядя Ваня ушелъ, мнѣ нужно поговорить съ тобою.

Елена Андреевна. О чемъ?

Соня. О чемъ? (*кладетъ ей голову на грудь*).

Елена Андреевна. Ну, полно, полно... (*приглаживаетъ ей волосы*). Полно.

Соня. Я не красива.

Елена Андреевна. У тебя прекрасные волосы.

Соня. Нѣтъ! (*оглядывается, чтобы взглянуть на себя въ зеркало*). Нѣтъ, когда женщина не красива, то ей говорятъ: «у васъ прекрасные глаза, у васъ прекрасные волосы»... Я его люблю уже шесть лѣтъ, люблю больше, чѣмъ свою мать; я каждую минуту слышу его, чувствую пожатіе его руки; и я смотрю на дверь, жду, мнѣ все кажется, что онъ сейчасъ войдетъ. И вотъ, ты видишь, я все прихожу къ тебѣ, чтобы поговорить о немъ. Теперь онъ бываетъ здѣсь каждый день, но не смотритъ на меня, не видитъ... Это такое страданіе! У меня нѣтъ никакой надежды, нѣтъ, нѣтъ! (*въ отчаяніи*). О, Боже, пошли мнѣ силы... Я всю ночь молилась... Я часто подхожу къ нему, сама заговариваю съ нимъ, смотрю ему въ глаза... У меня уже нѣтъ гордости, нѣтъ силъ владѣть собою... Не удержалась и вчера призналась дядѣ Ванѣ, что люблю... И вся прислуга знаетъ, что я его люблю. Всѣ знаютъ.

Елена Андреевна. А онъ?

Соня. Нѣтъ. Онъ меня не замѣчаетъ.

Елена Андреевна (*въ раздумьи*). Станный онъ человѣкъ... Знаешь что? Позволь, я поговорю съ нимъ... Я осторожно, намеками... (*пауза*). Право, до какихъ же поръ быть въ неизвѣстности... Позволь!

(*Соня утвердительно киваетъ головой*).

Елена Андреевна. И прекрасно. Любить или не любить — это не трудно узнать. Ты не смущайся, голубка, не безпокойся, — я допрошу его осторожно, онъ и не замѣтитъ. Намъ только узнать: да, или нѣтъ? (*пауза*). Если нѣтъ, то пусть не бываетъ здѣсь. Такъ?

(*Соня утвердительно киваетъ головой*).

Елена Андреевна. Легче, когда не видишь. Откладывать въ долгій ящикъ не будемъ, допросимъ его теперь же. Онъ собирався показать мнѣ какіе-то чертежи... Поди скажи, что я желаю его видѣть.

Соня (*въ сильномъ волненіи*). Ты мнѣ скажешь всю правду?

Елена Андреевна. Да, конечно. Мнѣ кажется, что правда, какая бы она ни была, все-таки не такъ страшна, какъ неизвѣстность. Положись на меня, голубка.

Соня. Да, да... Я скажу, что ты хочешь видѣть его чертежи... (*идетъ и останавливается возлѣ двери*). Нѣтъ, неизвѣстность лучше... Все-таки надежда...

Елена Андреевна. Что ты?

Соня. Ничего *(уходитъ)*.

Елена Андреевна *(одна)*. Нѣтъ ничего хуже, когда знаешь чужую тайну и не можешь помочь *(раздумывая)*. Онъ не влюбленъ въ нее—это ясно, но отчего бы ему не жениться на ней? Она не красива, но для деревенскаго доктора, въ его годы, это была бы прекрасная жена. Умница, такая добрая, чистая.!. Нѣтъ, это не то, не то... *(пауза)*. Я понимаю эту бѣдную дѣвочку. Среди отчаянной скуки, когда вмѣсто людей кругомъ бродятъ какія-то сѣрыя пятна, слышатся однѣ пошлости, когда только и знаютъ, что ѣдятъ, пьютъ, спятъ, иногда прѣвзжасть онъ, непохожій на другихъ, красивый, интересный, увлекательный, точно среди потемокъ восходитъ мѣсяцъ ясный... Поддаться обаянію такого человѣка, забыться... Кажется, я сама увлеклась немножко. Да, мнѣ безъ него скучно, я вотъ улыбаюсь, когда думаю о немъ... Этотъ дядя Ваня говоритъ, будто въ моихъ жилахъ течетъ русалочья кровь. «Дайте себѣ волю хоть разъ въ жизни»... Что-жь? Можетъ-быть, такъ и нужно... Улетѣть бы вольною птицейъ отъ всѣхъ васъ, отъ вашихъ сонныхъ фizioномій, отъ разговоровъ, забыть, что всѣ вы существуете на свѣтѣ. Но я труслива, застѣнчива... Меня замучить совѣсть... Вотъ онъ бывасть здѣсь каждый день, я угадываю, зачѣмъ онъ здѣсь, и уже чувствую себя виноватою, готова пасть передъ Соней на колѣни, извиняться, плакать...

Грoвъ *(входитъ съ картограммой)*. Добрый день! *(пожимаетъ руку)*. Вы хотѣли видѣть мою живопись?

Елена Андреевна. Вчера вы обѣщали показать мнѣ свои работы... Вы свободны?

Астровъ. О, конечно *(растягиваетъ на ломберномъ столѣ картограмму и укрѣпляетъ ее кнопками)*. Вы гдѣ родились?

Елена Андреевна *(помогая ему)*. Въ Петербургѣ.

Астровъ. А получили образованіе?

Елена Андреевна. Въ консерваторіи.

Астровъ. Для васъ, пожалуй, это неинтересно.

Елена Андреевна. Почему? Я, правда, деревни не знаю, но я много читала.

Астровъ. Здѣсь въ домѣ есть мой собственный столъ... Въ комнатѣ у Ивана Петровича. Когда я утомлюсь совершенно, до полного отупѣнія, то все бросаю и бѣгу сюда,

и вотъ забавляюсь этой штукой часъ-другой... Иванъ Петровичъ и Софья Александровна щелкаютъ на счетахъ, а я сижу подлѣ нихъ за своимъ столомъ и мажу—и мнѣ тепло, покойно, и сверчокъ кричить. Но это удовольствіе я позволяю себѣ не часто, разъ въ мѣсяць... (*показывая на картограмму*). Теперь смотрите сюда. Картина нашего уѣзда, какимъ онъ былъ 50 лѣтъ назадъ. Темно- и свѣтло-зеленая краска означаетъ лѣса; половина всей площади занята лѣсомъ. Гдѣ по зелени положена красная сѣтка, тамъ водились лоси, козы... Я показываю тутъ и флору, и фауну. На этомъ озерѣ жили лебеди, гуси, утки, и, какъ говорятъ старинки, птицы всякой была сила, видимо-невидимо: носилась она тучей. Кромѣ сель и деревень, видите, тамъ и сямъ разбросаны разные выселки, хуторочки, раскольничьи скиты, водяныя мельницы... Рогатаго скота и лошадей было много. По голубой краскѣ видно. Нанри-мѣръ, въ этой волости голубая краска легла густо; тутъ были цѣлыя табуны, и на каждый дворъ приходилось по три лошади (*пауза*). Теперь посмотрите ниже. То, что было 25 лѣтъ назадъ. Тутъ ужъ подъ лѣсомъ только одна треть всей площади. Козъ уже нѣтъ, но лоси есть. Зеленая и голубая краски уже блѣднѣе. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Переходимъ къ третьей части; картина уѣзда въ настоящемъ. Зеленая краска лежитъ кое-гдѣ, но не сплошь, а пятнами; исчезли и лоси, и лебеди, и глухари... Отъ прежнихъ выселковъ, хуторковъ, скитовъ, мельницъ и слѣда нѣтъ. Въ общемъ, картина постепеннаго и несомнѣннаго вырожденія, которому, повидимому, остается еще какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ, чтобы стать полнымъ. Вы скажете, что тутъ культурныя вліянія, что старая жизнь естественно должна была уступить мѣсто новой. Да, я понимаю, если бы на мѣстѣ этихъ истребленныхъ лѣсовъ пролегли шоссе, желѣзныя дороги, если бы тутъ были заводы, фабрики, школы,—народъ сталъ бы здоровѣе, богаче, умнѣе, но вѣдь тутъ ничего подобнаго! Въ уѣздѣ тѣ же болота, комары, то же бездорожье, нищета, тифъ, дифтеритъ, пожары... Тутъ мы имѣемъ дѣло съ вырожденіемъ вслѣдствіе не-посильной борьбы за существованіе; это вырожденіе отъ косности, отъ невѣжества, отъ полнѣйшаго отсутствія самосознанія, когда озлябшій, голодный, больной человѣкъ, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своихъ дѣтей, ни-

стихливо, бессознательно хватается за все, чѣмъ только можно утолить голодъ, согрѣться, разрушаетъ все, не думая о завтрашнемъ днѣ... Разрушено уже почти все, но взаимнѣе не создано еще ничего (*холодно*). Я по лицу вижу, что это вамъ не интересно.

Елена Андреевна. Но я въ этомъ такъ мало понимаю...

Астровъ. И понимать тутъ нечего, просто неинтересно.

Елена Андреевна. Откровенно говоря, мысли мои не тѣмъ заняты. Простите. Мнѣ нужно сдѣлать вамъ маленькій допросъ, и я смущена, не знаю, какъ начать.

Астровъ. Допросъ?

Елена Андреевна. Да, допросъ, но... довольно невинный. Сядемъ! (*салятся*). Дѣло касается одной молодой особы. Мы будемъ говорить, какъ честные люди, какъ пріятели, безъ обвиняковъ. Поговоримъ и забудемъ, о чемъ была рѣчь. Да?

Астровъ. Да.

Елена Андреевна. Дѣло касается моей падчерицы Сони. Она вамъ нравится?

Астровъ. Да, я ее уважаю.

Елена Андреевна. Она вамъ нравится, какъ женщина?

Астровъ (*не сразу*). Нѣтъ.

Елена Андреевна. Еще два-три слова—и конецъ. Вы ничего не замѣчали?

Астровъ. Ничего.

Елена Андреевна (*беретъ его за руку*). Вы не любите ся, по глазамъ вижу... Она страдаетъ... Поймите это и... перестаньте бывать здѣсь.

Астровъ (*встаетъ*). Время мое уже ушло... Да и некогда... (*пожавъ плечами*). Когда мнѣ? (*онъ смущенъ*).

Елена Андреевна. Фу, какой неприятный разговоръ! Я такъ волнуясь, точно протащила на себѣ тысячу пудовъ. Ну, слава Богу, кончили. Забудемъ, будто не говорили вовсе, и... и уѣзжайте. Вы умный человекъ, поймете... (*пауза*). Я даже красная вся стала.

Астровъ. Если бы вы сказали мѣсяць-два назадъ, то я, пожалуй, еще подумалъ бы, но теперь... (*пожимаетъ плечами*). А если она страдаетъ, то, конечно... Только одного не понимаю: зачѣмъ вамъ понадобился этотъ допросъ? (*глядитъ ей въ глаза и грозитъ пальцемъ*). Вы—хитрая!

Елена Андреевна. Что это значитъ?

Астровъ (*смѣясь*). Хитрая! Положимъ, Соня страдаетъ, я охотно допускаю, но къ чему этотъ вашъ допросъ? (*мѣшая ей говорить, живо*). Позвольте, не дѣлайте удивленнаго лица, вы отлично знаете, зачѣмъ я бываю здѣсь каждый день... Зачѣмъ и ради кого бываю, это вы отлично знаете. Хищница милая, не смотрите на меня такъ, я старый воробей...

Елена Андреевна (*въ недоумѣннн*). Хищница? Ничего не понимаю.

Астровъ. Красивый, пушистый хорекъ... Вамъ нужны жертвы! Вотъ я уже цѣлый мѣсяцъ ничего не дѣлаю, бросилъ все, жадно ищу васъ—и это вамъ ужасно нравится, ужасно... Ну, что-жь? Я побѣжденъ, вы это знали и безъ допроса (*скрестивъ руки и нагнувъ голову*). Покоряюсь. На-те, ѣшьте!

Елена Андреевна. Вы съ ума сошли!

Астровъ (*смѣется сквозь зубы*). Вы застѣнчивы...

Елена Андреевна. О, я лучше и выше, чѣмъ вы думаете! Клянусь вамъ (*хочетъ уйти*).

Астровъ (*загораживая ей дорогу*). Я сегодня уѣду, бывать здѣсь не буду, но... (*беретъ ее за руку, оглядывается*) гдѣ мы будемъ видѣться? Говорите скорѣе: гдѣ? Сюда могутъ войти, говорите скорѣе... (*страстно*). Какая чудная, роскошная... Одинъ поцѣлуй... Мнѣ поцѣловать только ваши ароматные волосы...

Елена Андреевна. Клянусь вамъ...

Астровъ (*мѣшая ей говорить*). Зачѣмъ клясться? Не надо клясться. Не надо лишнихъ словъ... О, какая красивая! Какія руки! (*цѣлуетъ руки*).

Елена Андреевна. Но довольно, наконецъ... уходите... (*отнимаетъ руки*). Вы забылись.

Астровъ. Говорите же, говорите, гдѣ мы завтра увидимся? (*беретъ ее за талию*). Ты видишь, это неизбежно, намъ надо видѣться (*цѣлуетъ ее; въ это время входитъ Войничкай съ букетомъ розъ и останавливается у двери*).

Елена Андреевна (*не видя Войничкаго*). Пощадите... оставьте меня... (*кладетъ Астрову голову на грудь*). Пѣтъ! (*хочетъ уйти*).

Астровъ (*удерживая ее за талию*). Приѣзжай завтра въ лѣсничество... часамъ къ двумъ... Да? Да? Ты приѣдешь?

Елена Андреевна (*увидѣвъ Войничкаго*). Пустите! (*въ сильномъ смущеннн отходитъ къ окну*). Это ужасно.

Войницкій (кладетъ букетъ на стулъ; волнуясь, вытираетъ платкомъ лицо и за воротникомъ). Ничего... Да... Ничего.

Астровъ (будуруя). Сегодня, многоуважаемый Иванъ Петровичъ, погода не дурна. Утромъ было пасмурно, словно какъ бы на дождь, а теперь солнце. Говоря по совѣсти, осень выдалась прекрасная... и озими ничего себѣ (свертываетъ картограмму въ трубку). Вотъ только что: дни коротки стали... (уходитъ).

Елена Андреевна (быстро подходитъ къ Войницкому). Вы постараетесь, вы употребите все ваше вліяніе, чтобы я и мужъ уѣхали отсюда сегодня же! Слышите? Сегодня же!

Войницкій (вытирая лицо). А? Ну, да... хорошо... Я, Нелёне, все видѣлъ, все...

Елена Андреевна (нервно). Слышите? Я должна уѣхать отсюда сегодня же!

(Входятъ Серебряковъ, Соня, Телѣгинъ и Марина).

Телѣгинъ. Я самъ, ваше превосходительство, что-то не со-всѣмъ здоровъ. Вотъ уже два дня хвораю. Голова что-то того...

Серебряковъ. Гдѣ же остальные? Не люблю я этого дома. Какой-то лабиринтъ. Двадцать шесть громадныхъ комнатъ, разбредутся всѣ, и никого никогда не найдешь (звонитъ). Пригласите сюда Марью Васильевну и Елену Андреевну!

Елена Андреевна. Я здѣсь.

Серебряковъ. Прошу, господа, садитесь.

Соня (подойдя къ Еленѣ Андреевнѣ, нетерпливо). Что онъ сказалъ?

Елена Андреевна. Послѣ.

Соня. Ты дрожишь? Ты взволнована? (пытливо всматривается въ ея лицо). Я понимаю... Онъ сказалъ, что уже больше не будетъ бывать здѣсь... да? (пауза). Скажи! да?

(Елена Андреевна утвердительно киваетъ головой).

Серебряковъ (Телѣгину). Съ нездоровьемъ еще можно мп-риться, куда ни шло, но чего я не могу переварить, такъ это строя деревенской жизни. У меня такое чувство, какъ будто я съ земли свалился на какую-то чужую планету. Садитесь, господа, прошу васъ. Соня! (Соня не слышитъ его, она стоитъ, печально опустивъ голову). Соня! (пауза). Не слышитъ (Марину). И ты, няня, садись (няня садится и вяжетъ чулокъ). Прошу, господа. Повѣсьте, такъ сказать, ваши уши на гвоздь вниманія (смѣется).

Войницкій (*волнуясь*). Я, быть-можетъ, не нуженъ? Могу уйти?

Серебряковъ. Нѣтъ, ты здѣсь нужнѣе всѣхъ.

Войницкій. Что вамъ отъ меня угодно?

Серебряковъ. Вамъ... Что же ты сердиться? (*пауза*). Если я въ чемъ виноватъ передъ тобою, то извини, пожалуйста.

Войницкій. Оставь этотъ тонъ. Приступимъ къ дѣлу... Что тебѣ нужно?

(*Входитъ Марія Васильевна*).

Серебряковъ. Вотъ и тамап. Я начинаю, господа (*пауза*). Я пригласилъ васъ, господа, чтобы объявить вамъ, что къ намъ ѣдетъ ревизоръ. Впрочемъ, шутки въ сторону. Дѣло серьезное. Я, господа, собралъ васъ, чтобы попросить у васъ помощи и совѣта, и, зная всегдашнюю вашу любезность, надѣюсь, что получу ихъ. Человѣкъ я ученый, книжный и всегда былъ чуждъ практической жизни. Обойтись безъ указаній свѣдущихъ людей я не могу и прошу тебя, Иванъ Петровичъ, вотъ васъ, Илья Ильичъ, васъ, тамап... Дѣло въ томъ, что *manet omnes una pox*, то-есть всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; я старъ, боленъ и потому нахожу своевременнымъ регулировать свои имущественныя отношенія постольку, поскольку они касаются моей семьи. Жизнь моя уже кончена, о себѣ я не думаю, но у меня молодая жена, дочь-дѣвушка (*пауза*). Продолжать жить въ деревнѣ мнѣ невозможно. Мы для деревни не созданы. Жить же въ городѣ на тѣ средства, какія мы получаемъ отъ этого имѣнія, невозможно. Если продать, положимъ, лѣсъ, то это мѣра экстраординарная, которою нельзя пользоваться ежегодно. Нужно изыскать такія мѣры, которыя гарантировали бы намъ постоянную, болѣе или менѣе опредѣленную цифру дохода. Я придумалъ одну такую мѣру и имѣю честь предложить ее на ваше обсужденіе. Минувя детали, изложу ее въ общихъ чертахъ. Наше имѣніе даетъ въ среднемъ размѣрѣ не болѣе двухъ процентовъ. Я предлагаю продать его. Если вырученныя деньги мы обратимъ въ процентныя бумаги, то будемъ получать отъ четырехъ до пяти процентовъ, и я думаю, что будетъ даже излишекъ въ нѣсколько тысячъ, который намъ позволитъ купить въ Финляндіи небольшую дачу.

Войницкій. Постой... Мнѣ кажется, что мнѣ измѣняетъ мой слухъ. Повтори, что ты сказалъ.

Серебряковъ. Деньги обратить въ процентныя бумаги и на излишекъ, какой останется, купить дачу въ Финляндіи.

Войницкій. Не Финляндія... Ты еще что-то другое сказала.

Серебряковъ. Я предлагаю продать имѣніе.

Войницкій. Вотъ это самое. Ты продашь имѣніе, превосходно, богатая идея... А куда прикажешь дѣваться мнѣ со старухой-матерью и вотъ съ Соней.

Серебряковъ. Все это своевременно мы обсудимъ. Не сразу же.

Войницкій. Постой. Очевидно, до сихъ поръ у меня не было ни капли здраваго смысла. До сихъ поръ я имѣлъ глупость думать, что это имѣніе принадлежитъ Сонѣ. Мой покойный отецъ купилъ это имѣніе въ приданое для моей сестры. До сихъ поръ я былъ наивенъ, понималъ законы не по-турецки и думалъ, что имѣніе отъ сестры перешло къ Сонѣ.

Серебряковъ. Да, имѣніе принадлежитъ Сонѣ. Кто спорить? Безъ согласія Сони я не рѣшусь продать его. Къ тому же я предполагаю сдѣлать это для блага Сони.

Войницкій. Это непостижимо, непостижимо! Или я съ ума сошелъ, или... или...

Марія Васильевна. Жанъ, не противорѣчь Александру. Вѣрь, онъ лучше насъ знаетъ, что хорошо и что дурно.

Войницкій. Нѣтъ, дайте мнѣ воды (*нѣтъ воду*). Говорите, что хотите, что хотите!

Серебряковъ. Я не понимаю, отчего ты волнуешься. Я не говорю, что мой проектъ идеаленъ. Если всѣ найдутъ его негоднымъ, то я не буду настаивать (*пауза*).

Телѣгинъ (*въ смущеніи*). Я, ваше превосходительство, питаю къ наукѣ не только благоговѣніе, но и родственныя чувства. Брата моего Григорія Ильича жены братъ, можетъ, изволите знать, Константинъ Трофимовичъ Лакедемоновъ, былъ магистромъ...

Войницкій. Постой, Вафля, мы о дѣлѣ... Погоди, послѣ... (*Серебрякову*). Вотъ спроси ты у него. Это имѣніе куплено у его дяди.

Серебряковъ. Ахъ, зачѣмъ мнѣ спрашивать? Къ чему?

Войницкій. Это имѣніе было куплено по тогдашнему времени за девяносто пять тысячъ. Отецъ уплатилъ только семьдесятъ и осталось долгу двадцать пять тысячъ. Теперь слушайте... Имѣніе это не было бы куплено, если бы я не

отказался отъ наслѣдства въ пользу сестры, которую горячо любилъ. Мало того, я десять лѣтъ работалъ, какъ волъ, и выплатилъ весь долгъ.

Серебряковъ. Я жалѣю, что началъ этотъ разговоръ.

Войницкій. Имѣніе чисто отъ долговъ и не разстроено только благодаря моимъ личнымъ усиліямъ. И вотъ, когда я сталъ старъ, меня хотять выгнать отсюда въ шею!

Серебряковъ. Я не понимаю, чего ты добиваешься!

Войницкій. Двадцать пять лѣтъ я управлялъ этимъ имѣніемъ, работалъ, высылалъ тебѣ деньги, какъ самый добросовѣстный приказчикъ, и за все время ты ни разу не поблагодарилъ меня. Все время—и въ молодости, и теперь—я получалъ отъ тебя жалованья пятьсотъ рублей въ годъ—нищенскія деньги!—и ты ни разу не догадался прибавить мнѣ хоть одинъ рубль!

Серебряковъ. Иванъ Петровичъ, почемъ же я зналъ? Я человѣкъ не практическій и ничего не понимаю. Ты могъ бы самъ прибавить себѣ, сколько угодно.

Войницкій. Зачѣмъ я не кралъ? Отчего вы всѣ не презираете меня за то, что я не кралъ? Это было бы справедливо, и теперь я не былъ бы нищимъ!

Марія Васильевна (строго). Жанъ!

Телѣгинъ (волнуясь). Ваня, дружочекъ, не надо, не надо... я дрожу... Зачѣмъ портить хорошія отношенія? (*цѣлуетъ его*). Не надо.

Войницкій. Двадцать пять лѣтъ я вотъ съ этою матерью, какъ кротъ, сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ... Всѣ наши мысли и чувства принадлежали тебѣ одному. Днемъ мы говорили о тебѣ, о твоихъ работахъ, гордились тобою, съ благоговѣніемъ произносили твое имя; ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которыя я теперь грубоко презираю!

Телѣгинъ. Не надо, Ваня не надо... Не могу...

Серебряковъ (гнѣвно). Не понимаю, что тебѣ нужно?

Войницкій. Ты для насъ былъ существомъ высшаго порядка, а твои статьи мы знали наизусть... Но теперь у меня открылись глаза! Я все вижу! Пишешь ты объ искусствѣ, но ничего не понимаешь въ искусствѣ! Всѣ твои работы, которыя я любилъ, не стоятъ гроша мѣднаго! Ты морочилъ насъ!

Серебряковъ. Господа. Да уймите же его, наконецъ! Я уйду!

Елена Андреевна. Иванъ Петровичъ, я требую, чтобы вы замолчали! Слышите?

Войницкій. Не замолчу! *(загораживая Серебрякову дорогу)*. Постой, я не кончил! Ты погубилъ мою жизнь! Я не жилъ, не жилъ! По твоей милости я истребилъ, уничтожилъ лучшіе годы своей жизни! Ты мой злѣйшій врагъ!

Телѣгинъ. Я не могу... не могу... Я уйду... *(въ сильномъ волненіи уходитъ)*.

Серебряковъ. Что ты хочешь отъ меня? И какое ты имѣешь право говорить со мною такимъ тономъ? Ничтожество! Если имѣніе твое, то бери его, я не нуждаюсь въ немъ!

Елена Андреевна. Я сію же минуту уѣзжаю изъ этого ада! *(кричитъ)*. Я не могу дольше выносить!

Войницкій. Пропала жизнь! Я талантливъ, уменъ, смѣлъ... Если бы я жилъ нормально, то изъ меня могъ бы выйти Шопенгауэръ, Достоевскій... Я зарпортовался! Я съ ума схожу... Матушка, я въ отчаяніи! Матушка!

Марія Васильевна *(строго)*. Слушайся Александра!

Соня *(становится передъ няней на колыни и прижимается къ ней)*. Нянечка! Нянечка!

Войницкій. Матушка! Что мнѣ дѣлать? Не нужно, не говорите! Я самъ знаю, что мнѣ дѣлать! *(Серебрякову)*. Будешь ты меня помнить! *(уходитъ въ среднюю дверь)*.

(Марія Васильевна идетъ за нимъ).

Серебряковъ. Господа, что же это такое, наконецъ? Уберите отъ меня этого сумасшедшаго! Не могу я жить съ нимъ подъ одною крышей! Живетъ тутъ *(указываетъ на среднюю дверь)*, почти рядомъ со мною... Пусть переберется въ деревню, во флигель, или я переберусь отсюда, но оставаться съ нимъ въ одномъ домѣ я не могу...

Елена Андреевна *(мужу)*. Мы сегодня уѣдемъ отсюда! Необходимо распорядиться сію же минуту.

Серебряковъ. Ничтожнѣйшій человекъ!

Соня *(стоя на колыняхъ, оборачивается къ отцу; первое, сквозь слезы)*. Надо быть милосерднымъ, папа! Я и дядя Ваня такъ несчастны! *(сдерживая отчаяніе)*. Надо быть милосерднымъ! Вспомни, когда ты былъ помоложе, дядя Ваня и бабушка по ночамъ переводили для тебя книги, переписывали твои бумаги... всѣ ночи, всѣ ночи! Я и дядя Ваня работали безъ отдыха, боялись потратить на себя копейку и все посылали тебѣ... Мы не ѣли даромъ хлѣба!

Я говорю не то, не то я говорю, но ты долженъ понять насъ, папа. Надо быть милосерднымъ!

Елена Андреевна (*взволнованная, мужу*). Александръ, ради Бога объяснись съ нимъ... Умоляю.

Серебряковъ. Хорошо, я объяснюсь съ нимъ... Я ни въ чемъ его не обвиняю, я не сержусь, но согласитесь, поведение его по меньшей мѣрѣ странно. Извольте, я пойду къ нему (*уходитъ въ среднюю дверь*).

Елена Андреевна. Будь съ нимъ помягче, успокой его... (*уходитъ за нимъ*).

Соня (*прижимаясь къ нянѣ*). Нянечка! Нянечка!

Марина. Ничего, дѣточка. Погочутъ гусаки—и перестанутъ... Погочутъ—и перестанутъ...

Соня. Нянечка!

Марина (*глядитъ ее по головѣ*). Дрожишь, словно въ морозъ! Ну, ну, сиротка, Богъ милостивъ. Липоваго чайку, или малинки, оно и пройдетъ... Не горюй, сиротка... (*глядя на среднюю дверь съ сердцемъ*). Ишь, расходились, гусаки, чтобъ вамъ пусто!

(*За сценой выстрѣлъ; слышно, какъ вскрикиваетъ Елена Андреевна; Соня вздрагиваетъ*).

Марина. У, чтобъ тебя!

Серебряковъ (*вбѣгаетъ, пошатываясь отъ испуга*). Удержите его! Удержите! Онъ сошелъ съ ума!

(*Елена Андреевна и Войницкій борются въ дверяхъ*).

Елена Андреевна (*стараясь отнять у него револьверъ*). Отдайте! Отдайте, вамъ говорятъ!

Войницкій. Пустите, Нелене! Пустите меня! (*освободившись, вбѣгаетъ и ищетъ глазами Серебрякова*). Гдѣ онъ? А, вотъ онъ! (*стрѣляетъ въ него*). Вацъ! (*пауза*). Не попалъ? Опять промахъ?! (*съ инвномъ*). А, чортъ, чортъ... чортъ бы побралъ... (*бьетъ револьверомъ объ полъ и въ изнеможении садится на стулъ. Серебряковъ ошеломленъ; Елена Андреевна приклонилась къ стѣнѣ, ей дурно*).

Елена Андреевна. Увезите меня отсюда! Увезите, убейте, но... я не могу здѣсь оставаться, не могу!

Войницкій (*въ отчаяніи*). О, что я дѣлаю! Что я дѣлаю!

Соня (*тихо*). Нянечка! Нянечка!

Занавѣсь.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната Ивана Петровича; тутъ его спальня тутъ же и контора имѣнія. У окна большой столъ съ прихода-расходными книгами и бумагами всякаго рода, конторка, шкапы, вѣсы. Столъ поменьше для Астрова; на этомъ столѣ принадлежности для рисованія, краски; возлѣ папка. Клітка со скворцомъ. На стѣнѣ карта Африки, видимо, никому здѣсь не нужная. Громадный диванъ, обитый клеенкой. Налѣво—дверь, ведущая въ покои; направо—дверь въ сѣни; подлѣ правой двери положенъ половникъ, чтобы не награзнили мужики.—Осенній вечеръ. Тишина.

Телѣгинъ и Марина сидятъ другъ противъ друга и мотають чулочную шерсть.

Телѣгинъ. Вы скорѣе, Марина Тимоѣевна, а то сейчасъ позовутъ прощаться. Уже приказали лошадей подавать.

Марина (*старается мотать быстрѣе*). Немного осталось.

Телѣгинъ. Въ Харьковъ уѣзжаютъ. Тамъ жить будутъ.

Марина. И лучше.

Телѣгинъ. Нанужались... Елена Андреевна «одного часа, говорить, не желаю жить здѣсь... уѣдемъ, да уѣдемъ... Поживемъ, говорить, въ Харьковѣ, оглядимся и тогда за вещами приплемъ...» Налегкѣ уѣзжаютъ. Значить, Марина Тимоѣевна, не судьба имъ жить тутъ. Не судьба... Фатальное предопредѣленіе.

Марина. И лучше. Давеча подняли шумъ, пальбу—срамъ одинъ!

Телѣгинъ. Да, сюжетъ, достойный кисти Айвазовскаго.

Марина. Глаза бы мои не глядѣли (*пауза*). Опять заживемъ, какъ было, по-старому. Утромъ въ восьмомъ часу чай, въ первомъ часу обѣдъ, вечеромъ—ужинать садиться; все своимъ порядкомъ, какъ у людей... по-христіански (*со вздохомъ*). Давно уже я, грѣшница, лапши не ѣла.

Телѣгинъ. Да, давненько у насъ лапши не готовили (*пауза*). Давненько... Сегодня утромъ, Марина Тимоѣевна, иду я деревней, а лавочникъ мнѣ вслѣдъ: «Эй, ты, приживалы!» И такъ мнѣ горько стало!

Марина. А ты безъ вниманія, батюшка. Всѣ мы у Бога приживалы. Какъ ты, какъ Соня, какъ Иванъ Петровичъ—никто безъ дѣла ни сидитъ, всѣ трудимся! Всѣ... Гдѣ Соня?

Телѣгинъ. Въ саду. Съ докторомъ все ходитъ, Ивана Петровича ищетъ. Боятся, какъ бы онъ на себя рукъ не наложилъ.

Марина. А гдѣ его пистолеть?

Телѣгинь (*шопотомъ*). Я въ погребѣ спряталъ!

Марина (*съ усмѣшкой*). Грѣхи!

(*Входятъ со двора Войницкій и Астровъ*).

Войницкій. Оставь меня (*Маринѣ и Телѣгину*). Уйдите отсюда, оставьте меня одного хоть на одинъ часъ! Я не терплю опеки.

Телѣгинь. Сію минуту, Ваня (*уходитъ на цыпочкахъ*).

Марина. Гусакъ: го-го-го! (*собираетъ шерсть и уходитъ*).

Войницкій. Оставь меня!

Астровъ. Съ большимъ удовольствіемъ, мнѣ давно уже нужно уѣхать отсюда, но, повторяю, я не уѣду, пока ты не возвратишь того, что взялъ у меня.

Войницкій. Я у тебя ничего не бралъ.

Астровъ. Серьезно говорю — не задерживай. Мнѣ давно уже пора ѣхать.

Войницкій. Ничего я у тебя не бралъ (*оба садятся*).

Астровъ. Да? Что-жъ, погожу еще немного, а потомъ извини, придется употребить насиліе. Свяжемъ тебя и обыщемъ. Говорю это совершенно серьезно.

Войницкій. Какъ угодно (*пауза*). Разыграть такого дурака: стрѣлять два раза и ни разу не попасть! Этого я себѣ никогда не прощу!

Астровъ. Пришла охота стрѣлять, ну, и палилъ бы въ лобъ себѣ самому.

Войницкій (*пожавъ плечами*). Странно. Я покушался на убійство, а меня не арестовываютъ, не отдаютъ подъ судъ. Значитъ, считаютъ меня сумасшедшимъ (*злой смѣхъ*). Я— сумасшедшій, а не сумасшедшіе тѣ, которые подъ личиною профессора, ученаго мага, прячутъ свою бездарность, тупость, свое вопіющее безсердечіе. Не сумасшедшія тѣ, которыя выходятъ за стариковъ и потомъ у всѣхъ на глазахъ обманываютъ ихъ. Я видѣлъ, видѣлъ, какъ ты обнималъ ее!

Астровъ. Да-съ, обнималъ-съ, а тебѣ вотъ (*дѣлаетъ пось*).

Войницкій (*глядя на дверь*). Нѣтъ, сумасшедшая земля, которая еще держитъ васъ!

Астровъ. Ну, и глупо.

Войницкій. Что-жъ, я— сумасшедшій, невмѣняемъ, я имѣю право говорить глупости.

Астровъ. Стара штука. Ты не сумасшедшій, а просто

чудакъ. Шутъ гороховый. Прежде и я всякаго чудака считалъ больнымъ, ненормальнымъ, а теперь я такого мнѣнія, что нормальное состояніе человѣка—это быть чудакомъ. Ты вполне нормаленъ.

Войницкій (*закрываетъ лицо руками*). Стыдно! Если бы ты зналъ, какъ мнѣ стыдно! Это острое чувство стыда не можетъ сравниться ни съ какою болью (*съ тоской*). Невыносимо! (*склоняется къ столу*). Чтѣ мнѣ дѣлать? Чтѣ мнѣ дѣлать?

Астровъ. Ничего.

Войницкій. Дай мнѣ чего-нибудь! О, Боже мой... Мнѣ 47 лѣтъ; если, положимъ, я проживу до 60-ти, то мнѣ остается еще тринадцать. Долго! Какъ я проживу эти тринадцать лѣтъ? Чтѣ буду дѣлать, чѣмъ наполню ихъ? О, понимаешь... (*судорожно жметъ Астрову руку*) понимаешь, если бы можно было прожить остатокъ жизни какъ-нибудь по-новому. Проснуться бы въ ясное, тихое утро и почувствовать, что жить ты началъ снова, что все прошлое забыто, разсѣялось, какъ дымъ (*плачетъ*). Начать новую жизнь... Подскажи мнѣ, какъ начать... съ чего начать...

Астровъ (*съ досадою*). Э, ну тебя! Какая еще тамъ новая жизнь! Наше положеніе, твое и мое, безнадежно.

Войницкій. Да?

Астровъ. Я убѣжденъ въ этомъ.

Войницкій. Дай мнѣ чего-нибудь... (*показывая на сердце*). Жжетъ здѣсь.

Астровъ (*кричитъ сердито*). Перестань! (*смячившись*). Тѣ, которые будутъ жить черезъ сто, двѣсти лѣтъ послѣ насъ и которые будутъ презирать насъ за то, что мы прожили свои жизни такъ глупо и такъ безвкусно,—тѣ, быть-можетъ, найдутъ средство, какъ быть счастливыми, а мы... У насъ съ тобою только одна надежда и есть. Надежда, что когда мы будемъ почивать въ своихъ гробахъ, то насъ посѣтятъ видѣнія, быть-можетъ, даже пріятныя (*вздыхнувъ*). Да, братъ. Во всемъ уѣздѣ было только два порядочныхъ, интеллигентныхъ человѣка: я да ты. Но въ какія-нибудь десять лѣтъ жизнь обывательская, жизнь презрѣнная затянула насъ, она своими гнилыми испареніями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, какъ всѣ (*живо*). Но ты мнѣ зубовъ не заговаривай, однако. Ты отдай то, чтѣ взялъ у меня.

Войницкій. Я у тебя ничего не бралъ.

Астровъ. Ты взялъ у меня изъ дорожной аптеки баночку съ морфіемъ (*пауза*). Послушай, если тебѣ, во что бы то ни стало, хочется покончить съ собою, то ступай въ лѣсъ и застрѣлись тамъ. Морфіи же отдай, а то пойдутъ разговоры, догадки, подумаютъ, что это я тебѣ даль... Съ меня же довольно и того, что мнѣ придется вскрывать тебя... Ты думаешь, это интересно? (*входитъ Соня*).

Войницкій. Оставь меня.

Астровъ (*Соня*). Софья Александровна, вашъ дядя утащилъ изъ моей аптеки баночку съ морфіемъ и не отдаетъ. Скажите ему, что это... не умно, наконецъ. Да и некогда мнѣ. Мнѣ пора ѣхать.

Соня. Дядя Ваня, ты взялъ морфіи? (*пауза*).

Астровъ. Онъ взялъ. Я въ этомъ увѣренъ.

Соня. Отдай. Зачѣмъ ты насъ пугаешь? (*нѣжно*). Отдай, дядя Ваня! Я, быть-можетъ, несчастна не меньше твоего, однакоже не прихожу въ отчаяніе. Я терплю и буду терпѣть, пока жизнь моя не кончится сама собою... Терпи и ты (*пауза*). Отдай! (*цѣлуетъ ему руки*). Дорогой, славный дядя, милый, отдай! (*плачетъ*). Ты добрый, ты пожалѣешь насъ и отдашь. Терпи, дядя! Терпи!

Войницкій (*достаетъ изъ стола баночку и подаетъ ее Астрову*). На, возьми! (*Соня*). Но надо скорѣе работать, скорѣе дѣлать что-нибудь, а то не могу... не могу...

Соня. Да, да, работать. Какъ только проводимъ нашихъ, сядемъ работать... (*нервно перебираетъ на столѣ бумаги*). У насъ все запущено.

Астровъ (*кладетъ баночку въ аптеку и затягиваетъ ремни*). Теперь можно и въ путь.

Елена Андреевна (*входитъ*). Иванъ Петровичъ, вы здѣсь? Мы сейчасъ уѣзжаемъ. Идите къ Александру, онъ хочетъ что-то сказать вамъ.

Соня. Иди, дядя Ваня (*беретъ Войницкаго подъ руку*). Пойдемъ. Папа и ты должны помириться. Это необходимо. (*Соня и Войницкій уходятъ*).

Елена Андреевна. Я уѣзжаю (*подаетъ Астрову руку*). Прощайте.

Астровъ. Уже?

Елена Андреевна. Лошади уже поданы.

Астровъ. Прощайте.

Елена Андреевна. Сегодня вы общались мнѣ, что уѣдете отсюда.

Астровъ. Я помню. Сейчас уѣду (*пауза*). Испугались? (*беретъ ее за руку*). Развѣ это такъ страшно?

Елена Андреевна. Да.

Астровъ. А то остались бы! А? Завтра въ лѣсничествѣ...

Елена Андреевна. Нѣтъ... Уже рѣшено... И потому я гляжу на васъ такъ храбро, что уже рѣшенъ отъѣзъ... Я объ одномъ васъ прошу: думайте обо мнѣ лучше. Мнѣ хочется, чтобы вы меня уважали.

Астровъ. Э! (*жестъ нетерпѣнія*). Оставайтесь, прошу васъ. Сознайтесь, дѣлать вамъ на этомъ свѣтѣ нечего, цѣли жизни у васъ никакой, занять вамъ своего вниманія нечѣмъ, и, рано или поздно, все равно поддадитесь чувству,—это неизбежно. Такъ ужъ лучше это не въ Харьковѣ и не гдѣ-нибудь въ Курскѣ, а здѣсь, на лонѣ природы... Поэтично, по крайней мѣрѣ, даже очень красиво... Здѣсь есть лѣсничество, полуразрушенныя усадьбы во вкусѣ Тургенева...

Елена Андреевна. Какой вы смѣшной... Я сердита на васъ, но все же... буду вспоминать о васъ съ удовольствіемъ. Вы интересный, оригинальный человѣкъ. Больше мы съ вами уже никогда не увидимся, а потому — зачѣмъ скрывать? Я даже увлеклась вами немножко. Ну, давайте пожмемъ другъ другу руки и разойдемся друзьями. Не поминайте лихомъ.

Астровъ (*пожалъ руку*). Да, уѣзжайте... (*въ раздумьѣ*). Какъ будто бы вы и хорошій, душевный человѣкъ, но какъ будто бы и что-то странное во всемъ вашемъ существѣ. Вотъ вы пріѣхали сюда съ мужемъ, и всѣ, которые здѣсь работали, копошились, создавали что-то, должны были побросать свои дѣла и все лѣто заниматься только подагрой вашего мужа и вами. Оба — онъ и вы — заразили всѣхъ насъ вашею праздностью. Я увлекся, цѣлый мѣсяцъ ничего не дѣлалъ, а въ это время люди болѣли, въ лѣсахъ моихъ, лѣсныхъ поросляхъ, мужики пасли свой скотъ... И такъ, куда бы ни ступили вы и вашъ мужъ, всюду вы вносите разрушеніе... Я шучу, конечно, но все же... странно, и я убѣжденъ, что если бы вы остались, то опустошеніе произошло бы громадное. И я бы погибъ, да и вамъ бы... не одобровать. Ну, уѣзжайте. *Finita la comedia!*

Елена Андреевна (*беретъ съ его стола карандашъ и бы-*

стро прячетъ). Этотъ карандашъ я беру себѣ на память.

Астровъ. Какъ-то странно... Были знакомы и вдругъ почему-то... никогда уже больше не увидимся. Такъ и все на свѣтѣ... Пока здѣсь никого нѣтъ, пока дядя Ваня не вошелъ съ букетомъ, позвольте мнѣ... поцѣловать васъ... На прощанье... Да? (*цѣлуетъ ее въ щеку*). Ну, вотъ... и прекрасно.

Елена Андреевна. Желаю вамъ всего хорошаго (*оглянувшись*). Куда ни шло, разъ въ жнзни! (*обнимаетъ его порывисто, и оба тотчасъ же быстро отходятъ другъ отъ друга*). Надо уѣзжать.

Астровъ. Уѣзжайте поскорѣе. Если лошади поданы, то отправляйтесь.

Елена Андреевна. Сюда идутъ, кажется (*оба прислушиваются*).

Астровъ. Finita!

(*Входятъ Серебряковъ, Войницкій, Марія Васильевна съ книгой, Телъгинъ и Соня*).

Серебряковъ (*Войницкому*). Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Послѣ того, что случилось, въ эти нѣсколько часовъ я такъ много пережилъ и столько передумалъ, что, кажется, могъ бы написать въ назиданіе потомству цѣлый трактатъ о томъ, какъ надо жить. Я охотно принимаю твои извиненія и самъ прошу извинить меня. Прощай! (*цѣлуется съ Войницкимъ три раза*).

Войницкій. Ты будешь аккуратно получать то же, что получалъ и раньше. Все будетъ по-старому.

(*Елена Андреевна обнимаетъ Сону*).

Серебряковъ (*цѣлуетъ у Маріи Васильевны руку*). Матап...

Марія Васильевна (*цѣлуя его*). Александръ, снимитесь опять и пришлите мнѣ вашу фотографію. Вы знаете, какъ вы мнѣ дороги.

Телъгинъ. Прощайте, ваше превосходительство! Насъ не забываютъ!

Серебряковъ (*поцѣловавъ дочь*). Прощай... Всѣ прощайте! (*подавая руку Астрову*). Благодарю васъ за пріятное общество... Я уважаю вашъ образъ мыслей, ваши увлеченія, порывы, но позвольте старику внести въ мой прощальный привѣтъ только одно замѣчаніе: надо, господа, дѣло дѣлать! Надо дѣло дѣлать! (*общій поклонъ*). Всего хорошаго! (*уходитъ; за нимъ идутъ Марія Васильевна и Соня*).

Войницкій (*крѣпко цѣлуетъ руку у Елены Андреевны*). Прощайте... Простите... Никогда больше не увидимся

Елена Андреевна (*растроганная*). Прощайте, голубчикъ (*цѣлуетъ его въ голову и уходитъ*).

Астровъ (*Тельмину*). Скажи тамъ, Вафля, чтобы заодно кстати подавали и мнѣ лошадей.

Телѣгинъ. Слушаю, дружочекъ (*уходитъ*).

(*Остаются только Астровъ и Войницкій*).

Астровъ (*убираетъ со стола краски и прячетъ ихъ въ чемоданъ*). Чтѣ же ты не идешь проводить?

Войницкій. Пусть уѣзжаютъ, а я... я не могу. Мнѣ тяжело. Надо поскорѣй занять себя чѣмъ-нибудь... Работать, работать! (*роется въ бумагахъ на столѣ*).

(*Пауза; слышны звонки*).

Астровъ. Уѣхали. Профессоръ радъ, небось. Его теперь сюда и калачомъ не заманишь.

Марина (*входитъ*). Уѣхали (*садится въ кресло и вяжетъ чулокъ*).

Соня (*входитъ*). Уѣхали (*утираетъ глаза*). Дай Богъ благополучно (*дядѣ*). Ну, дядя Ваня, давай дѣлать что-нибудь.

Войницкій. Работать, работать...

Соня. Давно, давно уже мы не сидѣли вмѣстѣ за этимъ столомъ (*зажигаетъ на столѣ лампу*). Чернилъ, кажется, нѣтъ... (*беретъ чернильницу, идетъ къ шкапу и наливаетъ чернилъ*). А мнѣ грустно, что они уѣхали.

Марія Васильевна (*медленно входитъ*). Уѣхали! (*садится и погружается въ чтеніе*).

Соня (*садится за столъ и перелистываетъ конторскую книгу*). Налишемъ, дядя Ваня, прежде всего счета. У насъ страшно запущено. Сегодня опять присылали за счетомъ. Пиши. Ты пиши одинъ счетъ, я—другой...

Войницкій (*пишетъ*). «Счетъ... господину...» (*оба пишутъ молча*).

Марина (*зѣваетъ*). Баниньки захотѣлось...

Астровъ. Тишина. Перья скрипятъ, сверчокъ кричитъ. Тепло, уютно... Не хочется уѣзжать отсюда (*слышны бубенчики*). Вотъ подаютъ лошадей... Остается, стало-быть, проститься съ вами, друзья мои, проститься со своимъ столомъ и—айда! (*укладываетъ картограммы въ папку*).

Марина. И чего засуетился? Сидѣлъ бы.

Астровъ. Нельзя.

Войницкій *(пишетъ)*. «И стараго долга осталось два семь-десять пять»...

(Входитъ работникъ).

Работникъ. Михаилъ Львовичъ, лошади поданы.

Астровъ. Слышалъ *(подаетъ ему аптечку, чемоданъ и пашку)*. Вотъ, возьми это. Гляди, чтобы не помять пашку.

Работникъ. Слушаю *(уходитъ)*.

Астровъ. Ну-съ... *(идетъ проститься)*.

Соня. Когда же мы увидимся?

Астровъ. Не раньше лѣта, должно-быть. Зимой едва ли... Само собою, если случится что, то дайте знать — приѣду *(пожимаетъ руки)*. Спасибо за хлѣбъ, за соль, за ласку... однимъ словомъ, за все *(идетъ къ нянь и цѣлуетъ ее въ голову)*. Прощай, старая.

Марина. Такъ и уѣдешь безъ чаю?

Астровъ. Не хочу, нянька.

Марина. Можетъ, водочки выпьешь?

Астровъ *(нервнито)*. Пожалуй...

(Марина уходитъ).

Астровъ *(послѣ паузы)*. Моя пристяжная что-то захромала. Вчера еще замѣтилъ, когда Петрушка водилъ поить.

Войницкій. Перековать надо.

Астровъ. Придется въ Рождественномъ заѣхать къ кузнецу. Не миновать *(подходитъ къ картѣ Африки и смотритъ на нее)*. А, должно-быть, въ этой самой Африкѣ теперь жарница—страшное дѣло!

Войницкій. Да, вѣроятно.

Марина *(возвращается съ подносомъ, на которомъ рюмка водки и кусочекъ хлѣба)*. Кушай.

(Астровъ пьетъ водку).

Марина. На здоровье, батюшка *(низко кланяется)*. А ты бы хлѣбцемъ закусилъ.

Астровъ. Нѣтъ, я и такъ... Затѣмъ, всего хорошаго! *(Маринѣ)*. Не провожай меня, нянька. Не надо.

(Онъ уходитъ; Соня идетъ за нимъ со свѣчой, чтобы проводить его; Марина садится въ свое кресло).

Войницкій *(пишетъ)*. «2-го февраля масла постнаго 20 фунтовъ... 16-го февраля опять масла постнаго 20 фунтовъ... Гречневой крупы...» *(пауза)*.

(Слышны бубенчики).

Марина. Уфхаль.

(Пауза).

Соня *(возвращается, ставитъ свѣчу на столъ)*. Уфхаль...

Войницкій *(сосчиталъ на счетахъ и записываетъ)*. Итого...
пятнадцать... двадцать пять...

(Соня садится и пишетъ).

Марина *(звываетъ)*. Охъ, грѣхъ наши...

(Тельминъ входитъ на цыпочкахъ, садится у двери и тихо настраиваетъ гитару).

Войницкій *(Сонь, проведя рукой по ея волосамъ)*. Дитя мое, какъ мнѣ тяжело? О, если бѣ ты знала, какъ мнѣ тяжело!

Соня. Чтò же дѣлать, надо жить! *(пауза)*. Мы, дядя Ваня, будемъ жить. Проживемъ длинный-длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ; будемъ терпѣливо сносить испытанія, какія пошлетъ намъ судьба; будемъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, не зная покоя, а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ и тамъ за гробомъ мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалятся надъ нами, и мы съ тобою, дядя, милый дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешнія наши несчастья оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой — и отдохнемъ. Я вѣрую, дядя, я вѣрую горячо, страстно... *(становится передъ нимъ на колѣни и кладетъ голову на его руки; утомленнымъ голосомъ)*. Мы отдохнемъ!

(Тельминъ тихо играетъ на гитарѣ).

Соня. Мы отдохнемъ! Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ, мы увидимъ, какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонутъ въ милосердіи, которое наполнитъ собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка. Я вѣрую, вѣрую... *(вытираетъ ему платкомъ слезы)*. Бѣдный, бѣдный, дядя Ваня, ты плачешь... *(сквозь слезы)*. Ты не зналъ въ своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнемъ... *(обнимаетъ его)*. Мы отдохнемъ!

(Стучитъ сторожъ).

(Тельминъ тихо наирывааетъ; Марія Васильевна пишетъ на поляхъ брошюры; Марина вяжетъ чулокъ).

Соня. Мы отдохнемъ!

Занавѣсъ медленно опускается.

СВАДЪБА.

Сцена въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Евдокимъ Захаровичъ Жигаловъ, отставной коллежскій регистраторъ.

Настасья Тимофеевна, его жена.

Дашенька, ихъ дочь.

Эпаминондъ Максимовичъ Апломбовъ, ея женихъ.

Федоръ Яковлевичъ Ревуновъ-Карауловъ, капитанъ 2-го ранга въ от-
ставкѣ.

Андрей Андреевичъ Нюнинъ, агентъ страхового общества.

Анна Мартыновна Змѣюкина, акушерка 30 лѣтъ, въ ярко-пунцовомъ
платкѣ.

Иванъ Михайловичъ Ятъ, телеграфистъ.

Харлампій Спиридоновичъ Дымба, грекъ кондитеръ.

Дмитрій Степановичъ Мозговой, матросъ изъ Добровольнаго флота.

Шафера, кавалеры, лакеи и проч.

Дѣйствіе происходитъ въ одной изъ залъ кухмистра Андропова.

Ярко освѣщенная зала. Большой столъ, накрытый для ужина. Около стола хлопочуть лакеи во фракахъ. За сценой музыка играетъ послѣднюю фигуру кадрили.

Змѣюкина, Ять и шаферъ (идеть черезъ сцену).

Змѣюкина. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Ять (*идя за ней*). Сжальтесь! Сжальтесь!

Змѣюкина. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Шаферъ (*спѣша за ними*). Господа, такъ нельзя! Куда же вы? А гран-ронъ? Гран-ронъ силь-ву-пле! (*уходятъ*).

(*Входятъ Настасья Тимофеевна и Апломбовъ*).

Настасья Тимофеевна. Чѣмъ тревожить меня разными словами, вы бы лучше шли танцовать.

Апломбовъ. Я не Спиноза какой-нибудь, чтобъ выдѣлывать ногами кренделя. Я человѣкъ положительный и съ характеромъ, и не вижу никакого развлеченія въ пустыхъ удовольствіяхъ. Но дѣло не въ танцахъ. Простите, тамап, но я многого не понимаю въ вашихъ поступкахъ. Напримѣръ, кромѣ предметовъ домашней необходимости, вы обѣщали также дать мнѣ за вашей дочерью два выигрышныхъ билета. Гдѣ они?

Настасья Тимофеевна. Голова у меня что-то разболѣлась... Должно, къ непогодѣ... Быть отепели!

Апломбовъ. Вы мнѣ зубовъ не заговаривайте. Сегодня же я узналъ, что ваши билеты въ залогъ. Извините, тамап, но такъ поступаютъ одни только эксплуататоры. Я вѣдь это не изъ эгоистицизма—мнѣ ваши билеты не нужны, но я изъ принципа, и надувать себя никому не позволю. Я вашу дочь осчастливилъ и, если вы мнѣ не отдадите сегодня билетовъ, то я вашу дочь съ калей съѣмъ. Я человѣкъ благородный!

Настасья Тимофеевна (*оглядывая столъ и считая приборы*). Разъ, два, три, четыре, пять...

Лакей. Поваръ спрашиваетъ, какъ прикажете подавать мороженое: съ ромомъ, съ мадерой, или безъ никого?

Апломбовъ. Съ ромомъ. Да скажи хозяину, что вина мало. Скажи, чтобъ еще го-сотерну поставилъ (*Настасья Тимофеевна*). Вы также общали и уговоръ такой былъ, что сегодня за ужиномъ будетъ генераль. А гдѣ онъ, спрашивается?

Настасья Тимофеевна. Это, батюшка, не я виновата.

Апломбовъ. Кто же?

Настасья Тимофеевна. Андрей Андреевичъ виновать... Вчерась онъ былъ и общалъ привести самаго настоящего генерала (*вздыхаетъ*). Должно, не нашелъ нигдѣ, а то привелъ бы... Нешто намъ жалко? Для родного дитя мы ничего не пожалѣемъ. Генераль, такъ генераль...

Апломбовъ. Но дальше... Всѣмъ, въ томъ числѣ и вамъ, папан, извѣстно, что за Дашенькой, пока я не сдѣлалъ ей предложенія, ухаживалъ этотъ телеграфистъ Ять. Зачѣмъ вы его пригласили? Развѣ вы не знали, что мнѣ это непріятно?

Настасья Тимофеевна. Охъ, какъ тебя? Эпаминондъ Максимычъ, еще и дня нѣтъ, какъ женился, а ужъ замучилъ ты и меня, и Дашеньку своими разговорами. А что будетъ черезъ годъ? Нудный ты, ухъ нудный!

Апломбовъ. Не нравится правду слушать? Ага! То-то! А вы поступайте благородно. Я отъ васъ хочу только одного: будьте благородны!

(Черезъ залу изъ одной двери въ другую проходятъ пары танцующихъ grand-ronde. Въ передней паръ шаферъ съ Дашенькой, въ задней Ять со Змьюкиной. Последняя пара отстаетъ и остается въ залѣ. Жигаловъ и Дымба входятъ и идутъ къ столу).

Шаферъ (*кричитъ*). Променадъ! Мсье, променадъ! (*за сценой*) Променадъ!

(Пары уходятъ).

Ять (*Змьюкиной*). Сжальтесь! Сжальтесь, очаровательная Анна Мартыновна!

Змьюкина. Ахъ, какой вы... Я уже вамъ сказала, что я сегодня не въ голосъ.

Ять. Умоляю васъ, спойте! Одну только ноту! Сжальтесь! Одну только ноту!

Змѣюкина. Надоѣли... *(садится и машетъ вѣеромъ)*.

Ять. Нѣтъ, вы просто безжалостны! У такого жестокаго созданія, позвольте вамъ выразиться, и такой чудный, чудный голосъ! Съ такимъ голосомъ, извините за выраженіе, не акушерствомъ заниматься, а концерты пѣть въ публичныхъ собраніяхъ! Напримѣръ, какъ божественно выходитъ у васъ вотъ эта фіоригура... вотъ эта... *(напѣваетъ)*. «Я васъ любилъ, любовь еще напрасно...» Чудно!

Змѣюкина *(напѣваетъ)*. «Я васъ любилъ, любовь еще быть можетъ...» Это?

Ять. Вотъ это самое! Чудно!

Змѣюкина. Нѣтъ, я не въ голосѣ сегодня... На-те, махайте на меня вѣеромъ... Жарко! *(Апломбосу)*. Эпаминондъ Максимычъ, что это вы въ меланхолии? Развѣ жениху можно такъ? Какъ вамъ не стыдно, противный? Ну, о чемъ вы задумались?

Апломбовъ. Женитьба шагъ серьезный! Надо все обдумать всесторонне, обстоятельно.

Змѣюкина. Какіе вы всё противные скептики! Возлѣ васъ я задыхаюсь... Дайте мнѣ атмосферы! Слышите? Дайте мнѣ атмосферы! *(напѣваетъ)*.

Ять. Чудно! Чудно!

Змѣюкина. Махайте на меня, махайте, а то я чувствую, у меня сейчасъ будетъ разрывъ сердца. Скажите, пожалуйста, отчего мнѣ такъ душно?

Ять. Это оттого, что вы вспотѣли-сь...

Змѣюкина. Фу! какъ вы вульгарны! Не смѣйте такъ выражаться!

Ять. Виноватъ! Конечно, вы привыкли, извините за выраженіе, къ аристократическому обществу и...

Змѣюкина. Ахъ, оставьте меня въ покоѣ! Дайте мнѣ поэзии, восторговъ! Махайте, махайте...

Жигаловъ *(Дымбѣ)*. Повторимъ, что ли? *(наливаетъ)*. Пить во всякую минуту можно. Главное дѣйствіе, Харлампій Спиридонычъ, чтобъ дѣло свое не забывать. Пей, да дѣло разумѣй... А ежели насчетъ выпить, то почему не выпить? Выпить можно... За ваше здоровье! *(пьютъ)*. А тигры у васъ въ Греціи есть?

Дымба. Есть.

Жигаловъ. А львы?

Дымба. И львы есть. Это въ Россіи ничего нѣту, а въ Греціи все есть. Тамъ у меня и отецъ, и дядя, и братья, а тутъ ничего нѣту.

Жигаловъ. Гм... А кашалоты въ Греціи есть?

Дымба. Все есть.

Настасья Тимофеевна (*мужу*). Что-жъ зря-то пить и закусывать? Пора бы ужъ всѣмъ садиться. Не тыкай вилкой въ омары... Это для генерала поставлено. Можетъ, еще придетъ...

Жигаловъ. А омары въ Греціи есть?

Дымба. Есть... Тамъ все есть.

Жигаловъ. Гм... А коллежскіе регистраторы есть?

Змѣюкина. Воображаю, какая въ Греціи атмосфера!

Жигаловъ. И должно-быть, жульничества много. Греки вѣдь все равно, что армяне или цыганы. Продаетъ тебѣ губку, или золотую рыбку, а самъ такъ и норовить, чтобъ содрать съ тебя лишнее. Повторимъ, что ли?

Настасья Тимофеевна. Что-жъ зря повторять? Всѣмъ бы ужъ пора садиться. Двѣнадцатый часъ...

Жигаловъ. Садиться, такъ садиться. Господа, покорнѣйше прошу! Пожалуйста! (*кричитъ*). Ужинать! Молодые люди!

Настасья Тимофеевна. Дорогие гости, милости просимъ! Садитесь!

Змѣюкина (*сидя за столъ*). Дайте мнѣ поэзіи! А онъ мятежный ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой. Дайте мнѣ бурю!

Ять (*въ сторону*). Замѣчательная женщина! Влюбленъ! По уни влюбленъ!

(*Входятъ Дашенька, Мозговой, шафера, кавалеры, барышни, и проч. Все шумно усаживаются за столъ; минутная пауза; музыка играетъ маршъ*).

Мозговой (*вставая*). Господа! Я долженъ сказать вамъ слѣдующее... У насъ приготовлено очень много тостовъ и рѣчей. Не будемъ дожидаться и начнемъ сейчасъ же. Господа, предлагаю выпить тостъ за новобрачных!

(*Музыка играетъ тушъ. Ура. Чоканье*).

Мозговой. Горько!

Всѣ. Горько! Горько! (*Апломбовъ и Дашенька цѣлуются*).

Ять. Чудно! Чудно! Я долженъ вамъ выразиться, господа, и отдать должную справедливость, что эта зала и вообще

помѣщеніе великолѣпны! Превосходно, очаровательно! Только знаете, чего не хватаетъ для полнаго торжества? Электрическаго освѣщенія, извините за выраженіе! Во всѣхъ странахъ уже введено электрическое освѣщеніе, и одна только Россія отстала.

Жигаловъ (*глубокомысленно*). Электричество... Гм... А по моему взгляду, электрическое освѣщеніе—одно только жульничество... Всунуть туда уголекъ, да и думаютъ глаза отвести! Нѣтъ, братъ, ужъ если ты даешь освѣщеніе, то ты давай не уголекъ, а что-нибудь существенное, этакое что-нибудь особенное, чтобъ было за что взяться! Ты давай огня — понимаешь? — огня, который натуральный, а не умственный!

Ять. Ежели бы вы видѣли электрическую батарею, изъ чего она составлена, то иначе бы разсуждали.

Жигаловъ. И не желаю видѣть. Жульничество. Народъ простой надувають... Соки послѣдніе выжимають... Знаемъ ихъ, этихъ самыхъ... А вы, господинъ молодой человѣкъ, чѣмъ за жульничество заступаться, лучше бы выпили и другимъ налили. Да, право!

Апломбовъ. Я съ вами, папаша, вполне согласенъ. Къ чему заводить ученые разговоры? Я не прочь и самъ поговорить о всевозможныхъ открытіяхъ въ научномъ смыслѣ, но вѣдь на это есть другое время! (*Дашенькѣ*). Ты какого мнѣнія, машеръ?

Дашенька. Они хочуть свою образованность показать и всегда говорятъ о непонятномъ.

Настасья Тимофеевна. Слава Богу, прожили вѣкъ безъ образованія и вотъ ужъ третью дочку за хорошаго человѣка выдаемъ. А ежели мы, по-вашему, выходимъ необразованные, такъ зачѣмъ вы къ намъ ходите? Шли бы къ своимъ образованнымъ!

Ять. Я, Настасья Тимофеевна, всегда уважалъ ваше семейство, а ежели я насчетъ электрическаго освѣщенія, такъ это еще не значить, что я изъ гордости. Даже вотъ выпить могу. Я всегда отъ всѣхъ чувствъ желалъ Дарьѣ Евдокимовнѣ хорошаго жениха. Въ наше время, Настасья Тимофеевна, трудно выйти за хорошаго человѣка. Нынче каждый норовитъ вступить въ бракъ изъ-за интереса, изъ-за денегъ...

Апломбовъ. Это намекъ!

Ять (*струсивъ*). И никакого тутъ нѣтъ намека... Я не говорю о присутствующихъ... Это я такъ... вообще... Помилуйте! Всѣ знаютъ, что вы изъ-за любви... Приданое пустяшное.

Настасья Тимофеевна. Нѣтъ, не пустяшное! Ты говори, сударь, да не заговаривайся. Кромѣ того, что тысячу рублей чистыми деньгами, мы три салопа даемъ, постель и всю мебель. Подика-сь, найди въ другомъ мѣстѣ такое приданое!

Ять. Я ничего... Мебель, дѣйствительно, хорошая и... и салопы, конечно, но я въ томъ смыслѣ, что вотъ они обижаются, что я намекнулъ.

Настасья Тимофеевна. А вы не намекайте. Мы васъ по вашимъ родителямъ почитаемъ и на свадьбу пригласили, а вы разныя слова. А ежели вы знали, что Эпаминондъ Максимычъ изъ интересу женится, то что же вы раньше молчали? (*слезливо*). Я ее, можетъ, вскормила, вспоила, взлѣляла... берегла пуще алмаза изумруднаго, дѣточку мою...

Апломбовъ. И вы повѣрили? Покорнѣйше васъ благодарю! Очень вамъ благодаренъ! (*Ятью*). А вы, г. Ять, хоть и знакомый мнѣ, а я вамъ не позволю строить въ чужомъ домѣ такія безобразія! Позвольте вамъ выйти вонъ!

Ять. То-есть какъ?

Апломбовъ. Желаю, чтобы и вы были такимъ же честнымъ человѣкомъ, какъ я! Однимъ словомъ, позвольте вамъ выйти вонъ! (*Музыка играетъ туизъ*).

Кавалеры (*Апломбову*). Да оставь! Будетъ тебѣ! Ну, стоитъ ли? Садись! Оставь!

Ять. Я ничего... Я вѣдь... Не понимаю даже... Извольте, я уйду... Только вы отдайте мнѣ сначала пять рублей, что вы брали у меня въ прошломъ году на жилетку пике, извините за выраженіе. Выпью вотъ еще и... и уйду, только вы сначала долгъ отдайте.

Кавалеры. Ну, будетъ, будетъ! Довольно! Стоитъ ли изъ-за пустяковъ?

Шаферъ (*кричитъ*). За здоровье родителъ невѣсты, Евдокима Захарыча и Настасьи Тимофеевны!

(*Музыка играетъ туизъ. Ура*).

Жигаловъ (*растроганный кланяется во все стороны*). Благодарю васъ! Дорогие гости! Очень вамъ благодаренъ, что вы насъ не забыли и пожаловали, не побрезгали!.. И

не подумайте, чтобъ я былъ выжига какой, или жульничество съ моей стороны, а просто изъ чувствъ! Отъ прямоты души! Для хорошихъ людей ничего не пожалѣю! Благодаримъ покорно! (*цѣлуется*).

Дашенька (*матери*). Мамаша, что же вы плачете? Я такъ счастлива!

Апломбовъ. Матап взволнована предстоящей разлукой. Но я посовѣтоваль бы ей лучше вспомнить нашъ недавній разговоръ.

Ять. Не плачьте, Настасья Тимофеевна! Вы подумайте: что такое слезы человѣческія? Малодушная психіатрія и больше ничего!

Жигаловъ. А рыжики въ Греціи есть?

Дымба. Есть. Тамъ все есть.

Жигаловъ. А вотъ груздей, небось, нѣту.

Дымба. И грузди есть. Все есть.

Мозговой. Харлампій Спиридонычъ, ваша очередь читать рѣчь! Господа, пусть говорить рѣчь!

Всѣ (*Дымбѣ*). Рѣчь! рѣчь! Ваша очередь!

Дымба. Зацѣмъ? Я не понимаю которое... Сто такое?

Змѣюкина. Нѣтъ, нѣтъ! Не смѣйте отказываться! Ваша очередь! Вставайте!

Дымба (*встаетъ, смущенно*). Я могу говорить такое... Которая Россія и которая Греція. Теперь которые люди въ Россіи и которые въ Греціи... И которые по морю плаваютъ каравія, по русскому значить корабли, а по землѣ разныя которыя зелѣзныя дороги. Я хорошо понимаю... Мы греки, вы русскіе и мнѣ ничего не надо... Я могу говорить такое... которая Россія и которая Греція. (*Входитъ Нюнинъ*).

Нюнинъ. Постойте, господа, не ѣшьте! Погодите. Настасья Тимофеевна, на минуточку! Пожалуйте сюда! (*ведетъ Настасью Тимофеевну въ сторону, захватившись*). Послушайте... Сейчасъ придетъ генераль... Наконецъ, нашель-таки... Просто замучился... Генераль настоящій, солидный такой, старый, лѣтъ, пожалуй, восемьдесятъ, а то и девяносто...

Настасья Тимофеевна. Когда же онъ придетъ?

Нюнинъ. Сію минуту. Будете всю жизнь мнѣ благодарны. Не генераль, а малина, Буланже! Не пѣхота какая-нибудь, не инфантерія, а флотскій! По чину онъ капитанъ второго

ранга, а по-ихнему, морскому, это все равно, что генерал-майоръ, или въ гражданской — дѣйствительный статскій совѣтникъ. Рѣшительно все равно. Даже выше.

Настасья Тимофеевна. А ты меня не обманываешь, Андрюшенька?

Юнинъ. Ну вотъ, мошенникъ я, что ли? Будьте покойны.

Настасья Тимофеевна (*вздыхая*). Не хочется зря деньги тратить, Андрюшенька...

Юнинъ. Будьте покойны! Не генералъ, а картина! (*Возвышая голосъ*). Я и говорю: «Совсѣмъ, говорю, забыли насъ, ваше превосходительство! Не хорошо, ваше превосходительство, старыхъ знакомыхъ забывать! Настасья, говорю, Тимофеевна на васъ въ большой претензіи!» (*идетъ къ столу и садится*). А онъ и говоритъ.—«Помилуй, мой другъ, какъ же я пойду, если я съ женихомъ не знакомъ?» Э, полноте, ваше превосходительство, что за церемоніи? Женихъ, говорю, человекъ прекраснѣйшій, душа нараспашку. Служить, говорю, оцѣнникомъ въ ссудной кассѣ, но вы не подумайте, ваше превосходительство, что это какой-нибудь замухрышка, или червонный валетъ. Въ ссудныхъ кассахъ, говорю, нынче и благородныя дамы служить. Похлопалъ онъ меня по плечу, выкурили мы съ нимъ по гаванской сигарѣ, и вотъ теперь онъ ѣдетъ... Пододите, господа, не ѣшьте...

Апломбовъ. А когда онъ пріѣдетъ?

Юнинъ. Сію минуту. Когда я уходилъ отъ него, онъ уже калоши надѣвалъ. Пододите, господа, не ѣшьте.

Апломбовъ. Такъ надо приказать, чтобъ маршъ играли...

Юнинъ (*кричитъ*). Эй, музыканты! Маршъ!

(*Музыка минуту играетъ маршъ*).

Лакей (*докладываетъ*). Господинъ Ревуновъ-Карауловъ! (*Жигаловъ, Настасья Тимофеевна и Юнинъ бѣгутъ навстрѣчу. Входитъ Ревуновъ-Карауловъ*).

Настасья Тимофеевна (*кланяясь*). Милости просимъ, ваше превосходительство! Очень пріятно!

Ревуновъ. Весьма!

Жигаловъ. Мы, ваше превосходительство, люди не знатные, не высокіе, люди простые, но не подумайте, что съ нашей стороны какое-нибудь жульничество. Для хорошихъ

людей у насъ первое мѣсто, мы ничего не пожалѣемъ. Милости просимъ!

Ревуновъ. Весьма рады!

Нюнинъ. Позвольте представить, ваше превосходительство! Новобрачный Эпаминондъ Максимычъ Апломбовъ, со своей новорожд... то-есть съ новобрачной супругой! Иванъ Михайлычъ Ять, служащій на телеграфѣ! Иностранецъ греческаго званія по кондитерской части Харлампій Спиридонычъ Дымба! Осипъ Лукичъ Бабельмандебскій! И прочіе, и прочіе... Остальные всѣ — чепуха. Садитесь, ваше превосходительство!

Ревуновъ. Весьма! Виновать, господа, я хочу сказать Андрюшѣ два слова. *(Отводитъ Нюнина въ сторону).* Я, братецъ, немножко сконфуженъ... Зачѣмъ ты зовешь меня вашимъ превосходительствомъ? Вѣдь я не генераль! Капитанъ 2-го ранга—это даже ниже полковника.

Нюнинъ *(говоритъ ему въ ухо, какъ глухому).* Знаю, но, Федоръ Яковлевичъ, будьте добры, позвольте намъ называть васъ вашимъ превосходительствомъ! Семья здѣсь, знаете ли, патриархальная, уважаетъ старшихъ, любитъ чинопочитаніе...

Ревуновъ. Да, если такъ, то конечно... *(Идя къ столу).* Весьма!

Настасья Тимофеевна. Садитесь, ваше превосходительство! Будьте такіе добрые! Кушайте, ваше превосходительство! Только извините, у себя тамъ вы привыкли къ деликатности, а у насъ просто!

Ревуновъ *(не разслышавъ).* Что-съ? Гм... Да-съ. *(Пауза).* Да-съ... Встарину люди всегда жили просто и были довольны. Я человекъ, который въ чинахъ, и то живу просто... Сегодня Андрюша приходитъ ко мнѣ и зоветъ меня сюда на свадьбу. Какъ же, говорю, я пойду, если я не знакомъ? Это не ловко! А онъ говоритъ: «люди они простые, патриархальные, всякому гостю рады...» Ну, конечно, если такъ... то отчего же? Очень радъ. Дома мнѣ одному скучно, а если мое присутствіе на свадьбѣ можетъ доставить кому-нибудь удовольствіе, то сдѣлай, говорю, одолженіе...

Жигаловъ. Значитъ отъ души, ваше превосходительство? Уважаю! Самъ я человекъ простой, безъ всякаго жульни-

чества, и уважаю такихъ. Кушайте, ваше превосходительство.

Апломбовъ. Вы давно въ отставкѣ, ваше превосходительство?

Ревуновъ. А? Да, да... такъ... Это вѣрно. Да-съ... Но позвольте, что же это, однако? Селедка горькая... и хлѣбъ горькій. Невозможно ѣсты!

Всѣ. Горько! Горько!

(Апломбовъ и Дашенька цѣлуются).

Ревуновъ. Хе-хе-хе... Ваше здоровье *(пауза)*. Да-съ... Встарину все просто было и всѣ были довольны... Я люблю простоту... Я вѣдь старый, въ отставку вышелъ въ 1865 году... Мнѣ семьдесятъ два года... Да. Конечно, не безъ того, и прежде Любили при случаѣ показать пышность, но... *(увидѣвъ Мозгового)* Вы того... матросъ, стало-быть?

Мозговой. Точно такъ.

Ревуновъ. Ага... Такъ... Да... Морская служба всегда была трудная. Есть надъ чѣмъ задуматься и голову поломать. Всякое незначительное слово имѣетъ, такъ сказать, свой особый смыслъ! Напримѣръ: марсовые по вантамъ на фокъ и гротъ! Что это значить? Матросъ небось понимаетъ! Хе-хе. Тонкость, что твоя математика!

Нюнинъ. За здоровье его превосходительства Федора Яковлевича Ревунова-Караулова! *(Музыка играетъ тушъ. Ура).*

Ять. Вотъ вы, ваше превосходительство, изволили сейчасъ выразиться насчетъ трудностей флотской службы. А развѣ телеграфная легче? Теперь, ваше превосходительство, никто не можетъ поступить на телеграфную службу, если не умѣетъ читать и писать по-французски и по-нѣмецки. Но самое трудное у насъ, это передача телеграммъ. Ужасно трудно! Извольте послушать. *(Стучитъ вилкой по столу, подражая телеграфному станку).*

Ревуновъ. Что же это значить?

Ять. Это значить: я уважаю васъ, ваше превосходительство, за добродѣтели. Вы думаете, легко? А вотъ еще. *(стучитъ).*

Ревуновъ. Вы погромче... Не слышу...

Ять. А это значить: мадамъ, какъ я счастливъ, что держу васъ въ своихъ объятіяхъ!

Ревуновъ. Вы про какую это мадамъ? Да... (*Мозовому*). А вотъ, если идя полнымъ вѣтромъ и надо... и надо поставить брамсели и бомъ-брамсели! Тутъ ужъ надо командовать: салинговые къ вантамъ на брамсели и бомъ-брамсели... и въ это время, какъ на реяхъ отдають паруса, внизу становятся на брамъ и бомъ-брамъ шкоты, фалы и брасы...

Шаферъ (*вставая*). Милостивые государи и милостивыя госуд...

Ревуновъ (*перебивая*). Да-съ... Мало ли разныхъ командъ... Да... Брамъ и бомъ-брамъ-шкоты тянуть шпелъ фалы!! Хорошо? Но что это значить и какой смыслъ? А очень просто! Тянуть, знаете ли, брамъ и бомъ-брамъ-шкоты и поднимають фалы... всѣ вдругъ! причемъ уравнивають бомъ-брамъ-шкоты и бомъ-брамъ-фалы при подъемѣ, а въ это время, глядя по надобности, потравливають брасы сихъ парусовъ, а когда ужъ, стало-быть, шкоты натянуты, фалы всѣ до мѣста подняты, то брамъ и бомъ-брамъ-барсы вытягиваются и реи брасопяются соотвѣтственно направленію вѣтра...

Нюнинъ (*Ревунову*). Федоръ Яковлевичъ, хозяйка просить васъ поговорить о чемъ-нибудь другомъ. Это непонятно гостямъ и скучно...

Ревуновъ. Что? Кому скучно? (*Мозовому*) Молодой человекъ! А вотъ ежели корабль лежитъ бейдевиндъ правымъ галсомъ подъ всѣми парусами и надо сдѣлать черезъ фордевиндъ. Какъ надо командовать? А вотъ какъ: свистать всѣхъ наверхъ, поворотъ черезъ фордевиндъ!.. Хе-хе...

Нюнинъ Федоръ Яковлевичъ, довольно! Кушайте.

Ревуновъ. Какъ только всѣ выбѣжали, сейчасъ командуютъ: По мѣстамъ стоять, поворотъ черезъ фордевиндъ! Эхъ, жизнь! Командуешь, а самъ смотришь, какъ матросы, какъ молнія, разбѣгаются по мѣстамъ и разносятъ брамы и брасы. Этакъ не вытерпишь и крикнешь: молодцы ребята! (*поперхнулся и кашляетъ*).

Шаферъ (*спышитъ воспользоваться наступившей паузой*). Въ сегодняшній, такъ сказать, день, въ который мы, собравшись всѣ въ кучу для чествованія нашего любимого...

Ревуновъ (*перебивая*). Да-съ! И вѣдь все это надо помнить! Напримѣръ: фока-шкотъ, грота-шкотъ раздернуть!..

Шаферъ (*обиженно*). Что-жъ онъ перебиваетъ? Этакъ мы ни одной рѣчи не скажемъ!

Настасья Тимофеевна. Мы люди темные, ваше превосходительство, ничего этого самого не понимаемъ, а вы лучше расскажите намъ что-нибудь касающее...

Ревуновъ (*не разлышавъ*). Я уже фль, благодарю. Вы говорите: гуся? Благодарю... Да. Старину вспомнилъ... А вѣдь пріятно, молодой человекъ! Плынешь себѣ по морю, горя не знаячи, и... (*дрогнувшимъ голосомъ*) помните этотъ восторгъ, когда дѣлають поворотъ о верштагъ! Какой морякъ не зажжется при воспоминаніи объ этомъ маневрѣ?! Вѣдь какъ только раздалась команда: свистать всѣхъ наверхъ, поворотъ о вершлагъ—словно электрическая искра пробѣжала по всѣмъ. Начиная отъ командира и до послѣдняго матроса—всѣ встрепенулись...

Змѣюкина. Скучно! Скучно! (*общій ропотъ*).

Ревуновъ (*не разлышавъ*). Благодарю, я фль. (*Съ увлеченіемъ*). Все приготовилось и впилося глазами въ старшаго офицера... На фоковые и гrotовые брасы на правую на крюсельные брасы на лѣвую, на контро-брасъ на лѣвую, командуетъ старшій офицеръ. Все моментально исполняется... Фока-шкотъ, кливеръ-шкотъ раздернуть... право на бортъ! (*Встаетъ*). Корабль покотился къ вѣтру и, наконецъ, паруса начинаютъ заполаскивать. Старшій офицеръ:—на брасахъ, на брасахъ не зѣвать, а самъ впился глазами въ гrotъ-марсель и, когда, наконецъ, и этотъ парусъ заполоскалъ, т. е. моментъ поворота наступилъ, раздается громовая команда: гrotо-марса булбелъ отдай, шнель брасы! Тутъ все летитъ, трещитъ—столпотвореніе вавилонское:—все исполняется безъ ошибки. Поворотъ удался!

Настасья Тимофеевна (*вспыхнувъ*). Генераль, а безобразите... Постыдились бы на старости лѣтъ!

Ревуновъ. Котлетъ? Нѣтъ не фль... благодарю васъ.

Настасья Тимофеевна (*громко*). Я говорю, постыдились бы на старости лѣтъ! Генераль, а безобразите!

Нюнинъ (*смущенно*). Господа, ну вотъ... стоитъ ли? Право...

Ревуновъ. Во-первыхъ, я не генераль, а капитанъ 2-го ранга, что по военной табели о рангахъ соотвѣтствуетъ подполковнику.

Настасья Тимофеевна. Ежели не генераль, то за что же вы деньги взяли? И мы вамъ не за то деньги платили, чтобъ вы безобразили!

Ревуновъ (*въ недоумѣннѣ*). Какія деньги?

Настасья Тимофеевна. Извѣстно, какія. Небось получили черезъ Андрея Андреевича четвертную... (*Нюнину*). А тебѣ, Андрюшенька, грѣхъ! Я тебя не просила такого нанимать!

Нюнинъ. Ну вотъ... Оставьте! Стоитъ ли?

Ревуновъ. Наняли... заплатили... Что такое?

Апломбовъ. Позвольте, однако... Вы вѣдь получили отъ Андрея Андреевича 25 рублей?

Ревуновъ. Какіе 25 рублей? (*Сообразивъ*). Вотъ оно что! Теперь я все понимаю... Какая гадость! Какая гадость!

Апломбовъ. Вѣдь вы получили деньги?

Ревуновъ. Никакихъ я денегъ не получалъ! Подите прочь! (*Выходитъ изъ-за стола*). Какая гадость! Какая низость! Оскорбить такъ стараго человѣка, моряка, заслуженнаго офицера!.. Будь это порядочное общество, я могъ бы вызвать на дуэль, а теперь что я могу сдѣлать? (*Растерянно*). Гдѣ дверь? Въ какую сторону идти? Человѣкъ, выведи меня! Человѣкъ! (*Идетъ*). Какая низость! Какая гадость! (*Уходитъ*).

Настасья Тимофеевна. Андрюшенька, гдѣ же 25 рублей?

Нюнинъ. Ну, стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ? Велика важность! Тутъ всѣ радуются, а вы чортъ знаетъ о чемъ... (*Кричитъ*). За здоровье молодыхъ! Музыка, маршъ! Музыка! (*Музыка играетъ маршъ*). За здоровье молодыхъ!

Змѣюкина. Мнѣ душно! Дайте мнѣ атмосферы! Возлѣ васъ и задыхаюсь!

Ять (*въ восторгъ*). Чудная! Чудная! (*Шумъ*).

Шаферъ (*стараясь перекричать*). Милостивые государи и милостивыя государыни! Въ сегодняшній, такъ сказать, день...

Занавѣсъ.

ЮБИЛЕЙ.

Шутка въ одномъ дѣйстви.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Шипучинъ, Андрей Андреевичъ, Предсѣдатель правленія N—скаго Общества Взаимнаго Кредита, нестарый человекъ, съ моноклемъ.

Татьяна Алексѣевна, его жена 25 лѣтъ.

Хиринъ, Кузьма Николаевичъ, бухгалтеръ банка, старикъ.

Мерчуткина, Настасья Федоровна, старуха въ салопѣ.

Члены банка. —

Служащіе въ банкѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ N-скомъ Банкѣ Взаимнаго Кредита.

Кабинетъ предсѣдателя правленія. Налѣво дверь, ведущая въ контору банка. Два письменныхъ стола. Обстановка съ претензіей на изысканную роскошь: бархатная мебель, цвѣты, статуи, ковры, телефонъ.—Полдень.

Хиринъ (одинъ: онъ въ валенкахъ).

Хиринъ (*кричитъ изъ двери*). Поплите взять въ аптекѣ валеріановыхъ капель на 15 копеекъ, да велите принести въ директорской кабинетъ свѣжей воды! Сто разъ вамъ говорить! (*идетъ къ столу*). Совсѣмъ замучился. Пишу уже четвертыя сутки и глазъ не смыкаю; отъ утра до вечера пишу здѣсь, а отъ вечера до утра — дома (*кашляетъ*). А тутъ еще воспаленіе во всемъ тѣлѣ. Знобъ, жаръ, кашель, ноги ломить и въ глазахъ этакія... междометія (*садится*). Нашъ кривляка, этотъ мерзавецъ, предсѣдатель правленія, сегодня на общемъ собраніи будетъ читать докладъ: «Нашъ банкъ въ настоящемъ и въ будущемъ». Какой Гамбетта, подумаешь... (*пишетъ*). Два... одинъ... одинъ... шесть... ноль... семь... Затѣмъ, шесть... ноль... одинъ... шесть... Ему хочется пыль пустить, а я вотъ сиди и работай для него, какъ каторжный!.. Онъ въ этотъ докладъ одной только поэзіи напустилъ и больше ничего, а я вотъ день-деньской на счетахъ щелкай, чортъ бы его душу дралъ!.. (*щелкаетъ на счетахъ*). Терпѣть не могу! (*пишетъ*). Значить, одинъ... три... семь... два... одинъ... ноль... Обѣщалъ наградить за труды. Если сегодня все обойдется благополучно и удастся очки втереть публикѣ, то обѣщалъ золотой жетонъ и триста наградныхъ... Увидимъ. (*Пишетъ*). Ну, а если труды мои пропадутъ даромъ, то, братъ, не взыщи... Я человѣкъ вспыльчивый... Я, братъ, подъ горячую руку могу и преступленіе совершить... Да!

(За сценой шумъ и аплодисменты. Голосъ Шипучина: «Благодарю! благодарю! Тронуть!» Входитъ Шипучинъ. Онъ во фракъ и бѣломъ галстукъ; въ рукахъ только-что поднесенный ему альбомъ).

Шипучинъ (стоя въ дверяхъ и обращаясь въ контору). Этотъ вашъ подарокъ, дорогіе сослуживцы, я буду хранить до самой смерти, какъ воспоминаніе о счастливейшихъ дняхъ моей жизни! Да, милостивые государи! Еще разъ благодарю! (посылаетъ воздушный поцѣлуй и идетъ къ Хирину). Мой дорогой, мой почтеннѣйшій Кузьма Николаевичъ!

(Все время, пока онъ на сценѣ, служащіе изрѣдка входятъ съ бумагами для подписи и уходятъ).

Хиринъ (вставая). Честь имѣю поздравить васъ, Андрей Андреевичъ, съ пятнадцатилѣтней годовщиной нашего банка и желаю, чтобъ...

Шипучинъ (крѣтко пожимаетъ руку). Благодарю, мой дорогой! Благодарю! Для сегодняшняго знаменитаго дня, ради юбилея, полагаю, можно и поцѣловаться!.. (цѣлуются). Очень, очень радъ! Спасибо вамъ за службу... за все, за все спасибо! Если мною, пока я имѣю честь быть предсѣдателемъ правленія этого банка, сдѣлано что-нибудь полезное, то этимъ я обязанъ прежде всего своимъ сослуживцамъ (вздыхаетъ). Да, батенька, 15 лѣтъ! 15 лѣтъ, не будь я Шипучинъ! (живо). Ну, что мой докладъ? Подвигается?

Хиринъ. Да. Осталось всего страницъ пять.

Шипучинъ. Прекрасно. Значить, къ тремъ часамъ будетъ готовъ?

Хиринъ. Если никто не помѣшаетъ, то кончу. Пустиаки осталось.

Шипучинъ. Великолѣпно. Великолѣпно, не будь я Шипучинъ! Общее собраніе будетъ въ четыре. Пожалуйста, голубчикъ. Дайте-ка мнѣ первую половину, я проштудирую... Дайте скорѣе... (беретъ докладъ). На этотъ докладъ я возлагаю громадныя надежды... Это мое profession de foi, или, лучше сказать, мой фейерверкъ... Фейерверкъ, не будь я Шипучинъ! (садится и про себя читаетъ докладъ). Усталъ я, однако, адски... Ночью у меня былъ припадокъ падагры, все утро провелъ въ хлопотахъ и побѣгушкахъ, потому эти волненія, оваціи, эта агитація... усталъ!

Хиринъ (*пишетъ*). Два... ноль... ноль... три... девять... два... ноль... Отъ цифръ въ глазахъ зелено... Три... одинъ... шесть... четыре... одинъ... пять... (*щелкаетъ на счетахъ*).

Шипучинъ. Тоже неприятность... Сегодня утромъ была у меня ваша супруга и опять жаловалась на васъ. Говорила, что вчера вечеромъ вы за нею и за свояченицей съ ножомъ гонялись. Кузьма Николаичъ, на что это похоже? Ай-ай!

Хиринъ (*сурово*). Осмѣлюсь ради юбилея, Андрей Андреичъ, обратиться къ вамъ съ просьбой. Прошу васъ, хотя бы изъ уваженія къ моимъ каторжнымъ трудамъ, не вмѣшивайтесь въ мою семейную жизнь. Прошу!

Шипучинъ (*вздыхаетъ*). Невозможный у васъ характеръ, Кузьма Николаичъ! Человѣкъ вы прекрасный, почтенный, а съ женщинами держите себя, какъ какой-нибудь Джэкъ. Право. Не понимаю, за что вы ихъ такъ ненавидите?

Хиринъ. А я вотъ не понимаю: за что вы ихъ такъ любите? (*пауза*).

Шипучинъ. Служащiе поднесли сейчасъ альбомъ, а члены банка, какъ я слышалъ, хотятъ поднести мнѣ адресъ и серебряный жбанъ... (*иная моноклемъ*). Хорошо, не будь я Шипучинъ! Это не лишнее... Для репутаціи банка необходима нѣкоторая помпа, чортъ возьми! Вы свой человѣкъ, вамъ все, конечно, извѣстно... Адресъ сочинять я самъ, серебряный жбанъ купилъ тоже я самъ... Ну, и переплетъ для адреса 45 рублей, но безъ этого нельзя. Сами бы они не догадались (*оглядывается*). Обстановочка-то какова! Что за обстановка! Вотъ говорятъ, что я мелочень, что мнѣ нужно, чтобы только замки у дверей были почищены, чтобы служащiе носили модные галстуки, да у подъезда стоялъ толстый швейцаръ. Ну, нѣтъ, судари мои. Замки у дверей и толстый швейцаръ—не мелочь. Дома у себя я могу быть мѣщаниномъ, ѣсть и спать по-свински, пить запоемъ...

Хиринъ. Прошу, пожалуйста, безъ намековъ!

Шипучинъ. Ахъ, никто не намекаетъ! Какой у васъ невозможный характеръ... Такъ вотъ я и говорю: дома у себя я могу быть мѣщаниномъ, парвеню и слушаться своихъ привычекъ, но здѣсь все должно быть en grand. Здѣсь банкъ! Здѣсь каждая деталь должна импонировать, такъ сказать, и имѣть торжественный видъ (*поднимаетъ съ пола бумажку и бросаетъ ее въ каминъ*). Заслуга моя именно

въ томъ, что я высоко поднялъ репутацію банка!.. Великое дѣло—тонъ! Великое, не будь я Шипучинъ (*оглядѣвъ Хирина*). Дорогой мой, каждую минуту сюда можетъ явиться депутація отъ членовъ банка, а вы въ валенкахъ, въ этомъ шарфѣ... въ какомъ-то пиджакѣ дикаго цвѣта... Могли бы надѣть фракъ, ну, наконецъ, черный сюртукъ...

Хиринъ. Для меня здоровье дороже вашихъ членовъ банка. У меня воспаленіе всего тѣла.

Шипучинъ (*волнуясь*). Но согласитесь, что это безпорядокъ! Вы нарушаете ансамбль!

Хиринъ. Если придетъ депутація, то я спрятаться могу. Не велика бѣда... (*пишетъ*). Семь... одинъ... семь... два... одинъ... пять... ноль. Я и самъ безпорядковъ не люблю... Семь... два... девять... (*щелкаетъ на счетахъ*). Терпѣть не могу безпорядковъ! Вотъ хорошо бы вы сдѣлали, если бы не приглашали сегодня на юбилейный обѣдъ дамъ...

Шипучинъ. Пустяки какіе...

Хиринъ. Я знаю, вы для шикю напустите ихъ сегодня полную залу, но, смотрите, онѣ вамъ все дѣло испортятъ. Отъ нихъ всякій вредъ и безпорядокъ.

Шипучинъ. Напротивъ, женское общество возвышаетъ!

Хиринъ. Да... Ваша супруга, кажется, образованная, а въ понедѣльникъ на прошлой недѣлѣ такое выпалила, что я потомъ дня два только руками разводилъ. Вдругъ при постороннихъ спрашиваетъ:—«Правда ли, что у насъ въ банкѣ мужъ накупилъ акцій Дряжско-Пряжскаго банка, которыя упали на биржѣ? Ахъ, мой мужъ такъ беспокоится!» Это при постороннихъ-то! И зачѣмъ вы откровенничаете съ ними, не понимаю! Хотите, чтобы онѣ васъ подъ уголовщину подвели?

Шипучинъ. Ну, довольно, довольно! Для юбилея это все слишкомъ мрачно. Кстати, вы мнѣ напомнили (*смотритъ на часы*). Сейчасъ должна пріѣхать моя супружница. Въ сущности слѣдовало бы съѣздить на вокзалъ, встрѣтить ее обѣдняжку, по нѣтъ времени и... и усталъ. Признаться, я не радъ ей! То-есть я радъ, но для меня было бы пріятнѣе, если бы она еще денька два пожила у своей матери. Она потребуетъ, чтобы я сегодня провелъ весь вечеръ съ нею, а, между тѣмъ, у насъ сегодня предполагается послѣ обѣда маленькая экскурсія... (*вздрагиваетъ*). Однако, у меня уже начинается нервная дрожь. Первые такъ напружены,

что достаточно, кажется, малѣйшаго пустяка, чтобы я расплакался! Нѣтъ, надо быть крѣпкимъ, не будь я Шипучинъ! (*Входитъ Татьяна Алексѣвна, въ ватерпруфъ и съ до-рожной сумочкой черезъ плечо.*)

Шипучинъ. Ба! Легка на поминѣ!

Татьяна Алексѣвна. Милый! (*бѣжитъ къ мужу, продол-жительный поцѣлуй*).

Шипучинъ. А мы только-что о тебѣ говорили!.. (*смотритъ на часы*).

Татьяна Алексѣвна (*запыхавшись*). Соскучился? Здоровь? А я еще дома не была, съ вокзала прямо сюда. Нужно тебѣ рассказать многое, многое... не могу утерпѣть... Раздѣваться я не буду, я на минутку (*Хирина*). Здравствуйте, Кузьма Николаичъ! (*мужу*). Дома у насъ все благополучно?

Шипучинъ. Все. А ты за эту недѣлю пополнила, похорошѣла... Ну, какъ съѣздила?

Татьяна Алексѣвна. Превосходно. Кланяются тебѣ мама и Катя. Василий Андрейчъ велѣлъ тебя поцѣловать (*цѣлуетъ*). Тетя прислала тебѣ банку варенья и всѣ сердятся, что ты не пишешь. Зина велѣла тебя поцѣловать (*цѣлуетъ*). Ахъ, если бъ ты зналъ, что было! Что было! Миѣ даже страшно рассказывать! Ахъ, что было! Но я вижу по глазамъ, что ты миѣ не радъ!

Шипучинъ. Напротивъ... Милая... (*цѣлуетъ*).

Хиринъ (*сердито кашляетъ*).

Татьяна Алексѣвна (*вздыхаетъ*). Ахъ, бѣдная Катя, бѣдная Катя! Миѣ ее такъ жаль, такъ жаль!

Шипучинъ. У насъ, милая, сегодня юбилей, всякую минуту можетъ явиться сюда депутація отъ членовъ банка, а ты не одѣта.

Татьяна Алексѣвна. Правда, юбилей! Поздравляю, господи... Желаю вамъ... Значитъ, сегодня собраніе, обѣдъ... Это я люблю. А помнишь, тотъ прекрасный адресъ, который ты такъ долго сочинялъ для членовъ банка? Его сегодня будутъ тебѣ читать?

Хиринъ (*сердито кашляетъ*).

Шипучинъ (*смущенно*). Милая, объ этомъ не говорятъ... Право, ѣхала бы домой.

Татьяна Алексѣвна. Сейчасъ, сейчасъ. Въ одну минуту расскажу и уѣду. Я тебѣ все съ самаго начала. Ну-съ...

Когда ты меня проводилъ, я, помнишь, сѣла рядомъ съ той полной дамой и стала читать. Въ вагонѣ я не люблю разговаривать. Три станціи все читала и ни съ кѣмъ ни одного слова... Ну, наступилъ вечеръ и такія, знаешь, пошли все мрачныя мысли! Напротивъ сидѣлъ молодой человѣкъ, ничего себѣ такъ, не дурненькій, брюнетъ... Ну, разговорились... Подошелъ морякъ, потомъ студентъ какой-то... (*смѣется*). Я сказала имъ, что я не замужемъ... Какъ они за мной ухаживали! Болтали мы до самой полночи, брюнетъ рассказывалъ ужасно смѣшные анекдоты, а морякъ все пѣлъ. У меня грудь заболѣла отъ смѣха. А когда морякъ— ахъ, эти моряки! когда морякъ узналъ нечаянно, что меня зовутъ Татьяной, то знаешь, что онъ пѣлъ? (*поетъ басомъ*). Онѣгинъ, я скрывать не стану, безумно я люблю Татьяну!.. (*хохочетъ*).

Хиринъ (*сердито кашляетъ*).

Шипучинъ. Однако, Танюша, мы мѣшаемъ Кузъмѣ Николаичу. Поѣзжай домой, милая... Послѣ...

Татьяна Алексѣевна. Ничего, ничего, пусть и онъ послушаетъ, это очень интересно. Я сейчасъ кончу. На станцію выѣхалъ за мной Сережа. Подвернулся тутъ какой-то молодой человѣкъ, податной инспекторъ, кажется... ничего себѣ, славненькій, особенно глаза... Сережа представилъ его, и мы поѣхали втроемъ... Погода была чудная...

(*За сценой голоса: — «Нельзя! Нельзя! Что вамъ угодно?»*)

Входитъ Мерчуткина).

Мерчуткина (*въ дверяхъ, отмахиваясь*). Чего хватаете-то?— Вотъ еще! Мнѣ самого нужно!.. (*входитъ, Шипучину*). Честь имѣю, ваше превосходительство... Жена губернскаго секретаря, Настасья Федоровна Мерчуткина-съ.

Шипучинъ. Что вамъ угодно?

Мерчуткина. Изволите ли видѣть, ваше превосходительство, мужъ мой, губернский секретарь Мерчуткинъ, былъ боленъ пять мѣсяцевъ, и пока онъ лежалъ дома и лѣчился, ему безъ всякой причины отставку дали, ваше превосходительство, а когда я пошла за его жалованьемъ, то они, изволите ли видѣть, взяли и вычли изъ его жалованья 24 руб. 36 коп. За что? спрашиваю. «А онъ, говорятъ, изъ товарищеской кассы бралъ и за него другіе ручались». Какъ же такъ? Нешто онъ могъ безъ моего согласія брать? Такъ нельзя, ваше превосходительство! Я женщина бѣдная, только

и кормлюсь жильцами... Я слабая, беззащитная... Отъ всѣхъ обиду терплю и ни отъ кого добраго слова не слышу.

Шипучинъ. Позвольте... (*береть отъ нея прошеніе и читаетъ его стоя*).

Татьяна Алексѣвна (Хирину). Но нужно сначала... На прошлой недѣлѣ вдругъ я получаю отъ мамы письмо. Пишетъ, что сестрѣ Катѣ сдѣлалъ предложеніе нѣкій Гренди-левскій. Прекрасный, скромный молодой человекъ, но безъ всякихъ средствъ и никакого опредѣленнаго положенія. И на бѣду, представьте себѣ, Катя увлеклась имъ. Что тутъ дѣлать? Мама пишетъ, чтобы я не медля пріѣхала и повлияла на Катю...

Хиринъ (сурово). Позвольте, вы меня сбили! Вы — мама да Катя, а я вотъ сбился и ничего не понимаю.

Татьяна Алексѣвна. Экая важность! А вы слушайте, когда съ вами дама говоритъ! Отчего вы сегодня такой сердитый? Влюблены? (*смѣется*).

Шипучинъ (Мерчуткиной). Позвольте однако, какъ же это? Я ничего не понимаю...

Татьяна Алексѣвна. Влюблены? Ага! Покраснѣлъ!

Шипучинъ (женѣ). Танюша, поди, милая, на минутку въ контору. Я сейчасъ.

Татьяна Алексѣвна. Хорошо (*уходитъ*).

Шипучинъ. Я ничего не понимаю. Очевидно, вы, сударыня, не туда попали. Ваша просьба по существу совсѣмъ къ намъ не относится. Вы потрудитесь обратиться въ то вѣдомство, гдѣ служилъ вашъ мужъ.

Мерчуткина. Я, батюшка, въ пяти мѣстахъ уже была, нигдѣ даже прошенія не приняли. Я ужъ и голову потеряла, да спасибо зятю Борису Матвѣичу, надоумилъ къ вамъ сходить. «Вы, говоритъ, мамаша, обратитесь къ г. Шипучину; они вліятельный человекъ, все могутъ»... Помогите, ваше превосходительство!

Шипучинъ. Мы, госпожа Мерчуткина, ничего не можемъ для васъ сдѣлать. Поймите вы: вашъ мужъ, насколько я могу судить, служилъ по военно-медицинскому вѣдомству, а наше учрежденіе совершенно частное, коммерческое, у насъ банкъ. Какъ не понять этого!

Мерчуткина. Ваше превосходительство, а что мужъ мой боленъ былъ, у меня докторское свидѣтельство есть. Вотъ оно, извольте поглядѣть...

Шипучинъ (*раздраженно*). Прекрасно, я вѣрю вамъ, но повторяю, это къ намъ не относится.

(*За сценой смѣхъ Татьяны Алексѣевны; потомъ мужской смѣхъ*).

Шипучинъ (*взглянувъ на дверь*). Она тамъ мѣшаетъ служащимъ (*Мерчуткиной*). Странно и даже смѣшно. Неужели вашъ мужъ не знаетъ, куда вамъ обращаться?

Мерчуткина. Онъ, ваше превосходительство, у меня ничего не знаетъ. Зарядилъ одно: «не твое дѣло! пошла вонь!» да и все тутъ...

Шипучинъ. Повторяю, сударыня: вашъ мужъ служилъ по военно-медицинскому вѣдомству, а здѣсь банкъ, учрежденіе частное, коммерческое...

Мерчуткина. Такъ, такъ, такъ... Понимаю, батюшка. Въ такомъ случаѣ, ваше превосходительство, прикажите выдать мнѣ хоть 15 рублей! Я согласна не все сразу.

Шипучинъ (*вздыхаетъ*). Уфъ!

Хиринъ. Андрей Андреичъ, этакъ я никогда доклада не кончу!

Шипучинъ Сейчасъ. (*Мерчуткиной*). Вамъ не втолкуешь. Да поймите же, что обращаться къ намъ съ подобной просьбой такъ же странно, какъ подавать прошеніе о разводѣ, напримѣръ, въ аптеку, или въ пробирную палатку.

(*Стукъ въ дверь. Голосъ Татьяны Алексѣевны: «Андрей, можно войти?»*).

Шипучинъ (*кричитъ*). Погоди, милая, сейчасъ! (*Мерчуткиной*). Вамъ не доплатили, но мы-то тутъ при чемъ? И къ тому же, сударыня, у насъ сегодня юбилей, мы заняты... и можетъ сюда войти кто-нибудь сейчасъ... Извините...

Мерчуткина. Ваше превосходительство, пожалѣйте меня сироту! Я женщина слабая, беззащитная... Замучилась до смерти... И съ жильцами судись, и за мужа хлопочи, и по хозяйству бѣгай, а тутъ еще зять безъ мѣста.

Шипучинъ. Госпожа Мерчуткина, я... Нѣтъ, извините, я не могу съ вами говорить! У меня даже голова закружилась... Вы и намъ мѣшаете, и время понапрасну теряете... (*вздыхаетъ, въ сторону*). Вотъ пробка, не будь я Шипучинъ! (*Хирину*) Кузьма Николаичъ, объясните вы, пожалуйста, госпожѣ Мерчуткиной... (*машетъ рукой и уходитъ въ правленіе*).

Хиринъ (*подходитъ къ Мерчуткиной. Сурово*). Что вамъ угодно?

Мерчуткина. Я женщина слабая, беззащитная... На видъ, можетъ, я крѣпкая, а ежели разобрать, такъ во мнѣ ни одной жилочки нѣтъ здоровой! Еле на ногахъ стою и аппетита рѣшилась. Кофей сегодня пила и безъ всякаго удовольствія.

Хиринъ. Я васъ спрашиваю, что вамъ угодно?

Мерчуткина. Прикажете, батюшка, выдать мнѣ 15 рублей, а остальные хоть черезъ мѣсяць.

Хиринъ. Но вѣдь вамъ, кажется, было сказано русскимъ языкомъ: здѣсь банкъ!

Мерчуткина. Такъ, такъ... А если нужно, я могу медицинское свидѣтельство представить.

Хиринъ. У васъ на плечахъ голова, или что?

Мерчуткина. Миленькій, вѣдь, я по закону прошу. Мнѣ чужого не нужно.

Хиринъ. Я васъ, мадамъ, спрашиваю: у васъ голова на плечахъ, или что? Ну, чортъ меня подери совсѣмъ, мнѣ некогда съ вами разговаривать! Я занятъ (*указываетъ на дверь*). Прошу!

Мерчуткина (*удивленная*). А деньги какъ же?..

Хиринъ. Однимъ словомъ, у васъ на плечахъ не голова, а вотъ что... (*стучитъ пальцемъ по столу, потомъ себя по лбу*).

Мерчуткина (*обидѣвшись*). Что? Ну, нечего, нечего... Своей женѣ постукай... Я губернская секретарша... Со мной не очень!

Хиринъ (*всплывъ, вполголоса*). Вонъ отсюда!

Мерчуткина. Но, но, но... Не очень!

Хиринъ (*вполголоса*). Ежели ты не уйдешь сію секунду, то я за дворникомъ пошлю! Вонъ! (*топочетъ ногами*).

Мерчуткина. Нечего, нечего! Не боюсь! Видали мы такихъ... Сквajiна!

Хиринъ. Кажется, во всю свою жизнь не видалъ противнѣе... Уфъ! Даже въ голову ударило... (*тяжело дышитъ*). Я тебѣ еще разъ говорю... Слышишь? Ежели ты, старая кикимора, не уйдешь отсюда, то я тебя въ порошокъ сотру! У меня такой характеръ, что я могу изъ тебя на весь вѣкъ калѣку сдѣлать! Я могу преступленіе совершить!

Мерчуткина. Собака лаетъ, вѣтеръ носить. Не испугалась. Видали мы такихъ.

Хиринъ (*въ отчаяніи*). Видѣть ея не могу! Мнѣ дурно! Я не могу! (*идетъ къ столу и садится*). Напустили бабъ полонъ банкъ, не могу я доклада писать! Не могу!

Мерчуткина. Я не чужое прошу, а свое, по закону. Ишь, срамникъ! Въ присутственномъ мѣстѣ въ валенкахъ сидить... Мужикъ... (*входятъ Шипучинъ и Татьяна Алексѣвна*).

Татьяна Алексѣвна (*входя за мужемъ*). Поѣхали мы на вечеръ къ Бережницкимъ. На Катѣ было голубенькое фуляровое платье съ легкимъ кружевомъ и съ открытой шейкой... Ей очень къ лицу высокая прическа, и я ее сама причесала... Какъ одѣлась и причесалась, ну просто очарованіе!

Шипучинъ (*уже съ мнренью*). Да, да... очарованіе... Сейчас могутъ придти сюда.

Мерчуткина. Ваше превосходительство!..

Шипучинъ (*уныло*). Что еще? Что вамъ угодно?

Мерчуткина. Ваше превосходительство!.. (*указываетъ на Хирина*). Вотъ этотъ, вотъ самый... вотъ этотъ постучалъ себѣ пальцемъ по лбу, а потомъ по столу... Вы велѣли ему мое дѣло разобрать, а онъ насмѣхается и всякія слова. Я женщина слабая, беззащитная...

Шипучинъ. Хорошо, сударыня, я разберу... приму мѣры... Уходите... послѣ!.. (*въ сторону*). У меня подагра начинается!..

Хиринъ (*подходитъ къ Шипучину, тихо*). Андрей Андреичъ, прикажите послать за швейцаромъ, пусть ее въ три шеи погонить! Вѣдь это что такое?

Шипучинъ (*испуанно*). Нѣтъ, нѣтъ! Она визгъ подниметъ, а въ этомъ домѣ много квартиръ.

Мерчуткина. Ваше превосходительство!..

Хиринъ (*плачущимъ голосомъ*). Но вѣдь мнѣ докладъ надо писать! Я не успѣю!.. (*возвращается къ столу*). Я не могу!

Мерчуткина. Ваше превосходительство, когда же я получу? Мнѣ нынче деньги надобны.

Шипучинъ (*въ сторону, съ негодованіемъ*). За-мѣ-ча-тель-но подлая баба (*ей, мягко*). Сударыня, я уже вамъ говорилъ. Здѣсь банкъ, учрежденіе частное, коммерческое.

Мерчуткина. Сдѣлайте милость, ваше превосходительство, будьте отцомъ роднымъ... Ежели медицинскаго свидѣтель-

ства мало, то я могу и изъ участка удостовѣреніе представить. Прикажете выдать мнѣ деньги!

Шипучинъ (*тяжело вздыхаетъ*). Уфъ!

Татьяна Алексѣвна (*Мерчуткиной*). Бабушка, вамъ же говорятъ, что вы мѣшаете. Какая вы право.

Мерчуткина. Красавица, матушка, за меня похлопотать некому. Одно только званіе, что пью и ѣмъ, а кофѣй нынѣ пила безъ всякаго удовольствія.

Шипучинъ (*въ изнеможении, Мерчуткиной*). Сколько вы хотите получить?

Мерчуткина. 24 рубля 36 копеекъ.

Шипучинъ. Хорошо!.. (*достаетъ изъ бумажника 25 руб. и подаетъ ей*). Вотъ вамъ 25 рублей. Берите и... уходите!

Хиринъ (*сердито кашляетъ*).

Мерчуткина. Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство... (*прячетъ деньги*).

Татьяна Алексѣвна (*сидясь около мужа*). Однако, мнѣ пора домой... (*посмотрѣвъ на часы*). Но я еще не кончила... Въ одну минуточку кончу и уйду... Что было! Ахъ, что было! Итакъ, поѣхали мы на вечеръ къ Бережницкимъ... Ничего себѣ, весело было, но не особенно... Былъ, конечно, и Катинъ вздыхатель Грендилевскій... Ну, я съ Катей поговорила, поплакала, повліяла на нее, она тутъ же на вечерѣ объяснилась съ Грендилевскимъ и отказала ему. Ну, думаю, все устроилось, какъ нельзя лучше: маму успокоила, Катю спасла и теперь сама могу быть спокойна... Что же ты думаешь? Передъ самымъ ужиномъ идемъ мы съ Катей по аллеѣ и вдругъ... (*волнуясь*). И вдругъ слышимъ выстрѣлъ... Нѣтъ, я не могу говорить объ этомъ хладнокровно! (*обмахивается платкомъ*). Нѣтъ, не могу!

Шипучинъ (*вздыхаетъ*). Уфъ!

Татьяна Алексѣвна (*плачетъ*). Бѣжимъ къ бесѣдкѣ, а тамъ... тамъ лежитъ бѣдный Грендилевскій... съ пистолетомъ въ рукѣ...

Шипучинъ. Нѣтъ, я этого не вынесу! Я не вынесу! (*Мерчуткиной*). Вамъ что еще нужно?

Мерчуткина. Ваше превосходительство, нельзя ли моему мужу опять поступить на мѣсто?

Татьяна Алексѣвна (*плача*). Выстрѣлилъ себѣ прямо въ сердце... вотъ тутъ... Катя упала безъ чувствъ, бѣдняжка... А онъ самъ страшно испугался, лежитъ и... и проситъ

послать за докторомъ. Скоро пріѣхалъ докторъ и... и спасъ несчастнаго...

Мерчуткина. Ваше превосходительство, нельзя ли моему мужу опять поступить на мѣсто?

Шипучинъ. Нѣтъ, я не вынесу! *(плачетъ)* Не вынесу! *(протягиваетъ къ Хирину обѣ руки, въ отчаяніи).* Прогоните ее! Прогоните, умоляю васъ!

Хиринъ *(подходя къ Татьянѣ Алексѣевнѣ).* Вонъ отсюда!

Шипучинъ. Не ее, а вотъ эту... вотъ эту ужасную... *(указываетъ на Мерчуткину)* вотъ эту!

Хиринъ *(не появивъ его, Татьянѣ Алексѣевнѣ).* Вонъ отсюда! *(топочетъ ногами).* Вонъ пошла!

Татьяна Алексѣевна. Что? Что вы? Съ ума сошли?

Шипучинъ. Это ужасно! Я несчастный человѣкъ! Гоните ее! Гоните!

Хиринъ *(Татьянѣ Алексѣевнѣ).* Вонъ! Искальчу! Исковеркаю! Преступленіе совершу!

Татьяна Алексѣевна *(бѣжитъ отъ него, онъ за ней).* Да какъ вы смѣете! Вы нахаль! *(кричитъ)* Андрей! Спаси! Андрей! *(взвизгиваетъ).*

Шипучинъ *(бѣжитъ за ними).* Перестаньте! Умоляю васъ! Тише! Пощадите меня!

Хиринъ *(гонится за Мерчуткиной).* Вонъ отсюда! Ловите! Бейте! Рѣжьте ее!

Шипучинъ *(кричитъ).* Перестаньте! Прошу васъ! Умоляю!

Мерчуткина. Батюшки... батюшки!.. *(взвизгиваетъ).* Батюшки!..

Татьяна Алексѣевна *(кричитъ).* Спасите! Спасите!.. Ахъ, ахъ... дурно! Дурно! *(вскакиваетъ на стулъ, потомъ падаетъ на диванъ и стонетъ, какъ въ обморокъ).*

Хиринъ *(гонится за Мерчуткиной).* Бейте ее! Лупите! Рѣжьте!

Мерчуткина. Ахъ, ахъ... батюшки, въ глазахъ темно! Ахъ! *(падаетъ безъ чувствъ на руки Шипучина).*

(Стукъ въ дверь и голосъ за сценой:— «Депутація!»).

Шипучинъ. Депутація... репутація... оккупация...

Хиринъ *(топочетъ ногами).* Вонъ, чортъ бы меня дралъ! *(засучиваетъ рукава).* Дайте мнѣ ее! Преступленіе могу совершить!

(Входитъ депутація изъ пяти человѣкъ; всѣ во фракахъ. У одного въ рукахъ адресъ въ бархатномъ переплетѣ, у

другого — жбанъ. Въ дверь изъ правленія смотрятъ слушающіе. Татьяна Алексѣевна на диванъ, Мерчуткина на рукахъ у Шипучина, обѣ тихо стонутъ).

Членъ банка (*громко читаетъ*). «Многоуважаемый и дорогой Андрей Андреевичъ! Бросая ретроспективный взглядъ на прошлое нашего финансоваго учрежденія и пробѣгая умственнымъ взоромъ исторію его постепеннаго развитія, мы получаемъ въ высшей степени отрадное впечатлѣніе. Правда, въ первое время его существованія, небольшіе размѣры основнаго капитала, отсутствіе какихъ-либо серьезныхъ операцій, а также неопредѣленность цѣлей ставили ребромъ Гамлетовскій вопросъ: «быть, или не быть?» и въ одно время даже раздавались голоса въ пользу закрытія банка. Но вотъ, во главѣ учрежденія становитесь вы. Ваши знанія, энергія и присущій вамъ тактъ были причиною необычайнаго успѣха и рѣдкаго процвѣтанія. Репутація банка... (*кашляетъ*) репутация банка...

Мерчуткина (*стонетъ*). Охъ! Охъ!

Татьяна Алексѣевна (*стонетъ*). Воды! Воды!

Членъ банка (*продолжаетъ*). Репутація... (*кашляетъ*) репутация банка поднята вами на такую высоту, что наше учрежденіе можетъ нынѣ соперничать съ лучшими заграничными учрежденіями...

Шипучинъ. Депутація... репутация... оккупація... или два пріятели вечернею порой и дѣльный разговоръ вели между собой... Не говори, что молодость сгубила, что ревностью истерзана моей.

Членъ банка (*продолжаетъ въ смущеніи*). Затѣмъ, бросая объективный взглядъ на настоящее, мы, многоуважаемый и дорогой Андрей Андреевичъ... (*понижаетъ тонъ*). Въ такомъ случаѣ мы послѣ... Мы лучше послѣ... (*Уходятъ въ смущеніи*).

Занавѣсъ.

ТРИ СЕСТРЫ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Прозоровъ, Андрей Сергѣевичъ.

Наталья Ивановна, его невѣста, потомъ жена.

Ольга
Маша } его сестры.
Ирина }

Кулыгинъ, Ѳедоръ Ильичъ, учитель гимназіи, мужъ Маши.

Вершининъ, Александръ Игнатъевичъ, подполковникъ, батарейный командиръ.

Тузенбахъ, Николай Львовичъ, баронъ, поручикъ.

Соленый, Василій Васильевичъ, штабсъ-капитанъ.

Чебутыкинъ, Иванъ Романовичъ, военный докторъ.

Федотикъ, Алексѣй Петровичъ, подпоручикъ.

Родэ, Владиміръ Карловичъ, подпоручикъ.

Ферапонтъ, сторожъ изъ земской управы, старикъ.

Аноиса, нянька, старуха 80 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Въ домѣ Прозоровыхъ. Гостиная съ колоннами, за которыми виденъ большой залъ. Полдень; на дворѣ солнечно, весело. Въ залѣ накрываютъ столъ для завтрака. Ольга въ синемъ форменномъ платьѣ учительницы женской гимназiи, все время поправляетъ ученическія тетрадки, стоя и на ходу; Маша въ черномъ платьѣ, со шляпкой на колѣняхъ сидитъ и читаетъ книжку; Ирина въ бѣломъ платьѣ стоитъ задумавшись.

Ольга. Отецъ умеръ ровно годъ назадъ, какъ разъ въ этотъ день, пятого мая, въ твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шель снѣгъ. Мнѣ казалось, я не переживу, ты лежала въ обморокѣ, какъ мертвая. Но вотъ прошелъ годъ, и мы вспоминаемъ объ этомъ легко, ты уже въ бѣломъ платьѣ, лицо твое сіяетъ (*часы бьютъ двенадцать*). И тогда также били часы (*пауза*). Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбищѣ стрѣляли. Онъ былъ генералъ, командовалъ бригадой, между тѣмъ, народу шло мало. Впрочемъ, былъ дождь тогда. Сильный дождь и снѣгъ.

Ирина. Зачѣмъ вспоминать!

(*За колоннами, въ залъ около стола показываются баронъ Тузенбахъ, Чебутыкинъ и Соленый*).

Ольга. Сегодня тепло, можно окна держать настежь, а березы еще не распускались. Отецъ получилъ бригаду и выѣхалъ съ нами изъ Москвы одиннадцать лѣтъ назадъ и, я отлично помню, въ началѣ мая, вотъ въ эту пору въ Москвѣ уже все въ цвѣту, тепло, все залито солнцемъ. Одиннадцать лѣтъ прошло, а я помню тамъ все, какъ будто

выѣхали вчера. Боже мой! Сегодня утромъ проснулась, увидѣла массу свѣта, увидѣла весну, и радость заволновалась въ моей душѣ, захотѣлось на родину страстно.

Чебутыкинъ. Чорта съ два!

Тузенбахъ. Конечно, вздоръ.

Маша (*задумавшись надъ книжской, тихо насвистываетъ пьсеню*).

Ольга. Не свисти, Маша. Какъ это ты можешь! (*пауза*). Оттого, что я каждый день въ гимназiи и потомъ даю уроки до вечера, у меня постоянно болитъ голова и такія мысли, точно я уже состарилась. И въ самомъ дѣлѣ, за эти четыре года, пока служу въ гимназiи, я чувствую, какъ изъ меня выходятъ каждый день по каплямъ и силы, и молодость. И только растеть и крѣпнетъ одна мечта...

Ирина. Уѣхать въ Москву. Продать домъ, покончить все здѣсь и въ Москву...

Ольга. Да! Скорѣе въ Москву.

(*Чебутыкинъ и Тузенбахъ смѣются*).

Ирина. Братъ, вѣроятно, будетъ профессоромъ, онъ все равно не станетъ жить здѣсь. Только вотъ остановка за бѣдной Машей.

Ольга. Маша будетъ прѣзжать въ Москву на все лѣто, каждый годъ.

Маша (*тихо насвистываетъ пьсеню*).

Ирина. Богъ дастъ, все устроится (*глядя въ окно*). Хорошая погода сегодня. Я не знаю, отчего у меня на душѣ такъ свѣтло! Сегодня утромъ вспомнила, что я именинница, и вдругъ почувствовала радость, и вспомнила дѣтство, когда еще была жива мама. И какія чудныя мысли волновали меня, какія мысли!

Ольга. Сегодня ты вся сияешь, кажешься необыкновенно красивой. И Маша тоже красива. Андрей былъ бы хорошъ, только онъ располнѣлъ очень, это къ нему не идетъ. А я постарѣла, похудѣла сильно, оттого, должно-быть, что сержусь въ гимназiи на дѣвочекъ. Вотъ сегодня я свободна, я дома, и у меня не болитъ голова, я чувствую себя мо- ложе, чѣмъ вчера. Мнѣ двадцать восемь лѣтъ, только... Все хорошо, все отъ Бога, но мнѣ кажется, если бы я вышла замужъ и цѣлый день сидѣла дома, то это было бы лучше (*пауза*). Я бы любила мужа.

Тузенбахъ (*Соленому*). Такой вы вздоръ говорите, надоѣло

вась слушать (*входя въ гостиную*). Забылъ сказать. Сегодня у вась съ визитомъ будетъ нашъ новый батарейный командиръ Вершининъ (*садится у пiанино*).

Ольга. Ну, что-жъ! Очень рада.

Ирина. Онъ старый?

Тузенбахъ. Нѣтъ, ничего. Самое большее, лѣтъ сорокъ, сорокъ пять (*тихо наирываеъ*). Повидимому, славный малый. Не глупъ, это—несомнѣнно. Только говорить много.

Ирина. Интересный человекъ?

Тузенбахъ. Да, ничего себѣ, только жена, теща и двѣ дѣвочки. Притомъ женатъ во второй разъ. Онъ дѣлаеъ визиты и вездѣ говоритъ, что у него жена и двѣ дѣвочки. И здѣсь скажеъ. Жена какая-то полоумная, съ длинной дѣвической косой, говоритъ однѣ высокопарныя вещи, философствуетъ и часто покушаеъ на самоубійство, очевидно, чтобы насолить мужу. Я бы давно ушелъ отъ такой, но онъ терпитъ и только жалуеъся.

Соленый (*входя изъ залы въ гостиную съ Чебутыкинымъ*). Одной рукой я поднимаю только полтора пуда, а двумя пять, даже шесть пудовъ. Изъ этого я заключаю, что два человекъ сильнѣе одного не вдвое, а втрое, даже больше...

Чебутыкинъ (*читаетъ на ходу газету*). При выпаденіи волосъ... два золотника нафталина на полбутылки спирта... растворить и употреблять ежедневно... (*записываеъ въ книжку*). Запишемъ-съ! (*Соленому*). Такъ вотъ, я говорю вамъ, пробочка втыкаеъся въ бутылочку, и сквозь нее проходитъ стеклянная трубочка... Потомъ вы берете щепоточку самыхъ простыхъ, обыкновеннѣйшихъ квасцовъ...

Ирина. Иванъ Романычъ, милый Иванъ Романычъ!

Чебутыкинъ. Что, дѣвочка моя, радость моя?

Ирина. Скажите мнѣ, отчего я сегодня такъ счастлива? Точно я на парусахъ. надо мной широкое голубое небо и носяеъся большія бѣлыя птицы. Отчего это? Отчего?

Чебутыкинъ (*цѣлуя ей обѣ руки, нѣжно*). Птица моя бѣлая...

Ирина. Когда я сегодня проснулась, встала и умылась, то мнѣ вдругъ стало казаться, что для меня все ясно на этомъ свѣтѣ, и я знаю, какъ надо жить. Милый Иванъ Романычъ, я знаю все. Человекъ долженъ трудиться, работать въ потѣ лица, кто бы онъ ни былъ, и въ этомъ одномъ заключаеъся смыслъ и цѣль его жизни, его счастье,

его восторги. Какъ хорошо быть рабочимъ, который встаетъ чуть свѣтъ и бѣтъ на улицѣ камни, или пастухомъ, или учителемъ, который учить дѣтей, или машинистомъ на желѣзной дорогѣ... Боже мой, не то что человѣкомъ, лучше быть воломъ, лучше быть простою лошадю, только бы работать, чѣмъ молодой женщиной, которая встаетъ въ двѣнадцать часовъ дня, потомъ пьетъ въ постели кофе, потомъ два часа одѣвается... о, какъ это ужасно! Въ жаркую погоду такъ иногда хочется пить, какъ мнѣ захотѣлось работать. И если я не буду рано вставать и трудиться, то откажите мнѣ въ вашей дружбѣ, Иванъ Романычъ.

Чебутыкинъ *(нѣжно)*. Откажу, откажу...

Ольга. Отецъ приучилъ насъ вставать въ семь часовъ. Теперь Ирина просыпается въ семь и, по крайней мѣрѣ, до девяти лежитъ и о чемъ-то думаетъ. А лицо серьезное! *(смѣется)*.

Ирина. Ты привыкла видѣть меня дѣвочкой, и тебѣ странно, когда у меня серьезное лицо. Мнѣ двадцать лѣтъ!

Тузенбахъ. Тоска по трудѣ, о Боже мой, какъ она мнѣ понятна! Я не работалъ ни разу въ жизни. Родился я въ Петербургѣ, холодномъ и праздномъ, въ семьѣ, которая никогда не знала труда и никакихъ заботъ. Помню, когда я приѣзжалъ домой изъ корпуса, то лакей стаскивалъ съ меня сапоги, я капризничалъ въ это время, а моя мать смотрѣла на меня съ благоговѣніемъ и удивлялась, когда другіе на меня смотрѣли иначе. Меня оберегали отъ труда. Только едва ли удалось оберечь, едва ли! Пришло время, надвигается на всѣхъ насъ громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идетъ, уже близка и скоро сдуетъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку. Я буду работать, а черезъ какія-нибудь 25—30 лѣтъ работать будетъ уже каждый человѣкъ. Каждый!

Чебутыкинъ. Я не буду работать.

Тузенбахъ. Вы не въ счетъ.

Соленый. Черезъ двадцать пять лѣтъ васъ уже не будетъ на свѣтѣ, слава Богу. Года черезъ два-три вы умрете отъ кондрашки, или я вспылю и всажу вамъ пулю въ лобъ, ангелъ мой *(вынимаетъ изъ кармана флаконъ съ духами и опрыскиваетъ себя тудь, руки)*.

Чебутыкинъ *(смѣется)*. А я въ самомъ дѣлѣ никогда

ничего не дѣлалъ. Какъ вышелъ изъ университета, такъ не ударилъ пальцемъ о палецъ, даже ни одной книжки не прочелъ, а читалъ только однѣ газеты... (*вынимаетъ изъ кармана другую газету*). Вотъ... Знаю по газетамъ, что былъ, положимъ, Добролюбовъ, а что онъ тамъ писалъ— не знаю... Богъ его знаетъ... (*слышишь, какъ стучатъ въ полъ изъ нижняго этажа*). Вотъ... Зовутъ меня внизъ, кто-то ко мнѣ пришелъ. Сейчасъ приду... погодите... (*торопливо уходитъ, расчесывая бороду*).

Ирина. Это онъ что-то выдумалъ.

Тузенбахъ. Да. Ушелъ съ торжественной фізіономіей, очевидно, принесетъ вамъ сейчасъ подарокъ.

Ирина. Какъ это непріятно!

Ольга. Да, это ужасно. Онъ всегда дѣлаетъ глупости.

Маша. У лукоморья дубъ зеленый, золотая цѣпь на дубѣ томъ... Золотая цѣпь на дубѣ томъ... (*встаетъ и напѣваетъ тихо*).

Ольга. Ты сегодня не веселая, Маша.

Маша (*напѣвая, надѣваетъ шляпу*).

Ольга. Куда ты?

Маша. Домой.

Ирина. Странно...

Тузенбахъ. Уходитъ съ именинъ!

Маша. Все равно... Приду вечеромъ. Прощай, моя хорошая... (*цѣлуетъ Ирину*). Желаю тебѣ еще разъ, будь здорова, будь счастлива. Въ прежнее время, когда былъ живъ отецъ, къ намъ на именины приходило всякій разъ по тридцать-сорокъ офицеровъ, было шумно, а сегодня только полтора человекъ и тихо, какъ въ пустынь... Я уйду... Сегодня я въ мерлехлюндіи, не весело мнѣ, и ты не слушай меня (*смѣясь сквозь слезы*). Послѣ поговоримъ, а пока прощай, моя милая, пойду куда-нибудь.

Ирина (*недовольная*). Ну, какая ты...

Ольга (*со слезами*). Я понимаю тебя, Маша.

Соленый. Если философствуетъ мужчина, то это будетъ философістика, или тамъ софістика; если же философствуетъ женщина, или двѣ женщины, то ужъ это будетъ— потяни меня за палецъ.

Маша. Что вы хотите этимъ сказать, ужасно страшный человекъ?

Соленый. Ничего. Онъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь настѣлъ (*пауза*).

Маша (*Ольга, сердито*). Не реви!

(*Входятъ Анеиса и Ферাপонтъ съ тортомъ*).

Анеиса. Сюда, батюшка мой. Входи, ноги у тебя чистыя (*Ирина*). Изъ земской ушравы, отъ Протопопова, Михаила Иваныча... Пирогъ.

Ирина. Спасибо. Поблагодари (*принимаетъ тортъ*).

Ферапонтъ. Чего?

Ирина (*громче*). Поблагодари!

Ольга. Нянечка, дай ему пирога. Ферাপонтъ, иди, тамъ тебѣ пирога дадутъ.

Ферапонтъ. Чего?

Анеиса. Пойдемъ, батюшка, Ферাপонтъ Спиридонычъ. Пойдемъ... (*уходитъ съ Ферапонтомъ*).

Маша. Не люблю я Протопопова, этого Михаила Потапыча, или Иваныча. Его не слѣдуетъ приглашать.

Ирина. Я не приглашала.

Маша. И прекрасно.

(*Входитъ Чебутыкинъ, за нимъ солдатъ съ серебрянымъ самоваромъ; гулъ изумленія и недовольства*).

Ольга (*закрываетъ лицо руками*). Самоваръ! Это ужасно! (*уходитъ въ залу къ столу*).

Ирина. Голубчикъ, Иванъ Романычъ, что вы дѣлаете!

Тузенбахъ (*смѣется*). Я говорилъ вамъ.

Маша. Иванъ Романычъ, у васъ просто стыда нѣтъ!

Чебутыкинъ. Милыя мои, хорошія мои, вы у меня единственныя, вы для меня самое дорогое, что только есть на свѣтѣ. Мнѣ скоро шестьдесятъ, я старикъ, одинокій, ничтожный старикъ... Ничего во мнѣ нѣтъ хорошаго, кромѣ этой любви къ вамъ, и если бы не вы, то я бы давно уже не жилъ на свѣтѣ... (*Ирина*). Милая, дѣточка моя, я зналъ васъ со дня вашего рожденія... носилъ на рукахъ... я любилъ покойницу маму...

Ирина. Но зачѣмъ такіе дорогіе подарки!

Чебутыкинъ (*сквозь слезы, сердито*). Дорогие подарки...

Ну васъ совсѣмъ! (*детищу*). Неси самоваръ туда... (*дразнитъ*). Дорогие подарки... (*детищкѣ уноситъ самоваръ въ залъ*).

Анеиса (*проходя черезъ гостиную*). Милыя, полковникъ незнакомый. Ужъ пальто снялъ, дѣточки, сюда идетъ. Ари-

нушка, ты же будь ласковая, вѣжливенькая... (*уходя*). И завтракать уже давно пора... Господи...

Тузенбахъ. Вершининъ, должно-быть.

(*Входитъ Вершининъ*).

Тузенбахъ. Подполковникъ Вершининъ!

Вершининъ (*Маша и Ирина*). Честь имѣю представиться: Вершининъ. Очень, очень радъ, что, наконецъ, я у васъ. Какія вы стали! Ай! ай!

Ирина. Садитесь, пожалуйста. Намъ очень пріятно.

Вершининъ (*весело*). Какъ я радъ, какъ я радъ! Но вѣдь васъ три сестры. Я помню — три дѣвочки. Лицъ ужъ не помню, но что у вашего отца, полковника Прозорова, были три маленькихъ дѣвочки, я отлично помню и видѣлъ собственными глазами. Какъ идетъ время! Ой, ой, какъ идетъ время!

Тузенбахъ. Александръ Игнатьевичъ изъ Москвы.

Ирина. Изъ Москвы? Вы изъ Москвы?

Вершининъ. Да, оттуда. Вашъ покойный отецъ былъ тамъ батарейнымъ командиромъ, а я въ той же бригадѣ офицеромъ (*Маша*). Вотъ ваше лицо немножко помню, кажется.

Маша. А я васъ—нѣтъ!

Ирина. Оля! Оля! (*кричитъ въ залу*). Оля, иди же!

Ольга (*входитъ изъ залы въ гостиную*).

Ирина. Подполковникъ Вершининъ, оказывается, изъ Москвы.

Вершининъ. Вы, стало-быть, Ольга Сергѣевна, старшая... А вы Марія... А вы Ирина—младшая...

Ольга. Вы изъ Москвы?

Вершининъ. Да. Учился въ Москвѣ и началъ службу въ Москвѣ, долго служилъ тамъ, наконецъ, получилъ здѣсь батарею—перешелъ сюда, какъ видите. Я васъ не помню собственно, помню только, что васъ было три сестры. Вашъ отецъ сохранился у меня въ памяти, вотъ закрою глаза и вижу, какъ живого. Я у васъ бывалъ въ Москвѣ...

Ольга. Миѣ казалось, я всѣхъ помню, и вдругъ...

Вершининъ. Меня зовутъ Александромъ Игнатьевичемъ...

Ирина. Александръ Игнатьевичъ, вы изъ Москвы... Вотъ неожиданность!

Ольга. Вѣдь мы туда переѣзжаемъ.

Ирина. Думаемъ, къ осени уже будемъ тамъ. Нашъ родной городъ, мы родились тамъ.. На Старой Басманной улицѣ... *(объ смѣются отъ радости)*.

Маша. Неожиданно земляка увидѣли *(живо)*. Теперь вспомнила! Помнишь, Оля, у насъ говорили: «влюбленный майоръ». Вы были тогда поручикомъ и въ кого-то были влюблены, и васъ всѣ дразнили почему-то майоромъ...

Вершининъ *(смѣется)*.—Вотъ, вотъ... Влюбленный майоръ, это такъ...

Маша. У васъ были тогда только усы... О, какъ вы постарѣли! *(сквозь слезы)*. Какъ вы постарѣли!

Вершининъ. Да, когда меня звали влюбленнымъ майоромъ, я былъ еще молодъ, былъ влюбленъ. Теперь не то.

Ольга. Но у васъ еще ни одного сѣдого волоса. Вы постарѣли, но еще не стары.

Вершининъ. Однако, уже сорокъ третій годъ. Вы давно изъ Москвы?

Ирина. Одиннадцать лѣтъ. Ну, что ты, Маша, плачешь, чудачка... *(сквозь слезы)*. И я заплачу.

Маша. Я ничего. А на какой вы улицѣ жили?

Вершининъ. На Старой Басманной.

Ольга. И мы тамъ тоже...

Вершининъ. Одно время я жилъ на Нѣмецкой улицѣ. Съ Нѣмецкой улицы я хаживалъ въ Красныя казармы. Тамъ по пути угрюмый мостъ, подъ мостомъ вода шумить. Одиному становится грустно на душѣ *(пауза)*. А здѣсь какая широкая, какая богатая рѣка! Чудесная рѣка!

Ольга. Да, но только холодно. Здѣсь холодно и комары...

Вершининъ. Что вы! Здѣсь такой здоровый, хорошій, славянскій климатъ. Лѣсъ, рѣка... и здѣсь тоже березы. Милыя, скромныя березы, я люблю ихъ больше всѣхъ деревьевъ. Хорошо здѣсь жить. Только странно, вокзалъ желѣзной дороги въ двадцати верстахъ... И никто не знаетъ, почему это такъ.

Соленый. А я знаю, почему это такъ *(всѣ глядятъ на него)*. Потому что, если бы вокзалъ былъ близко, то не былъ бы далеко, а если онъ далеко, то, значить, не близко.

(Неловкое молчаніе).

Гузенбахъ. Шутникъ, Василій Васильичъ.

Ольга. Теперь и я вспомнила васъ. Помню.

Вершининъ. Я вашу матушку зналъ.

Чебутыкинъ. Хорошая была, царство ей небесное.

Ирина. Мама въ Москвѣ погребена.

Ольга. Въ Ново-Дѣвичьемъ...

Маша. Представьте, я уже начинаю забывать ея лицо. Такъ и о насъ не будутъ помнить. Забудутъ.

Вершининъ. Да. Забудутъ. Такова ужъ судьба наша, ничего не подѣлаешь. То, что кажется намъ серьезнымъ, значительнымъ, очень важнымъ,—придетъ время,—будетъ забыто, или будетъ казаться неважнымъ (*пауза*). И интересно, мы теперь совсѣмъ не можемъ знать, чтѣ собственно будетъ считаться высокимъ, важнымъ, и что жалкимъ, смѣшнымъ. Развѣ открытіе Коперника, или, положимъ, Колумба не казалось въ первое время не нужнымъ, смѣшнымъ, а какой-нибудь пустой вздоръ, написанный чудачкомъ, не казался истиной? И можетъ статься, что наша теперяшняя жизнь, съ которой мы такъ миримся, будетъ со временемъ казаться странной, неудобной, неумной, недостаточно чистой, быть-можетъ, даже грѣшной...

Тузенбахъ. Кто знаетъ? А, быть-можетъ, нашу жизнь назовутъ высокой и вспомнятъ о ней съ уваженіемъ. Теперь нѣтъ пытокъ, нѣтъ казней, нашествій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько страданій!

Соленый (*тонкимъ голосомъ*). Ципъ, ципъ, ципъ... Барона кашей не корми, а только дай ему пофилософствовать.

Тузенбахъ. Василій Васильичъ, прошу васъ оставить меня въ покоѣ... (*садится на другое мѣсто*). Это скучно, наконецъ.

Соленый (*тонкимъ голосомъ*). Ципъ, ципъ, ципъ...

Тузенбахъ (*Вершинину*). Страданія, которыя наблюдаются теперь,—ихъ такъ много!—говорятъ все-таки объ извѣстномъ нравственномъ подъемѣ, котораго уже достигло общество...

Вершининъ. Да, да, конечно.

Чебутыкинъ. Вы только-что сказали, баронъ, нашу жизнь назовутъ высокой; но люди все же низенькіе... (*встаетъ*). Смотрите, какой я низенькій. Это для моего утѣшенія надо говорить, что жизнь моя высокая, понятная вещь.

(*За сценой игра на скрипкѣ*).

Маша. Это Андрей играетъ, нашъ братъ.

Ирина. Онъ у насъ ученый. Должно-быть, будетъ про-

фессоромъ. Папа былъ военнымъ, а его сынъ избралъ себѣ ученую карьеру.

Маша. По желанію палы.

Ольга. Мы сегодня его задразнили. Онъ, кажется, влюбленъ немножко.

Ирина. Въ одну здѣшнюю барышню. Сегодня она будетъ у насъ, по всей вѣроятности.

Маша. Ахъ, какъ она одѣвается! Не то, чтобы некрасиво, не модно, а просто жалко. Какая-то странная, яркая, желтоватая юбка съ этакой пошленькой бахромой и красная кофточка. И щeki такія вымытыя, вымытыя! Андрей не влюбленъ — я не допускаю, все-таки у него вкусъ есть, а просто онъ такъ, дразнить насъ, дурачится. Я вчера слышала, она выходитъ за Протопопова, предсѣдателя здѣшней управы. И прекрасно... *(въ боковую дверь)*. Андрей, поди сюда! Милый, на минутку!

(Входитъ Андрей).

Ольга. Это мой братъ, Андрей Сергѣичъ.

Вершининъ. Вершининъ.

Андрей. Прозоровъ *(утираетъ вспотѣвшее лицо)*. Вы къ намъ батарейнымъ командиромъ?

Ольга. Можешь представить, Александръ Игнатьичъ изъ Москвы.

Андрей. Да? Ну, поздравляю, теперь мои сестрицы не дадутъ вамъ покою.

Вершининъ. Я уже успѣлъ надѣсть вашимъ сестрамъ.

Ирина. Посмотрите, какую рамочку для портрета подарилъ мнѣ сегодня Андрей! *(показываетъ рамочку)*. Это онъ самъ сдѣлалъ.

Вершининъ *(глядя на рамочку и не зная, что сказать)*. Да... вещь...

Ирина. И вотъ ту рамочку, что надъ піанино, онъ тоже сдѣлалъ.

Андрей *(машетъ рукой и отходитъ)*.

Ольга. Онъ у насъ и ученый, и на скрипкѣ играетъ, и выпиливаетъ разныя штучки, однимъ словомъ, мастеръ на всѣ руки. Андрей, не уходи! У него манера — всегда уходить. Поди сюда!

(Маша и Ирина берутъ его подъ руки и со смѣхомъ ведутъ назадъ).

Маша. Иди, иди!

Андрей. Оставьте, пожалуйста.

Маша. Какой смѣшной! Александра Игнатьевича называли когда-то влюбленнымъ маіоромъ, и онъ нисколько не сердился.

Вершининъ. Нисколько!

Маша. А я хочу тебя назвать: влюбленный скрипачъ!

Ирина. Или влюбленный профессоръ!..

Ольга. Онъ влюбленъі Андрюша влюбленъі!

Ирина (*аплодируя*). Bravo, bravo! Бисъ! Андрюшка влюбленъі!

Чебутыкинъ (*подходитъ сзади къ Андрею и беретъ его обѣими руками за талію*). Для любви одной природа насъ на свѣтъ произвела! (*хохочетъ; онъ все время съ газетой*).

Андрей. Ну, довольно, довольно... (*утираетъ лицо*). Я всю ночь не спалъ и теперь немножко не въ себѣ, какъ говорится. До четырехъ часовъ читалъ, потомъ легъ, но ничего не вышло. Думалъ о томъ, о семъ, а тутъ ранній разсвѣтъ, солнце такъ и лѣзетъ въ спальню. Хочу за лѣто, пока буду здѣсь, перевести одну книжку съ англійскаго.

Вершининъ. А вы читаете по-англійски?

Андрей. Да. Отецъ, царство ему небесное, угнеталъ насъ воспитаніемъ. Это смѣшно и глупо, но въ этомъ все-таки надо сознаться, послѣ его смерти я сталъ полнѣть и вотъ располнѣлъ въ одинъ годъ, точно мое тѣло освободилось отъ гнета. Благодаря отцу, я и сестры знаемъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки, а Ирина знаетъ еще по-итальянски. Но чего это стоило!

Маша. Въ этомъ городѣ знать три языка ненужная роскошь. Даже и не роскошь, а какой-то ненужный придатокъ, въ родѣ шестого пальца. Мы знаемъ много лишняго!

Вершининъ. Вотъ-те на! (*смѣется*). Знаете много лишняго! Миѣ кажется, нѣтъ и не можетъ быть такого скучнаго и унылаго города, въ которомъ былъ бы не нуженъ умный, образованный человѣкъ. Допустимъ, что среди ста тысячъ населенія этого города, конечно отсталого и грубаго, такихъ, какъ вы, только три. Само собою разумѣется, вамъ не побѣдить окружающей васъ темной массы; въ теченіе вашей жизни, мало-по-малу, вы должны будете уступить и затеряться въ стотысячной толпѣ, васъ заглушитъ жизнь, но все же вы не исчезнете, не останетесь безъ вліянія; такихъ, какъ вы, послѣ васъ явится уже, быть-

можетъ, шесть, потомъ двѣнадцать и такъ далѣе, пока наконецъ, такія, какъ вы, не станутъ большинствомъ. Черезъ двѣсти, триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасной, изумительной. Человѣку нужна такая жизнь, и если ея нѣтъ пока, то онъ долженъ предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться къ ней, онъ долженъ для этого видѣть и знать больше, чѣмъ видѣли и знали его дѣдъ и отецъ (*смѣется*). А вы жалуетесь, что знаете много лишняго.

Маша (*снимаетъ шляпу*). Я остаюсь завтракать.

Ирина (*со вздохомъ*). Право, все это слѣдовало бы записать...

(*Андрея нѣтъ, онъ незамѣтно ушелъ*).

Тузенбахъ. Черезъ много лѣтъ, вы говорите, жизнь на землѣ будетъ прекрасной, изумительной. Это правда. Но, чтобы участвовать въ ней теперь, хотя издали, нужно приготавливаться къ ней, нужно работать...

Вершининъ (*встаетъ*). Да. Сколько, однако, у васъ цвѣтовъ! (*оглядываясь*). И квартира чудесная. Завидую! А я всю жизнь мою болтался по квартиркамъ съ двумя стульями, съ однимъ диваномъ, и съ печами, которыя всегда дымятъ. У меня въ жизни не хватало именно вотъ такихъ цвѣтовъ... (*потираетъ руки*). Эхъ! Ну, да что!

Тузенбахъ. Да, нужно работать. Вы, небось, думаете: расчувствовался нѣмецъ. Но я, честное слово, русскій и по-нѣмецки даже не говорю. Отецъ у меня православный... (*пауза*).

Вершининъ (*ходитъ по сценѣ*). Я часто думаю; что, если бы начать жизнь снова, притомъ сознательно? Если бы одна жизнь, которая уже прожита, была, какъ говорится, начерно, другая—начисто! Тогда каждый изъ насъ, я думаю, постарался бы прежде всего не повторять самого себя, по крайней мѣрѣ создалъ бы для себя иную обстановку жизни, устроилъ бы себѣ такую квартиру съ цвѣтами, съ массою свѣта... У меня жена, двое дѣвочекъ, притомъ жена дама нездоровая и такъ далѣе, и такъ далѣе, ну, а если бы начинать жизнь сначала, то я не женился бы... Нѣтъ, нѣтъ!

(*Входитъ Кулыгинъ въ форменномъ фракѣ*).

Кулыгинъ (*подходитъ къ Ирине*). Дорогая сестра, позволь мнѣ поздравить тебя съ днемъ твоего ангела и пожелать

искренно, отъ души, здоровья и всего того, что можно пожелать дѣвушкамъ твоимъ лѣтъ. И потомъ поднести тебѣ въ подарокъ вотъ эту книжку (*подаетъ книжку*). Исторія нашей гимназіи за пятьдесятъ лѣтъ, написанная мною. Пустышная книжка, написана отъ нечего дѣлать, но ты все-таки прочти. Здравствуйте, господа! (*Вершинину*). Кулыгинъ, учитель здѣшней гимназіи. Надворный совѣтникъ (*Ирина*). Въ этой книжкѣ ты найдешь списокъ всѣхъ, кончившихъ курсъ въ нашей гимназіи за эти пятьдесятъ лѣтъ. *Feci, quod potui, faciant meliora potentes* (*цѣлуетъ Машу*).

Ирина. Но вѣдь на Пасху ты уже подарилъ мнѣ такую книжку.

Кулыгинъ (*смѣется*). Не можетъ быть! Въ такомъ случаѣ отдай назадъ, или вотъ лучше отдай полковнику. Возьмите, полковникъ. Когда-нибудь прочтете отъ скуки.

Вершининъ. Благодарю васъ (*собирается уйти*). Я чрезвычайно радъ, что познакомился...

Ольга. Вы уходите? Нѣтъ, нѣтъ!

Ирина. Вы останетесь у насъ завтракать. Пожалуйста.

Ольга. Прошу васъ!

Вершининъ (*кланяется*). Я, кажется, попалъ на именины. Простите, я не зналъ, не поздравилъ васъ... (*уходитъ съ Ольгой въ залу*).

Кулыгинъ. Сегодня, господа, воскресный день, день отдыха, будемъ же отдыхать, будемъ веселиться каждый сообразно съ своимъ возрастомъ и положеніемъ. Ковры надо будетъ убрать на лѣто и спрятать до зимы... Персидскимъ порошкомъ, или нафталиномъ... Римляне были здоровы, потому что умѣли трудиться, умѣли и отдыхать, у нихъ была *mens sana in corpore sano*. Жизнь ихъ текла по извѣстнымъ формамъ. Нашъ директоръ говоритъ: главное во всякой жизни—это ея форма... Что теряетъ свою форму, то кончается—и въ нашей обыденной жизни то же самое (*беретъ Машу за талию, смѣясь*). Маша меня любитъ. Моя жена меня любитъ. И оконныя занавѣски тоже туда съ коврами... Сегодня я веселъ, въ отличномъ настроеніи духа. Маша, въ четыре часа сегодня мы у директора. Устраивается прогулка педагоговъ и ихъ семействъ.

Маша. Не пойду я.

Кулыгинъ (*огорченный*). Милая Маша, почему?

Маша. Послѣ объ этомъ... (*сердито*). Хорошо, я пойду, только отстань, пожалуйста... (*отходитъ*).

Кулыгинъ. А затѣмъ вечеръ, проведемъ у директора. Несмотря на свое болѣзненное состояніе, этотъ человѣкъ старается прежде всего быть общественнымъ. Превосходная, свѣтлая личность. Великолѣпный человѣкъ. Вчера, послѣ совѣта, онъ мнѣ говорить: «Усталъ, Ѳедоръ Ильичъ! Усталъ!» (*смотритъ на стѣнные часы, потомъ на свои*). Ваши часы спѣшать на семь минутъ. Да, говорить, усталъ!
(*За сценой игра на скрипкѣ*).

Ольга. Господа, милости просимъ, пожалуйста завтракать! Пирогъ!

Кулыгинъ. Ахъ, милая моя Ольга, милая моя! Я вчера работалъ съ утра до одиннадцати часовъ вечера, усталъ и сегодня чувствую себя счастливымъ (*уходитъ въ залу къ столу*). Милая моя...

Чебутыкинъ (*кладетъ газету въ карманъ, причесываетъ бороду*). Пирогъ? Великолѣпно!

Маша (*Чебутыкину строго*). Только смотрите: ничего не пить сегодня. Слышите? Вамъ вредно пить.

Чебутыкинъ. Эва! У меня ужъ прошло. Два года, какъ запоя не было (*нетерпливо*). Э, матушка, да не все ли равно!

Маша. Все-таки не смѣйте пить. Не смѣйте (*сердито, но такъ, чтобы не слышалъ мужъ*). Опять, чортъ подери, скучать цѣлый вечеръ у директора!

Тузенбахъ. Я бы не пошелъ на вашемъ мѣстѣ... Очень просто.

Чебутыкинъ. Не ходите, дуся моя.

Маша. Да, не ходите... Эта жизнь проклятая, невыносимая... (*идетъ въ залу*).

Чебутыкинъ (*идетъ къ ней*). Ну-у!

Соленый (*проходя въ залу*). Ципъ, ципъ, ципъ...

Тузенбахъ. Довольно, Василій Васильичъ. Будетъ.

Соленый. Ципъ, ципъ, ципъ...

Кулыгинъ (*весело*). Ваше здоровье, полковникъ! Я педагогъ, и здѣсь въ домѣ свой человѣкъ, Машинъ мужъ... Она добрая, очень добрая...

Вершининъ. Я выпью вотъ этой темной водки... (*пьетъ*). Ваше здоровье! (*Омъ*). Мнѣ у васъ такъ хорошо!..

(*Въ гостиной остаются только Ирина и Тузенбахъ*).

Ирина. Маша сегодня не въ духѣ. Она вышла замужъ восемнадцати лѣтъ, когда онъ казался ей самымъ умнымъ человѣкомъ. А геперь не то. Онъ самый добрый, но не самый умный.

Ольга (*нетерпѣливо*). Андрей, иди же, наконецъ!

Андрей (*за сценой*). Сейчасъ (*входитъ и идетъ къ столу*).

Тузенбахъ. О чемъ вы думаете?

Ирина. Такъ. Я не люблю и боюсь этого вашего Соле-наго. Онъ говоритъ однѣ глупости...

Тузенбахъ. Странный онъ человѣкъ. Мнѣ и жаль его, и досадно, но больше жаль. Мнѣ кажется, онъ застѣчивъ... Когда мы вдвоемъ съ нимъ, то онъ бываетъ очень уменъ и ласковъ, а въ обществѣ онъ грубый человѣкъ, бреттеръ. Не ходите, пусть пока сядутъ за столъ. Дайте мнѣ побыть около васъ. О чемъ вы думаете? (*пауза*). Вамъ двадцать лѣтъ, мнѣ еще нѣтъ тридцати. Сколько лѣтъ намъ осталось впереди, длинный, длинный рядъ дней, полныхъ моею любовью къ вамъ...

Ирина. Николай Львовичъ, не говорите мнѣ о любви.

Тузенбахъ (*не слушая*). У меня страстная жажда жизни, борьбы, труда, и эта жажда въ душѣ слилась съ любовью къ вамъ, Ирина, и, какъ нарочно, вы прекрасны, и жизнь мнѣ кажется такой прекрасной! О чемъ вы думаете?

Ирина. Вы говорите: прекрасна жизнь. Да, но если она только кажется такой! У насъ, трехъ сестеръ, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала насъ, какъ сорная трава... Текуть у меня слезы. Это не нужно... (*быстро вытираетъ лицо, улыбается*). Работать нужно, работать. Оттого намъ невесело и смотримъ мы на жизнь такъ мрачно, что не знаемъ труда. Мы родились отъ людей, презиравшихъ трудъ...

(*Наташя Ивановна входитъ; она въ розовомъ платьѣ, съ зеленымъ поясомъ*).

Наташа. Тамъ уже завтракать садятся... Я опоздала... (*мелькомъ глядится въ зеркало, поправляется*). Кажется, причесана ничего себѣ... (*увидѣвъ Ирину*). Милая Ирина Сергѣевна, поздравляю васъ! (*цѣлуетъ крѣпко и продолжительно*). У васъ много гостей, мнѣ, право, совѣстно... Здравствуйте, бароны!

Ольга (*входя въ гостиную*). Ну, вотъ и Наташя Ивановна. Здравствуйте, моя милая! (*цѣлуются*).

Наташа. Съ именинницей У васъ такое большое общество, я смущена ужасно...

Ольга. Полно, у насъ все свои *(вполголоса испуганно)*. На васъ зеленый поясъ! Милая, это не хорошо!

Наташа. Развѣ есть примѣта?

Ольга. Нѣтъ, просто не идетъ... и какъ-то странно...

Наташа *(плачущимъ голосомъ)*. Да? Но вѣдь это не зеленый, а скорѣе матовый *(идетъ за Ольгой въ залу)*.

(Въ залъ садятся завтракать; въ гостиной ни души).

Кулыгинъ. Желаю тебѣ, Ирина, жениха хорошаго. Пора тебѣ ужъ выходить

Чебутыкинъ. Наталья Ивановна, и вамъ женишка желаю.

Кулыгинъ. У Натальи Ивановны уже есть женишокъ.

Маша *(стучитъ вилкой по тарелкѣ)*. Выпью рюмочку винца! Эхъ-ма, жизнь малиновая, гдѣ наша не пропадала!

Кулыгинъ. Ты ведешь себя на три съ минусомъ.

Вершининъ. А наливка вкусная. На чемъ это настоено?

Соленый. На тараканахъ.

Ирина *(плачущимъ голосомъ)*. Фу! Фу! Какое отвращеніе!..

Ольга. За ужиномъ будетъ жареная индѣйка и сладкій пирогъ съ яблоками. Слава Богу, сегодня цѣлый день я дома, вечеромъ—дома... Господа, вечеромъ приходите.

Вершининъ. Позвольте и мнѣ придти вечеромъ!

Ирина. Пожалуйста.

Наташа. У нихъ попросту.

Чебутыкинъ. Для любви одной природа насъ на свѣтъ произвела *(смѣется)*.

Андрей *(сердито)*. Перестаньте, господа! Не надоѣло вамъ.

(Федотикъ и Родэ входятъ съ большой корзиной цвѣтовъ).

Федотикъ. Однако, уже завтракаютъ.

Родэ *(громко и картавя)*. Завтракаютъ? Да, уже завтракаютъ...

Федотикъ. Погоди минутку! *(снимаетъ фотографію)*. Разъ! Погоди еще немного... *(снимаетъ другую фотографію)*. Два! Теперь готово! *(берутъ корзину и идутъ въ залу, идъ ихъ встрѣчаютъ съ шумомъ)*.

Родэ *(громко)*. Поздравляю, желаю всего, всего! Погода сегодня очаровательная, одно великолѣпіе. Сегодня все утро гулялъ съ гимназистами. Я преподаю въ гимназіи гимнастику.

Федотикъ. Можете двигаться, Ирина Сергѣевна, можете! *(снимая фотографію).* Вы сегодня интересны *(вынимаетъ изъ кармана волчокъ).* Вотъ, между прочимъ, волчокъ... Удивительный звукъ...

Ирина. Какая прелесть!

Маша. У лукоморья дубъ зеленый, золотая цѣпь на дубѣ томъ... Золотая цѣпь на дубѣ томъ... *(плакливо).* Ну, зачѣмъ я это говорю? Привязалась ко мнѣ эта фраза съ самаго утра...

Кулыгинъ. Тринадцать за столомъ!

Родэ *(громко).* Господа, неужели вы придаете значеніе предразсудкамъ? *(смѣхъ).*

Кулыгинъ. Если тринадцать за столомъ, то, значитъ, есть тутъ влюбленные. Ужъ не вы ли, Иванъ Романовичъ, чего добраго... *(смѣхъ).*

Чебутыкинъ. Я старый грѣшникъ, а вотъ отчего Наталья Ивановна сконфузилась, рѣшительно понять не могу. *(Громкій смѣхъ; Наташа выбѣгаетъ изъ залы въ гостиную, за ней Андрей).*

Андрей. Полно, не обращайтесь вниманія! Погодите... стойте, прошу васъ...

Наташа. Мнѣ стыдно... Я не знаю, что со мной дѣлается, а они поднимаютъ меня на смѣхъ. То, что я сейчасъ вышла изъ-за стола, неприлично, но я не могу... не могу... *(закрываетъ лицо руками).*

Андрей. Дорогая моя, прошу васъ, умоляю, не волнуйтесь. Увѣряю васъ, они шутятъ, они отъ добраго сердца. Дорогая моя, моя хорошая, они все добрые, сердечные люди, и любятъ меня и васъ. Идите сюда къ окну, насъ здѣсь не видно имъ... *(охлаждается).*

Наташа. Я такъ не привыкла бывать въ обществѣ!..

Андрей. О, молодость, чудная, прекрасная молодость! Моя дорогая, моя хорошая, не волнуйтесь такъ!.. Вѣрьте мнѣ, вѣрьте... Мнѣ такъ хорошо, душа полна любви, восторга... О, насъ не видятъ! Не видятъ! За что, за что я полюбилъ васъ, когда полюбилъ—о, ничего не понимаю. Дорогая моя, хорошая, чистая, будьте моей женой! Я васъ люблю, люблю... какъ никого никогда... *(Поцѣлуй).*

(Два офицера входятъ, и увидявъ цѣлующуюся пару, останавливаются въ изумленіи).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Декорація перваго акта.

Восемь часовъ вечера. За сценой на улицѣ едва слышно играютъ на гармоникѣ. Нѣтъ огня. Входитъ Наталья Ивановна въ капотѣ, со свѣчой; она идетъ и останавливается у двери, которая ведетъ въ комнату Андрея.

Наташа. Ты, Андрюша, что дѣлаешь? Читаешь? Ничего, я такъ только... (*идетъ, открываетъ другую дверь и, взглянувъ въ нее, затворяетъ*). Огня нѣтъ ли...

Андрей (*входитъ съ книгой въ рукѣ*). Ты что, Наташа?

Наташа. Смотрю, огня нѣтъ ли... Теперь масляница, прислуга сама не своя, гляди да и гляди, чтобъ чего не вышло. Вчера въ полночь прохожу черезъ столовую, а тамъ свѣча горитъ. Кто зажегъ, такъ и не добилась толку (*ставитъ свѣчу*). Который часъ?

Андрей (*взглянувъ на часы*). Девятаго четверть.

Наташа. А Ольги и Ирины до сихъ поръ еще нѣтъ. Не пришли. Все трудятся бѣдняжки. Ольга на педагогическомъ совѣтѣ, Ирина на телеграфѣ... (*вздыхаетъ*). Сегодня утромъ говорю твоей сестрѣ: «Побереги, говорю, себя, Ирина, голубчикъ». И не слушаетъ. Четверть девятаго, говоришь? Я боюсь, Бобикъ нашъ совсѣмъ нездоровъ. Отчего онъ холодный такой? Вчера у него былъ жаръ, а сегодня холодный весь... Я такъ боюсь!

Андрей. Ничего, Наташа. Мальчикъ здоровъ.

Наташа. Но все-таки лучше пускай дѣта. Я боюсь. И сегодня въ десятомъ часу, говорили, ряженные у насъ будутъ, лучше бы они не приходили, Андрюша.

Андрей. Право, я не знаю. Ихъ вѣдь звали.

Наташа. Сегодня мальчишечка проснулся утромъ и глядитъ на меня, и вдругъ улыбнулся; значить, узналъ. «Бобикъ, говорю, здравствуй! Здравствуй, милый!» А онъ смѣется. Дѣти понимаютъ, отлично понимаютъ. Такъ, значить, Андрюша, я скажу, чтобы ряженныхъ не принимали.

Андрей (*нерешительно*). Да вѣдь это какъ сестры. Онѣ тутъ хозяйки.

Наташа. И онѣ тоже, я имъ скажу. Онѣ добрыя... (*идетъ*). Къ ужину я велѣла простоквани. Докторъ говоритъ, тебѣ нужно одну простоквану вѣсть, иначе не похудѣешь (*оста-*

наваливается). Бобикъ холодный. Я боюсь, ему холодно въ его комнатѣ, пожалуй. Надо бы хоть до теплой погоды помѣстить его въ другой комнатѣ. Папримѣръ, у Ирины комната, какъ разъ для ребенка: и сухо, и цѣлый день солнце. Надо ей сказать, она пока можетъ съ Ольгой въ одной комнатѣ... Все равно днемъ дома не бываетъ, только почуеть... *(пауза)*. Андрюшанчикъ, отчего ты молчишь?

Андрей. Такъ, задумался... Да и нечего говорить...

Наташа. Да... Что-то я хотѣла тебѣ сказать... Ахъ, да. Тамъ изъ управы Фералонтъ пришелъ, тебя спрашиваетъ.

Андрей *(звываетъ)*. Позови его.

(Наташа уходитъ; Андрей, нагнувшись къ забытой ею свѣчѣ, читаетъ книгу. Входитъ Фералонтъ; онъ въ старомъ трепанномъ пальто, съ поднятымъ воротникомъ, уши повязаны).

Андрей. Здравствуй, душа моя. Что скажешь?

Фералонтъ. Предсѣдатель прислалъ книжку и бумагу какую-то. Вотъ... *(подаетъ книгу и пакетъ)*.

Андрей. Спасибо. Хорошо. Отчего же ты пришелъ такъ не рано? Вѣдь девятый часъ уже.

Фералонтъ. Чего?

Андрей *(громче)*. Я говорю, поздно пришелъ, уже девятый часъ.

Фералонтъ. Такъ точно. Я пришелъ къ вамъ, еще свѣтло было, да не пускали все. Баринъ, говорятъ, занятъ. Ну, что-жъ. Занятъ, такъ занятъ, слѣшнить мнѣ некуда *(думая, что Андрей спрашиваетъ его о чемъ-то)*. Чего?

Андрей. Ничего *(разсматривая книгу)*. Завтра пятница, у насъ нѣтъ присутствія, но я все равно приду... займусь. Дома скучно... *(пауза)*. Милый дѣдъ, какъ странно мѣняется, какъ обманываетъ жизнь! Сегодня отъ скуки, отъ нечего дѣлать, я взялъ въ руки вотъ эту книгу—старыя университетскія лекціи, и мнѣ стало смѣшно... Боже мой, я секретарь земской управы, той управы, гдѣ предсѣдательствуетъ Протопоповъ, я секретарь, и самое большое, на что я могу надѣяться, это—быть членомъ земской управы! Мнѣ быть членомъ здѣшней земской управы, мнѣ, которому снится каждую ночь, что я профессоръ московскаго университета, знаменитый ученый, которымъ гордится русская земля!

Фералонтъ. Не могу знать... Слышу-то плохо.

Андрей. Если бы ты слышала какъ слѣдуетъ, то я, быть-можетъ, и не говорилъ бы съ тобой. Мнѣ нужно говорить съ кѣмъ-нибудь, а жена меня не понимаетъ, сестеръ я боюсь почему-то, боюсь, что онѣ засмѣютъ меня, застыдятъ... Я не пью, трактировъ не люблю, но съ какимъ удовольствіемъ я посидѣлъ бы теперь въ Москвѣ у Тѣстова, или въ Большомъ Московскомъ, голубчикъ мой.

Ферапонтъ. А въ Москвѣ, въ управѣ давеча рассказывалъ подрядчикъ, какіе-то купцы ѣли блины; одинъ, который съѣлъ сорокъ блиновъ, будто померъ. Не то сорокъ, не то пятьдесятъ. Не упомяну.

Андрей. Сидишь въ Москвѣ, въ громадной залѣ ресторана, никого не знаешь и тебя никто не знаетъ, и въ то же время не чувствуешь себя чужимъ. А здѣсь ты всѣхъ знаешь и тебя всѣ знаютъ, но чужой, чужой... Чужой и одинокій.

Ферапонтъ. Чего? *(пауза)*. И тотъ же подрядчикъ сказывалъ—можетъ, и вретъ, будто поперекъ всей Москвы канать протянутъ.

Андрей. Для чего?

Ферапонтъ. Не могу знать. Подрядчикъ говорилъ.

Андрей. Чепуха *(читаетъ книгу)*. Ты былъ когда-нибудь въ Москвѣ?

Ферапонтъ *(посль паузы)*. Не былъ. Не привелъ Богъ *(пауза)*. Мнѣ идти?

Андрей. Можешь идти. Будь здоровъ *(Ферапонтъ уходитъ)*. Будь здоровъ *(читает)*. Завтра утромъ придешь, возьмешь тутъ бумаги... Ступай... *(пауза)*. Онъ ушелъ *(звонокъ)*. Да, дѣла... *(потягивается и не спышиа уходитъ къ себѣ)*.

(За сценой поетъ пляска, качивая ребенка. Входятъ Маша и Вершининъ. Пока они потомъ бесѣдуютъ, горничная зажигаетъ лампу и свѣчи).

Маша. Не знаю *(пауза)*. Не знаю. Конечно, много значить привычка. Послѣ смерти отца, наприимѣръ, мы долго не могли привыкнуть къ тому, что у насъ уже нѣтъ денщиковъ. Но и помимо привычки, мнѣ кажется, говорятъ во мнѣ просто справедливость. Можетъ-быть, въ другихъ мѣстахъ и не такъ, но въ нашемъ городѣ самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди—это военные.

Вершининъ. Мнѣ пить хочется. Я бы выпилъ чаю.

Маша (*взглянувъ на часы*). Скоро дадутъ. Меня выдали замужъ, когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, и я своего мужа боялась, потому что онъ былъ учителемъ, а я тогда едва кончила курсъ. Онъ казался мнѣ тогда ужасно ученымъ, умнымъ и важнымъ. А теперь ужъ не то, къ сожалѣнію.

Вершининъ. Такъ... да.

Маша. Про мужа я не говорю, къ нему я привыкла, но между штатскими вообще такъ много людей грубыхъ, не любезныхъ, не воспитанныхъ. Меня волнуетъ, оскорбляетъ грубость, я страдаю, когда вижу, что человекъ недостаточно тонокъ, недостаточно мягокъ, любезенъ. Когда мнѣ случается быть среди учителей, товарищей мужа, то я просто страдаю.

Вершининъ. Да-съ... Но мнѣ кажется, все равно, что штатскій, что военный, одинаково интересно, по крайней мѣрѣ, въ этомъ городѣ! Все равно! Если послушать здѣшняго интеллигента, штатскаго или военнаго, то съ женой онъ замучился, съ домомъ замучился, съ имѣніемъ замучился, съ лошадьми замучился... Русскому человеку въ высшей степени свойствененъ возвышенный образъ мыслей, но скажите, почему въ жизни онъ хватается такъ высоко? Почему?

Маша. Почему?

Вершининъ. Почему онъ съ дѣтьми замучился, съ женой замучился? А почему жена и дѣти съ нимъ замучились?

Маша. Вы сегодня немножко не въ духѣ.

Вершининъ. Можетъ быть. Я сегодня не обѣдалъ, ничего не ѣлъ съ утра. У меня дочь больна немножко, а когда болѣютъ мои дѣвочки, то мною овладѣваетъ тревога, меня мучаетъ совѣсть за то, что у нихъ такая мать. О, если бы вы видѣли ее сегодня! Что за ничтожество. Мы начали браниться съ семи часовъ утра, а въ девять я хлопнулъ дверью и ушелъ (*пауза*). Я никогда не говорю объ этомъ, и странно, жалуюсь только вамъ одной (*цѣлуетъ руку*). Не сердитесь на меня. Кромѣ васъ одной, у меня нѣтъ никого, никого... (*пауза*).

Маша. Какой шумъ въ печкѣ. У насъ не задолго до смерти отца гудѣло въ трубѣ. Вотъ точно такъ.

Вершининъ. Вы съ предразсудками?

Маша. Да.

Вершининъ. Странно это (*цѣлуетъ руку*). Вы великолѣпная, чудная женщина. Великолѣпная, чудная! Здѣсь темно, но я вижу блескъ вашихъ глазъ.

Маша (*садится на другой стулъ*). Здѣсь свѣтлѣй...

Вершининъ. Я люблю, люблю, люблю... Люблю ваши глаза, ваши движенія, которыя мнѣ снятся... Великолѣпная, чудная женщина!

Маша (*тихо смѣясь*). Когда вы говорите со мной такъ, то я почему-то смѣюсь, хотя мнѣ страшно. Не повторяйте, прошу васъ... (*вполголоса*). А, впрочемъ, говорите, мнѣ все равно... (*закрываетъ лицо руками*). Мнѣ все равно. Сюда идутъ, говорите о чемъ-нибудь другомъ...

(*Ирина и Тузенбахъ входятъ черезъ залу*).

Тузенбахъ. У меня тройная фамилія. Меня зовутъ баронъ Тузенбахъ-Кроне-Альтнауеръ, но я русскій, православный, какъ вы. Нѣмецкаго у меня осталось мало, развѣ только терпѣливость, упрямство, съ какимъ я надѣждаю вамъ. Я провожаю васъ каждый вечеръ.

Ирина. Какъ я устала!

Тузенбахъ. И каждый день буду приходить на телеграфъ и провожать васъ домой, буду десять, двадцать лѣтъ, пока вы не прогоните (*увидѣвъ Машу и Вершинина, радостно*). Это вы? Здравствуйте.

Ирина. Вотъ я и дома, наконецъ (*Маша*). Сейчасъ приходитъ одна дама, телеграфируетъ своему брату въ Саратовъ, что у ней сегодня сынъ умеръ, и никакъ не можетъ вспомнить адреса. Такъ и послала безъ адреса, просто въ Саратовъ. Плачетъ. И я ей нагубила ни съ того, ни съ сего. «Мнѣ, говорю, некогда». Такъ глупо вышло. Сегодня у насъ ряженые?

Маша. Да.

Ирина (*садится въ кресло*). Отдохнуть. Устала.

Тузенбахъ (*съ улыбкой*). Когда вы приходите съ должности, то кажетесь такой молоденькой, несчастенькой... (*пауза*).

Ирина. Устала. Нѣтъ, не люблю я телеграфа, не люблю.

Маша. Ты похудѣла... (*насмѣиваясь*). И помолодѣла, и на мальчишку стала похожа лицомъ.

Тузенбахъ. Это отъ прически.

Ирина. Надо поискать другую должность, а эта не по мнѣ.

Чего я так хотѣла, о чемъ мечтала, того-то именно въ ней и нѣтъ. Трудъ безъ поэзіи, безъ мыслей... (*стукъ въ полъ*). Докторъ стучить (*Тузенбаху*). Милый, постучите. Я не могу... устала...

Тузенбахъ (*стучитъ въ полъ*).

Ирина. Сейчасъ придетъ. Надо бы принять какія-нибудь мѣры. Вчера докторъ и нашъ Андрей были въ клубѣ и опять проигрались. Говорятъ, Андрей двѣсти рублей проигралъ.

Маша (*равнодушно*). Что-жъ теперь дѣлать?

Ирина. Двѣ недѣли назадъ проигралъ, въ декабрѣ проигралъ. Скорѣе бы все проигралъ, быть-можетъ, уѣхали бы изъ этого города. Господи Боже мой, мнѣ Москва снится каждую ночь, я совсѣмъ какъ помѣшанная (*смѣется*). Мы переѣзжаемъ туда въ іюнѣ, а до іюня осталось еще... февраль, мартъ, апрѣль, май... почти полгода!

Маша. Надо только, чтобы Наташа не узнала какъ-нибудь о проигрышѣ.

Ирина. Ей, я думаю, все равно.

(*Чебутыкинъ, только-что вставшій съ постели,—онъ отдыхалъ послѣ обѣда,—входитъ въ залу и причесываетъ бороду, потомъ садится тамъ за столъ и вынимаетъ изъ кармана газету*).

Маша. Вотъ пришелъ... Онъ заплатилъ за квартиру?

Ирина (*смѣется*). Нѣтъ. За восемь мѣсяцевъ ни копейки. Очевидно, забылъ.

Маша (*смѣется*). Какъ онъ важно сидитъ! (*всѣ смѣются; пауза*).

Ирина. Что вы молчите, Александръ Игнатьичъ?

Вершининъ. Не знаю. Чаю хочется. Полжизни за стаканъ чаю! Съ утра ничего не ѣлъ...

Чебутыкинъ. Ирина Сергѣевна!

Ирина. Что вамъ?

Чебутыкинъ. Пожалуйте сюда. Venez ici. (*Ирина идетъ и садится за столъ*). Я безъ васъ не могу (*Ирина раскладываетъ пасьянсъ*).

Вершининъ. Что-жъ? Если не даютъ чаю, то давайте хоть пофилософствуемъ.

Тузенбахъ. Давайте. О чемъ?

Вершининъ. О чемъ? Давайте помечтаемъ... напримѣръ, о той жизни, какая будетъ послѣ насъ, лѣтъ черезъ двѣсти-триста.

Тузенбахъ. Что-жь? Послѣ насъ будутъ летать на воздушныхъ шарахъ, измѣнятся пиджаки, откроютъ, быть-можетъ, шестое чувство и разовьютъ его, но жизнь останется все та же, жизнь трудная, полная тайнъ и счастливая. И черезъ тысячу лѣтъ человѣкъ будетъ такъ же вздыхать: «ахъ, тяжело жить!» — и вмѣстѣ съ тѣмъ точно такъ же, какъ теперь, онъ будетъ бояться и не хотѣть смерти.

Вершининъ (*подумавъ*). Какъ вамъ сказать? Мнѣ кажется, все на землѣ должно измѣниться мало-по-малу, и уже мѣняется на нашихъ глазахъ. Черезъ двѣсти, триста, наконецъ, тысячу лѣтъ, — дѣло не въ срокъ, — настанетъ новая счастливая жизнь. Участвовать въ этой жизни мы не будемъ, конечно, но мы для нея живемъ теперь, работаемъ, ну, страдаемъ, мы творимъ ее — и въ этомъ одномъ цѣль нашего бытія и, если хотите, наше счастье.

Маша (*тихо смѣется*).

Тузенбахъ. Что вы?

Маша. Не знаю. Сегодня весь день смѣюсь съ утра.

Вершининъ. Я кончилъ тамъ же, гдѣ и вы, въ академіи я не былъ; читаю я много, но выбирать книгъ не умѣю и читаю, быть-можетъ, совсѣмъ не то, что нужно, а между тѣмъ, чѣмъ больше живу, тѣмъ больше хочу знать. Мои волосы сѣдѣютъ, я почти старикъ уже, но знаю мало, ахъ какъ мало! Но все же, мнѣ кажется, самое главное и настоящее я знаю, крѣпко знаю. И какъ бы мнѣ хотѣлось доказать вамъ, что счастья нѣтъ, не должно быть и не будетъ для насъ... Мы должны только работать и работать, а счастье это удѣлъ нашихъ далекихъ потомковъ (*пауза*). Не я, то хоть потомки потомковъ моихъ.

(*Одетикъ и Родэ показываются въ залъ; они садятся и напиваются тихо, наигрывая на гитарѣ*).

Тузенбахъ. По-вашему, даже не мечтать о счастье! Но если я счастлив!

Вершининъ. Нѣтъ.

Тузенбахъ (*всплеснувъ руками и смѣясь*). Очевидно, мы не понимаемъ другъ друга. Ну, какъ мнѣ убѣдить васъ?

Маша (*тихо смѣется*).

Тузенбахъ (*показывая ей палецъ*). Смѣйтесь! (*Вершинину*). Не то что черезъ двѣсти или триста, но и черезъ миллионъ лѣтъ жизнь останется такою же, какъ и была; она не мѣняется, остается постоянною, слѣдуя своимъ собственнымъ

законамъ, до которыхъ намъ нѣтъ дѣла или, по крайней мѣрѣ, которыхъ вы никогда не узнаете. Перелетныя птицы, журавли, напрымѣрь, летять и летять, и какія бы мысли, высокія или малыя, ни бродили въ ихъ головахъ, все же будутъ летѣть и не знать, зачѣмъ и куда. Они летять и будутъ летѣть, какіе бы философы ни завелись среди нихъ; и пускай философствуютъ, какъ хотять, лишь бы летѣли...

Маша. Все-таки смыслъ?

Тузенбахъ. Смыслъ... Вотъ снѣгъ идетъ. Какой смыслъ? (*пауза*).

Маша. Мнѣ кажется, человѣкъ долженъ быть вѣрующимъ, или долженъ искать вѣры, иначе жизнь его пуста, пуста... Жить и не знать, для чего журавли летять, для чего дѣти рождаются, для чего звѣзды на небѣ... Или знать, для чего живешь, или же все пустяки, тринь-трава (*пауза*).

Вершининъ. Все-таки жалко, что молодость прошла...

Маша. У Гоголя сказано: скучно жить на этомъ свѣтѣ, господа!

Тузенбахъ. А я скажу: трудно съ вами спорить, господа! Ну васъ совсѣмъ...

Чебутыкинъ (*читая газету*). Бальзакъ вѣнчался въ Бердичевѣ.

Ирина (*напѣваетъ тихо*).

Чебутыкинъ. Даже запишу себѣ это въ книжку (*записываетъ*). Бальзакъ вѣнчался въ Бердичевѣ (*читаетъ газету*).

Ирина (*раскладываетъ пасьянсъ, задумчиво*). Бальзакъ вѣнчался въ Бердичевѣ.

Тузенбахъ. Жребій брошенъ. Вы знаете, Марія Сергѣевна, я подалъ въ отставку.

Маша. Слышала. И ничего я не вижу въ этомъ хорошаго. Не люблю я штатскихъ.

Тузенбахъ. Все равно (*встаетъ*)... Я не красивъ, какой я военный? Ну, да все равно, впрочемъ... Буду работать. Хоть одинъ день въ моей жизни поработать такъ, чтобы придти вечеромъ домой, въ утомленіи повалиться въ постель и уснуть тотчасъ же (*уходя въ залу*). Рабочіе, должно-быть, спять крѣпко!

Федотинъ (*Иринѣ*). Сейчасъ на Московской у Пыжикова купилъ для васъ цвѣтныхъ карандашей. И вотъ этотъ ножичекъ...

Ирина. Вы привыкли обращаться со мной, какъ съ маленькой, но вѣдь я уже выросла (*береть карандаши и ножичекъ, радостно*). Какая прелесть!

Федотикъ. А для себя я купилъ ножикъ... вотъ поглядите... ножъ, еще другой ножъ, третій, это въ ушахъ ковырять, это ножнички, это ногти чистить...

Родэ (*иромжо*). Докторъ, сколько вамъ лѣтъ?

Чебутыкинъ. Мнѣ? Тридцать два (*смѣхъ*).

Федотикъ. Я сейчасъ покажу вамъ другой пасьянсъ... (*Раскладываетъ пасьянсъ*).

(*Подаютъ самоваръ; Анюса около самовара; немного погодя приходитъ Наташа и тоже суетится около стола; приходитъ Соленый и, поздоровавшись, садится за столъ*).

Вершининъ. Однако, какой вѣтеръ!

Маша. Да. Надоѣла зима. Я уже и забыла, какое лѣто.

Ирина. Выидегъ пасьянсъ, я вижу. Будемъ въ Москвѣ.

Федотикъ. Нѣтъ, не выидеть. Видите, осьмерка легла на двойку пикъ (*смѣется*). Значить, вы не будете въ Москвѣ.

Чебутыкинъ (*читаетъ газету*). Цицикаръ. Здѣсь свирѣпствуетуеъ оспа.

Анюса (*подходя къ Машѣ*). Маша, чай кушать, матушка (*Вершинину*). Пожалуйте, ваше высокоблагородіе... простите, батюшка, забыла имя, отчество...

Маша. Принеси сюда, няня. Туда не пойду.

Ирина. Няня!

Анюса. Иду-у!

Наташа (*Соленому*). Грудныя дѣти прекрасно понимаютъ. «Здравствуй, говорю, Бобикъ. Здравствуй, милый!» Онъ взглянулъ на меня какъ-то особенно. Вы думаете, во мнѣ говоритъ только мать, но нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ! Это необыкновенный ребенокъ.

Соленый. Если бы этотъ ребенокъ былъ мой, то я изжарилъ бы его на сковородкѣ и съѣлъ бы (*идетъ со стаканомъ въ гостиную и садится въ уголъ*).

Наташа (*закрывъ лицо руками*). Грубый, невоспитанный человекъ!

Маша. Счастливъ тотъ, кто не замѣчаетъ, лѣто теперь или зима. Мнѣ кажется, если бы я была въ Москвѣ, то относилась бы равнодушно къ погодѣ...

Вершининъ. На-дняхъ я читалъ дневникъ одного фран-

цузскаго министра, писанный въ тюрьмѣ. Министръ былъ осужденъ за Панаму. Съ какимъ упоеніемъ, восторгомъ упоминаетъ онъ о птицахъ, которыхъ видитъ въ тюремномъ окнѣ и которыхъ не замѣчалъ раньше, когда былъ министромъ. Теперь, конечно, когда онъ выпущенъ на свободу, онъ уже попржнему не замѣчаетъ птицъ. Также и вы не будете замѣчать Москвы, когда будете жить въ ней. Счастья у насъ нѣтъ и не бываетъ, мы только желаемъ его.

Тузенбахъ (*беретъ со стола коробку*). Гдѣ же конфеты?

Ирина. Соленый сѣлъ.

Тузенбахъ. Всѣ?

Анеиса (*подавая чай*). Вамъ письмо, батюшка.

Вершининъ. Мнѣ? (*беретъ письмо*). Отъ дочери (*читаетъ*). Да, конечно... Я, извините, Марія Сергѣевна, уйду потихоньку. Чаю не буду пить (*встаетъ взволнованный*). Вѣчно эти исторіи...

Маша. Что такое? Не секретъ?

Вершининъ (*тихо*). Жена опять отравилась. Надо идти. Я пройду незамѣтно. Ужасно неприятно все это (*цѣлуетъ Машинъ руку*). Милая моя, славная, хорошая женщина... Я здѣсь пройду потихоньку... (*уходитъ*).

Анеиса. Куда же онъ? А я чай подала... Экой какой.

Маша (*разсердившись*). Отстань! Пристаешь тутъ, покоя отъ тебя нѣтъ... (*идетъ съ чашкой къ столу*). Надоѣла ты мнѣ, старая!

Анеиса. Что-жъ ты обижаешься? Милая!

Голосъ Андрея. Анеиса!

Анеиса (*бразнитъ*). Анеиса! Сидитъ тамъ... (*уходитъ*).

Маша (*въ залъ у стола сердито*). Дайте же мнѣ сѣсть! (*мѣшаетъ на столъ карты*). Разсѣлись тутъ съ картами. Пейте чай!

Ирина. Ты, Машка, злая.

Маша. Разъ я злая, не говорите со мной. Не трогайте меня!

Чебутыкинъ (*смѣясь*). Не трогайте ея, не трогайте...

Маша. Вамъ шестьдесятъ лѣтъ, а вы, какъ мальчишка, всегда городите чортъ знаетъ что.

Наташа (*вздыхаетъ*). Милая Маша, къ чему употреблять въ разговорѣ такія выраженія? При твоей прекрасной наружности въ приличномъ свѣтскомъ обществѣ ты, я тебѣ прямо скажу, была бы просто очаровательна, если бы не

эти твои слова. Je vous prie, pardonnez moi, Marie, mais vous avez des manières un peu grossières.

Тузенбахъ (*сдерживая смѣхъ*). Дайте мнѣ... дайте мнѣ... Тамъ, кажется, коньякъ...

Наташа. Il paraît, que mon Бобикъ déjà ne dort pas, проснулся. Онъ у меня сегодня нездоровъ. Я пойду къ нему, простите... (*уходитъ*).

Ирина. А куда ушелъ Александръ Игнатьичъ?

Маша. Домой. У него опять съ женой что-то необычайное.

Тузенбахъ (*идетъ къ Соленому, въ рукахъ графинчикъ съ коньякомъ*). Все вы сидите одинъ, о чемъ-то думаете — и не поймешь, о чемъ. Ну, давайте мириться. Давайте выпьемъ коньяку (*пьютъ*). Сегодня мнѣ придется играть на пианино всю ночь, вѣроятно, играть всякій вздоръ... Куда ни шло!

Соленый. Почему мириться? Я съ вами не ссорился.

Тузенбахъ. Всегда вы возбуждаете такое чувство, какъ будто между нами что-то произошло. У васъ характеръ странный, надо сознаться.

Соленый (*декламируя*). Я странень, не странень кто-жь! Не сердись, Алеко!

Тузенбахъ. И при чемъ тутъ Алеко... (*пауза*).

Соленый. Когда я вдвоемъ съ кѣмъ-нибудь, то ничего, я какъ всѣ, но въ обществѣ я унылъ, застѣнчивъ и... говорю всякій вздоръ. Но все-таки я честиѣе и благороднѣе очень, очень многихъ. И могу это доказать.

Тузенбахъ. Я часто сержусь на васъ, вы постоянно придираетесь ко мнѣ, когда мы бываемъ въ обществѣ, но все же вы мнѣ симпатичны почему-то. Куда ни шло, напьюсь сегодня. Выпьемъ!

Соленый. Выпьемъ (*пьютъ*) Я противъ васъ, баронъ, никогда ничего не имѣлъ. Но у меня характеръ Лермонтова (*тихо*). Я даже немножко похожъ на Лермонтова... какъ говорить... (*достаетъ изъ кармана флаконъ съ духами и льетъ на руки*).

Тузенбахъ. Подаю въ отставку. Баста! Пять лѣтъ все раздумывалъ и, наконецъ, рѣшилъ. Буду работать.

Соленый (*декламируя*). Не сердись, Алеко... Забудь, забудь мечтанія свои...

(*Пока они говорятъ, Андрей входитъ съ книгой тихо и садится у свѣчи*).

Тузенбахъ. Буду работать.

Чебутыкинъ (*идя въ гостиную съ Ириной*). И угощеніе было тоже настоящее кавказское: супъ съ лукомъ, а на жаркое—чехартма, мясное.

Соленый. Черемша вовсе не мясо, а растеніе въ родѣ нашего лука.

Чебутыкинъ. Нѣтъ-съ, ангелъ мой. Чехартма не лукъ, а жаркое изъ баранины

Соленый. А я вамъ говорю, черемша—лукъ.

Чебутыкинъ. А я вамъ говорю, чехартма—баранина.

Соленый. А я вамъ говорю, черемша—лукъ.

Чебутыкинъ. Что же я буду съ вами спорить! Вы никогда не были на Кавказѣ и не ѣли чехартмы.

Соленый. Не ѣлъ, потому что терпѣть не могу. Отъ черемши такой же запахъ, какъ отъ чеснока.

Андрей (*умоляюще*). Довольно, господа! Прошу васъ!

Тузенбахъ. Когда придутъ ряженые?

Ирина. Обѣщали къ девяти; значить, сейчасъ.

Тузенбахъ (*обнимаетъ Андрея*). Ахъ вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои...

Андрей (*пляшетъ и поетъ*). Сѣни новыя, кленовыя...

Чебутыкинъ (*пляшетъ*). Рѣшетчаты-я! (*смѣхъ*).

Тузенбахъ (*цѣлуетъ Андрея*). Чортъ возьми, давайте выпьемъ. Андрюша, давайте выпьемъ на ты. И я съ тобой. Андрюша, въ Москву, въ университетъ.

Соленый. Въ какой? Въ Москвѣ два университета.

Андрей. Въ Москвѣ одинъ университетъ.

Соленый. А я вамъ говорю—два.

Андрей. Пускай хоть три. Тѣмъ лучше.

Соленый. Въ Москвѣ два университета! (*ронотъ и шиканье*). Въ Москвѣ два университета: старый и новый. А если вамъ неуютно слушать, если мои слова раздражаютъ васъ, то я могу не говорить. Я даже могу уйти въ другую комнату... (*уходитъ въ одну изъ дверей*).

Тузенбахъ. Bravo, bravo! (*смѣется*). Господа, начинайте, я сажусь играть! Смѣшной этотъ Соленый... (*садится за пианино, играетъ вальсъ*).

Маша (*танцуетъ вальсъ одна*). Баронъ пьянъ, баронъ пьянъ баронъ пьянъ!

(*Входитъ Наташа*).

Наташа (*Чебутыкину*). Иванъ Романычъ! (*говоритъ о*

чемъ-то Чебутыкину, потомъ тихо уходитъ; Чебутыкинъ трогаетъ Тузенбаха за плечо и шепчетъ ему о чемъ-то).

Ирина. Что такое?

Чебутыкинъ. Намъ пора уходить. Будьте здоровы.

Тузенбахъ. Спокойной ночи. Пора уходить.

Ирина. Позвольте... А ряженные?..

Андрей (*скопфуженный*). Ряженныхъ не будетъ. Видишь ли, моя милая, Наташа говоритъ, что Бобикъ не совсѣмъ здоровъ, и потому... Однимъ словомъ, я не знаю мнѣ рѣшительно все равно.

Ирина (*пожимая плечами*). Бобикъ нездоровъ!

Маша. Гдѣ наша не пропадала! Гонять, стало-быть, надо уходить (*Ирину*). Не Бобикъ боленъ, а она сама... Вотъ! (*стучитъ пальцемъ по лбу*). Мѣщанка!

(Андрей уходитъ въ правую дверь къ себѣ, Чебутыкинъ идетъ за нимъ; въ залъ прощаются).

Федотинъ. Какая жалость! Я рассчитывалъ провести вечерокъ, но если боленъ ребеночекъ, то, конечно... Я завтра принесу ему игрушекъ...

Родэ (*громко*). Я сегодня нарочно выпался послѣ обѣда, думалъ, что всю ночь буду танцовать. Вѣдь теперь только девять часовъ!

Маша. Выйдемъ на улицу, тамъ потолкуемъ. Рѣшимъ, что и какъ.

(*Слышно: «Прощайте! Будьте здоровы!» Слышенъ веселый смѣхъ Тузенбаха. Все уходитъ. Анюса и горничная убираютъ со стола, тушатъ огни. Слышно, какъ постъ пляшка. Андрей въ пальто и шляпѣ и Чебутыкинъ тихо входятъ*).

Чебутыкинъ. Жениться я не успѣлъ, потому что жизнь промелькнула, какъ молнія, да и потому, что безумно любилъ твою матушку, которая была замужемъ...

Андрей. Жениться не нужно. Не нужно, потому что скучно.

Чебутыкинъ. Такъ-то оно такъ, да одиночество. Какъ тамъ ни философствуй, а одиночество страшная штука, голубчикъ мой... Хотя въ сущности... конечно, рѣшительно все равно!

Андрей. Пойдемте скорѣй.

Чебутыкинъ. Что же спѣшить? Успѣемъ.

Андрей. Я боюсь, жена бы не остановила.

Чебутыкинъ. А!

Андрей. Сегодня я играть не стану, только такъ посижу.

Нездоровится... Что мнѣ дѣлать, Иванъ Романычъ, отъ одышки?

Чебутыкинъ. Что спрашивать! Не помню, голубчикъ. Не знаю.

Андрей. Пройдемъ кухней (*уходятъ*).

(*Звонокъ, потомъ опять звонокъ; слышны голоса, смѣхъ*).

Ирина (*входитъ*). Что тамъ?

Анеиса (*шопотомъ*). Ряженые! (*звонокъ*).

Ирина. Скажи, нянечка, дома нѣтъ никого. Пусть извиняютъ.
(*Анеиса уходитъ. Ирина въ раздумьѣ ходитъ по комнатѣ; она взволнована. Входитъ Соленый*).

Соленый (*въ недоумѣннн*). Никого нѣтъ... А гдѣ же всѣ?

Ирина. Ушли домой.

Соленый. Странно. Вы однѣ тутъ?

Ирина. Одна (*пауза*). Прощайте.

Соленый. Давеча я велъ себя недостаточно сдержанно, не тактично. Но вы не такая, какъ всѣ, вы высоки и чисты, вамъ видна правда... Только вы одна можете понять меня. Я люблю, глубоко, безконечно люблю...

Ирина. Прощайте! Уходите.

Соленый. Я не могу жить безъ васъ (*идя за ней*). О, мое блаженство! (*сквозь слезы*). О, счастье! Роскошные, чудные, изумительные глаза, коихъ я не видѣлъ ни у одной женщины...

Ирина (*холодно*). Перестаньте, Василій Васильичъ!

Соленый. Первый разъ я говорю о любви къ вамъ, и точно я не на землѣ, а на другой планетѣ (*третъ себя лобъ*). Ну, да все равно. Насильно милъ не будешь, конечно... Но счастливыхъ соперниковъ у меня не должно быть... Не должно... Клянусь вамъ всѣмъ святымъ, соперника я убью... О, чудная!

(*Наташа проходитъ со свѣчкой*).

Наташа (*заглядываетъ въ одну дверь, въ другую и проходитъ мимо двери, ведущей въ комнату мужа*). Тутъ Андрей. Пусть читаетъ. Вы простите, Василій Васильичъ, я не знала, что вы здѣсь, я по-домашнему.

Соленый. Мнѣ все равно. Прощайте! (*уходитъ*).

Наташа. А ты устала, милая, бѣдная моя дѣвочка! (*цѣлуетъ Ирину*). Ложилась бы спать пораньше

Ирина. Бобикъ спитъ?

Наташа. Спитъ. Но неспокойно спитъ. Кстати, милая, я

хотѣла тебѣ сказать, да все то тебя нѣтъ, то мнѣ некогда... Бобику въ теперешней дѣтской, мнѣ кажется, холодно и сыро. А твоя комната такая хорошая для ребенка. Милая, родная, переберись пока къ Ольѣ!

Ирина (*не понимая*). Куда?

(*Слышино, къ дому подъѣзжаетъ тройка съ бубенчиками*).

Наташа. Ты съ Олей будешь въ одной комнатѣ, пока что, а твою комнату Бобику. Онъ такой милашка, сегодня я говорю ему: «Бобикъ, ты мой! Мой!» А онъ на меня смотритъ своими глазеночками (*звонокъ*). Должно-быть, Ольга. Какъ она поздно.

(*Горничная подходитъ къ Наташи и шепчетъ ей на ухо*).

Наташа. Протопоповъ? Какой чудакъ. Приѣхалъ Протопоповъ, зоветъ меня покататься съ нимъ на тройкѣ. (*смѣется*). Какіе странные эти мужчины... (*звонокъ*). Кто-то тамъ пришелъ. Поѣхать развѣ на четверть часика прокатиться... (*горничной*). Скажи, сейчасъ (*звонокъ*). Звонятъ... тамъ Ольга, должно-быть (*уходитъ*).

(*Горничная убѣгаетъ; Ирина сидитъ задумавшись; входятъ Кулыгинъ, Ольга, за ними Вершининъ*).

Кулыгинъ. Вотъ тебѣ и разъ. А говорили, что у нихъ будетъ вечеръ.

Вершининъ. Странно, я ушелъ недавно, полчаса назадъ, и ждали ряженныхъ...

Ирина. Всѣ ушли.

Кулыгинъ. И Маша ушла? Куда она ушла? А зачѣмъ Протопоповъ внизу ждетъ на тройкѣ? Кого онъ ждетъ?

Ирина. Не задавайте вопросовъ... Я устала.

Кулыгинъ. Ну, капризница...

Ольга. Совѣтъ только-что кончился. Я замучилась. Наша начальница больна, теперь я вмѣсто нея. Голова, голова... (*садится*). Андрей проигралъ вчера въ карты двѣсти рублей... Весь городъ говоритъ объ этомъ...

Кулыгинъ. Да, и я усталъ на совѣтъ (*садится*).

Вершининъ. Жена моя сейчасъ вздумала поугатъ меня, едва не отравилась. Все обошлось и я радъ, отдыхаю теперь... Стало-быть, надо уходить? Что-жъ, позвольте пожелать всего хорошаго. Федоръ Ильичъ, поѣдьте со мной куда-нибудь! Я дома не могу оставаться, совсѣмъ не могу... Поѣдьте!

Кулыгинъ. Усталъ. Не поѣду (*встаетъ*). Усталъ. Жена домой пошла?

Ирина. Должно-быть.

Кулыгинъ (*цѣлуетъ Ирину руку*). Прощай. Завтра и послѣзавтра цѣлый день отдыхать. Всего хорошаго (*идетъ*). Чаю очень хочется. Разсчитывалъ провести вечеръ въ пріятномъ обществѣ и—о, fallacem hominum spem!.. Виинительный падежъ при восклицаніи...

Вершининъ. Значитъ, одинъ поѣду (*уходитъ съ Кулыгинымъ, посвистывая*).

Ольга. Голова болитъ, голова... Андрей проигралъ... весь городъ говорить... Пойду лягу (*идетъ*). Завтра я свободна... О, Боже мой, какъ это пріятно! Завтра свободна, послѣзавтра свободна... Голова болитъ, голова... (*уходитъ*).

Ирина (*одна*). Всѣ ушли. Никого нѣтъ.

(*На улицѣ гармоника, нянька поетъ пѣсню*).

Наташа (*въ шубѣ и шапкѣ идетъ черезъ залу; за ней горничная*). Черезъ полчаса я буду дома. Только проѣдусь немножко (*уходитъ*).

Ирина (*оставшись одна, тоскуетъ*). Въ Москву! Въ Москву! Въ Москву!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната Ольги и Ирины. Палѣво и направо постели, загороженные ширмами. Третій часъ ночи. За сценой бьютъ въ набатъ по случаю пожара, начавшагося уже давно. Видно, что въ домѣ еще не ложились спать. На диванѣ лежитъ Маша, одѣтая, какъ обыкновенно, въ черное платье. Входятъ Ольга и Анеиса.

Анеиса. Сидятъ теперь внизу подъ лѣстницей... Я говорю—«пожалуйте наверхъ, нешто, говорю, можно такъ»,—плачутъ. «Папаша, говорятъ, не знаемъ гдѣ. Не дай Богъ, говорятъ, сгорѣлъ». Выдумали! И на дворѣ какія-то... тоже раздѣтыя.

Ольга (*вынимаетъ изъ шкапа платье*). Вотъ это сѣренькое возьми... И вотъ это... Кофточку тоже... И эту юбку бери, нянечка... Что же это такое, Боже мой! Кирсановскій переулочекъ весь сгорѣлъ, очевидно... Это возьми... Это возьми... (*жидаетъ ей изъ руки платье*). Вершинины бѣдные напуга-

8*

лись... Ихъ домъ едва не сгорѣлъ. Пусть у насъ переночуютъ... домой ихъ нельзя пускать... У бѣднаго Федотика все сгорѣло, ничего не осталось...

Анеиса. Ферাপонта позвала бы, Олюшка, а то не донесу...

Ольга (*звонитъ*). Не дозвонишься... (*въ дверь*). Подите сюда, кто тамъ есть! (*въ открытую дверь видно окно, красное отъ зарева; слышно, какъ мимо дома пропѣзжаетъ пожарная команда*). Какой это ужасъ. И какъ надоѣло!

(*Входитъ Ферапонтъ*).

Ольга. Вотъ возьми снеси внизъ... Тамъ подъ лѣстницей стоятъ барышни Колотилины... отдай имъ. И это отдай...

Ферапонтъ. Слушаю. Въ двѣнадцатомъ году Москва тоже горѣла. Господи ты Боже мой! Французы удивлялись.

Ольга. Иди, ступай...

Ферапонтъ. Слушаю (*уходитъ*).

Ольга. Нянечка, милая, все отдавай. Ничего намъ не надо, все отдавай, нянечка... Я устала, едва на ногахъ стою... Вершининыхъ нельзя отпускать домой... Дѣвочки лягутъ въ гостиной, а Александра Игнатича внизъ къ барону... Федотика тоже къ барону, или пусть у насъ въ залѣ... Докторъ, какъ нарочно, пьянъ, ужасно пьянъ, и къ нему никого нельзя. И жену Вершинина тоже въ гостиной.

Анеиса (*утомленно*). Олюшка, милая, не гони ты меня! Не гони!

Ольга. Глулости ты говоришь, няня. Никто тебя не гонитъ.

Анеиса (*кладетъ ей юлову на грудь*). Родная моя, золотая моя, я тружусь, я работаю... Слаба стану, всё скажутъ: пошла! А куда я пойду? Куда? Восемьдесятъ лѣтъ. Восемьдесятъ второй годъ...

Ольга. Ты посиди, нянечка... Устала ты, бѣдная... (*успокаиваетъ ее*). Отдохни, моя хорошая. Поблѣднѣла какъ!

(*Наташа входитъ*).

Наташа. Тамъ говорятъ, поскорѣе нужно составить общество для помощи погорѣльцамъ. Что-жъ? Прекрасная мысль. Вообще нужно поскорѣе помогать бѣднымъ людямъ, это обязанность богатыхъ. Бобикъ и Софочка спятъ себѣ, спятъ, какъ ни въ чемъ не бывало. У насъ такъ много народу вездѣ, куда ни пойдешь, полонъ домъ. Теперь въ городѣ инфлуэнца, боюсь, какъ бы не захватили дѣти.

Ольга (*не слушая ея*). Въ этой комнатѣ не видно пожара, тутъ покойно...

Наташа. Да... Я, должно - быть, растрепанная (*передъ зеркаломъ*). Говорятъ, я пополнила... и не правда! Ничуть! А Маша спитъ, утомилась, бѣдная... (*Анонсъ холодно*). При мнѣ не смѣй сидѣть! Встань! Стулай отсюда! (*Анонса уходитъ; пауза*). И зачѣмъ ты держишь эту старуху, не понимаю!

Ольга (*оторопѣвъ*). Извини, я тоже не понимаю...

Наташа. Ни къ чему она тутъ. Она крестьянка, должна въ деревнѣ жить... Что за баловство! Я люблю въ домѣ порядокъ! Лишнихъ не должно быть въ домѣ (*глядитъ ее по щеки*). Ты, бѣдняжка, устала! Устала наша начальница! А когда моя Софочка выростетъ и поступитъ въ гимназію, я буду тебя бояться.

Ольга. Не буду я начальницей.

Наташа. Тебя выберутъ, Олечка. Это рѣшено.

Ольга. Я откажусь. Не могу... Это мнѣ не по силамъ... (*пьетъ воду*). Ты сейчасъ такъ грубо обошлась съ няней... Прости, я не въ состояніи переносить... въ глазахъ потемнѣло...

Наташа (*взволнованно*). Прости, Оля, прости... Я не хотѣла тебя огорчать.

(*Маша встаетъ, беретъ подушку и уходитъ, сердитая*).

Ольга. Пойми, милая... мы воспитаны, быть-можетъ, странно, но я не переношу этого. Подобное отношеніе угнетаетъ меня, я заболѣваю... я просто падаю духомъ!

Наташа. Прости, прости... (*цѣлуетъ ее*).

Ольга. Всякая, даже малѣйшая грубость, не деликатно сказанное слово волнуетъ меня...

Наташа. Я часто говорю лишнее, это правда, но согласиись, моя милая, она могла бы жить въ деревнѣ.

Ольга. Она уже тридцать лѣтъ у насъ.

Наташа. Но вѣдь теперь она не можетъ работать! Или я не понимаю, или же ты не хочешь меня понять. Она не способна къ труду, она только спитъ или сидитъ.

Ольга. И пускай сидитъ.

Наташа (*удивленно*). Какъ пускай сидитъ? Но вѣдь она же прислуга (*сквозь слезы*). Я тебя не понимаю, Оля. У меня нянька есть, кормилица есть, у насъ горничная, кухарка... для чего же намъ еще эта старуха? Для чего?

(*За сценой бьютъ въ набатъ.*)

Ольга. Въ эту ночь я постарѣла на десять лѣтъ.

Наташа. Намъ нужно уговориться, Оля. Ты въ гимназіи, я—дома, у тебя ученье, у меня—хозяйство. И если я говорю что насчетъ прислуги, то знаю, что говорю; я знаю, что го-во-рю... И чтобъ завтра же не было здѣсь этой старой воровки, старой хрычевки... *(стучитъ ногами)*. этой вѣдьмы!.. Не смѣть меня раздражать! Не смѣть *(спохватившись)*. Право, если ты не переберешься внизъ, то мы всегда будемъ ссориться. Это ужасно.

(Входитъ Кулыгинъ).

Кулыгинъ. Гдѣ Маша? Пора бы уже домой. Пожаръ, говорятъ, стихаетъ *(потягивается)*. Сгорѣлъ только одинъ кварталъ, а вѣдь былъ вѣтеръ, вначалѣ казалось, что горитъ весь городъ *(садится)*. Утомился. Олечка моя милая... Я часто думаю: если бы не Маша, то я на тебѣ бы женился, Олечка. Ты очень хорошая... Замучился *(прислушивается)*.

Ольга. Что?

Кулыгинъ. Какъ нарочно, у доктора запой, пьянъ онъ ужасно. Какъ нарочно! *(встаетъ)*. Вотъ онъ идетъ сюда, кажется... Слышите? Да, сюда... *(смѣется)*. Экій какой, право... Я спрячусь *(идетъ къ шкапу и становится въ углу)*. Этакій разбойникъ.

Ольга. Два года не пилъ, а тутъ вдругъ взялъ и напился... *(уходитъ съ Наташей въ глубину комнаты)*.

(Чебутыкинъ входитъ; не шатаясь, какъ трезвый, проходитъ по комнатѣ, останавливается, смотритъ, потомъ подходитъ къ рукомойнику и начинаетъ мыть руки).

Чебутыкинъ *(урюмо)*. Чортъ бы всѣхъ побралъ... подраль... Думаютъ, что я докторъ, умѣю лѣчить всякія болѣзни, а я не знаю рѣшительно ничего, все позабылъ, что зналъ, ничего не помню, рѣшительно ничего *(Ольга и Наташа, незамѣтно для него, уходятъ)*. Чортъ бы побралъ. Въ прошлую среду лѣчилъ на Засыпи женщину—умерла, и я виноватъ, что она умерла. Да... Кое-что я зналъ лѣтъ двадцать пять назадъ, а теперь ничего не помню. Ничего. Можетъ-быть, я и не человекъ, а только вотъ дѣлаю видъ, что у меня и руки, и ноги, и голова; можетъ-быть, я и не существую вовсе, а только кажется мнѣ, что я хожу, фмъ, сплю *(плачетъ)*. О, если бы не существовать! *(перестаетъ плакать, урюмо)*. Чортъ знаетъ... Третьяго дня разговоръ

въ клубѣ; говорятъ, Шекспиръ, Вольтеръ... Я не читалъ, совсѣмъ не читалъ, а на лицѣ своемъ показалъ, будто читалъ. И другіе тоже, какъ я. Пошлость! Низость! И та женщина, что уморилъ въ среду, вспомнилась... и все вспомнилось и стало на душѣ криво, гадко, мерзко... пошелъ, запилъ...

(Ирина, Вершининъ и Тузенбахъ входятъ; на Тузенбахъ штатское платье, новое и модное).

Ирина. Здѣсь посидимъ. Сюда никто не войдетъ.

Вершининъ. Если бы не солдаты, то сгорѣлъ бы весь городъ. Молодцы! *(потираетъ отъ удовольствія руки).* Золотой народъ! Ахъ, что за молодцы!

Кулыгинъ *(подходя къ нимъ).* Который часъ, господа?

Тузенбахъ. Уже четвертый часъ. Свѣтаетъ.

Ирина. Всѣ сидятъ въ залѣ, никто не уходитъ. И вапъ этотъ Соленый сидитъ... *(Чебутыкину).* Вы бы, докторъ, шли спать.

Чебутыкинъ. Ничего-съ... Благодарю-съ. *(причесываетъ бороду).*

Кулыгинъ *(смѣется).* Назюзюкался, Иванъ Романычъ! *(хлопаетъ по плечу).* Молодецъ! In vino veritas, говорили древніе.

Тузенбахъ. Меня все просятъ устроить концертъ въ пользу погорѣльцевъ.

Ирина. Ну, кто тамъ...

Тузенбахъ. Можно бы устроить, если захотѣтъ. Марья Сергѣевна, по-моему, играетъ на рояли чудесно.

Кулыгинъ. Чудесно играетъ!

Ирина. Она уже забыла. Три года не играла... или четыре.

Тузенбахъ. Здѣсь въ городѣ рѣшительно никто не понимаетъ музыки, ни одна душа, но я, я понимаю и честнымъ словомъ увѣряю васъ, что Марія Сергѣевна играетъ великолѣпно, почти талантливо.

Кулыгинъ. Вы правы, баронъ. Я ее очень люблю, Машу. Она славная.

Тузенбахъ. Умѣть играть такъ роскошно и въ то же время сознавать, что тебя никто, никто не понимаетъ!

Кулыгинъ *(вздыхаетъ).* Да... Но прилично ли ей участвовать въ концертѣ? *(пауза).* Я вѣдь, господа, ничего не знаю. Можетъ-быть, это и хорошо будетъ. Долженъ признаться, нашъ директоръ хорошій человекъ, даже очень хо-

рошій, умпѣйшій, но у него такіе взгляды... Конечно, не его дѣло, но все-таки, если хотите, то я, пожалуй, поговорю съ нимъ.

Чебутыкинъ (*беретъ въ руки фарфоровыя часы и разсматриваетъ ихъ*).

Вершининъ. На пожарѣ я загрязнился весь, ни на что не похожъ (*пауза*). Вчера я мелькомъ слышалъ, будто нашу бригаду хотятъ перевести куда-то далеко. Одни говорятъ въ Царство Польское, другіе—будто въ Читу.

Тузенбахъ. Я тоже слышалъ. Что-жъ? Городъ тогда со-всѣмъ опустѣетъ.

Ирина. И мы уѣдемъ!

Чебутыкинъ (*роняетъ часы, которые разбиваются*). Вдребезги!

(*Пауза; все огорчены и сконфужены*).

Кулыгинъ (*подбирая осколки*). Разбить такую дорогую вещь,—ахъ, Иванъ Романычъ, Иванъ Романычъ! Ноль съ минусомъ вамъ за поведеніе!

Ирина. Это часы покойной мамы.

Чебутыкинъ. Можетъ-быть... Мамы, такъ мамы. Можетъ, я не разбивалъ, а только кажется, что разбилъ. Можетъ-быть, намъ только кажется, что мы существуемъ, а на самомъ дѣлѣ насъ нѣтъ. Ничего я не знаю, никто ничего не знаетъ (*у двери*). Что смотрите? У Наташи романчикъ съ Протопоповымъ, а вы не видите... Вы вотъ сидите тутъ и ничего не видите, а у Наташи романчикъ съ Протопоповымъ... (*поетъ*). Не угодно ль этотъ финикъ вамъ принять... (*уходитъ*).

Вершининъ. Да... (*смѣется*). Какъ все это въ сущности странно! (*пауза*). Когда начался пожаръ, я побѣжалъ скорѣй домой; подхожу, смотрю—домъ нашъ цѣлъ и невредимъ и внѣ опасности, но мои двѣ дѣвочки стоятъ у порога въ одномъ бѣльѣ, матери нѣтъ, суетится народъ, бѣгаютъ лошади, собаки, и у дѣвочекъ на лицахъ тревога, ужасъ, мольба, не знаю что; сердце у меня сжалось, когда я увидѣлъ эти лица. Боже мой, думаю, что придется пережить еще этимъ дѣвочкамъ въ теченіе долгой жизни! Я хватаю ихъ, бѣгу и все думаю одно: что имъ придется пережить еще на этомъ свѣтѣ! (*набатъ; пауза*). Прихожу сюда, а мать здѣсь, кричить, сердится.

(*Мача входитъ съ подушкой и садится на диванъ.*)

Вершининъ. И когда мои дѣвочки стояли у порога въ одномъ бѣльѣ, и улица была красной отъ огня, былъ страшный шумъ, то я подумалъ, что нѣчто похожее происходило много лѣтъ назадъ, когда набѣгалъ неожиданно врагъ, грабилъ, зажигалъ... Между тѣмъ, въ сущности, какая разница между тѣмъ, что есть и что было! А пройдетъ еще немного времени, какихъ-нибудь двѣсти-триста лѣтъ, и на нашу теперешнюю жизнь такъ же будутъ смотрѣть и со страхомъ, и съ насмѣшкой, все нынѣшнее будетъ казаться и угловатымъ, и тяжелымъ, и очень неудобнымъ и страннымъ. О, навѣрное, какая это будетъ жизнь, какая жизнь! *(смѣется)*. Простите, я опять зафилософствовался. Позвольте продолжать, господа. Мнѣ ужасно хочется философствовать, такое у меня теперь настроеніе *(пауза)*. Точно спятъ всѣ. Такъ я говорю: какая это будетъ жизнь! Вы можете себѣ только представить... Вотъ такихъ, какъ вы, въ городѣ теперь только три, но въ слѣдующихъ поколѣніяхъ будетъ больше, все больше и больше, и придетъ время, когда все измѣнится по-вашему, жить будутъ по-вашему, а потомъ и вы устарѣете, народятся люди, которые будутъ лучше васъ... *(смѣется)*. Сегодня у меня какое-то особенное настроеніе. Хочется жить чертовски... *(поетъ)*. Любви всѣ возрасты корны, ея порывы благотворны... *(смѣется)*.

Маша. Трамъ-тамъ-тамъ...

Вершининъ. Тамъ-тамъ...

Маша. Тра-ра-ра?

Вершининъ. Тра-та-та *(смѣется)*.

(Входитъ Федотикъ).

Федотикъ *(танцуетъ)*. Погорѣлъ, погорѣлъ! Весь до-чиста! *(смѣхъ)*.

Ирина. Что-жъ за шутки. Все сгорѣло?

Федотикъ *(смѣется)*. Все до-чиста. Ничего не осталось. И гитара сгорѣла, и фотографія сгорѣла, и всѣ мои письма... И хотѣлъ подарить вамъ записную книжечку—тоже сгорѣла.

(Входитъ Соленый).

Ирина. Нѣтъ, пожалуйста, уходите, Василій Васильичъ. Сюда нельзя.

Соленый. Почему же это барону можно, а мнѣ нельзя?

Вершининъ. Надо уходить, въ самомъ дѣлѣ. Какъ пожаръ?

Соленый. Говорять, стихаетъ. Нѣтъ, мнѣ положительно

странно, почему это барону можно, а мнѣ нельзя? (*вынимаетъ флаконъ съ духами и прыскается*).

Вершининъ. Трамъ-тамъ-тамъ.

Маша. Трамъ-тамъ.

Вершининъ (*смѣется, Соленому*). Пойдемте въ залу.

Соленый. Хорошо-съ, такъ и запишемъ. Мысль эту можно бѣ болѣе пояснить, да боюсь, какъ бы гусей не раздразить... (*глядя на Тузенбаха*). Ципъ, ципъ, ципъ... (*уходитъ съ Вершининимъ и Федотикомъ*).

Ирина. Какъ накурить этотъ Соленый... (*съ недоумѣнннм*). Баронъ спитъ! Баронъ! Баронъ!

Тузенбахъ (*очнувшись*). Усталъ я, однако... Кирпичный заводъ... Это я не брежу, а въ самомъ дѣлѣ, скоро поѣду на кирпичный заводъ, начну работать... Уже былъ разговоръ (*Иринѣ нѣжно*). Вы такая блѣдная, прекрасная, обаятельная... Мнѣ кажется, ваша блѣдность проясняетъ темный воздухъ, какъ свѣтъ... Вы печальны, вы недовольны жизнью... О, поѣдьте со мной, поѣдьте работать вмѣстѣ!

Маша. Николай Львовичъ, уходите отсюда.

Тузенбахъ (*смѣясь*). Вы здѣсь? Я не вижу (*цѣлуетъ Ирину руку*). Прощайте, я пойду... Я гляжу на васъ теперь, и вспоминается мнѣ, какъ когда-то давно, въ день вашихъ именинъ, вы, бодрая, веселая, говорили о радостяхъ труда... И какая мнѣ тогда мерещилась счастливая жизнь! Гдѣ она? (*цѣлуетъ руку*). У васъ слезы на глазахъ. Ложитесь спать, ужъ свѣтаетъ... начинается утро... Если бы мнѣ было позволено отдать за васъ жизнь свою!

Маша. Николай Львовичъ, уходите! Ну, что право...

Тузенбахъ. Ухожу... (*уходитъ*).

Маша (*ложась*). Ты спишь, Федоръ?

Кулыгинъ. А?

Маша. Шелъ бы домой.

Кулыгинъ. Милая моя Маша, дорогая моя Маша...

Ирина. Она утомилась. Даль бы ей отдохнуть, Одея.

Кулыгинъ. Сейчасъ уйду... Жена моя хорошая, славная... Люблю тебя, мою единственную...

Маша (*сердито*). Amo, amas, amat, amamus, amatis, amant.

Кулыгинъ (*смѣется*). Нѣтъ, право, она удивительная. Женатъ я на тебѣ семь лѣтъ, а кажется, что вѣнчались только вчера. Честное слово. Нѣтъ, право, ты удивительная женщина. Я доволенъ, я доволенъ, я доволенъ!

Маша. Надоѣло, надоѣло, надоѣло... (*встаетъ и говоритъ сидя*). И вотъ не выходитъ у меня изъ головы... Просто возмутительно. Сидить гвоздемъ въ головѣ, не могу молчать. Я про Андрея... Заложилъ онъ этотъ домъ въ банкъ и всѣ деньги забрала его жена, а вѣдь домъ принадлежитъ не ему одному, а намъ четверыми! Онъ долженъ это знать, если онъ порядочный человѣкъ.

Кулыгинъ. Охота тебѣ, Маша! На что тебѣ? Андрюша кругомъ долженъ, ну, и Богъ съ нимъ.

Маша. Это во всякомъ случаѣ возмутительно (*ложится*).

Кулыгинъ. Мы съ тобой не бѣдны. Я работаю, хожу въ гимназію, потомъ уроки даю... Я честный человѣкъ. Простой... *Omnia mea secum porto*, какъ говорится.

Маша. Мнѣ ничего не нужно, но меня возмущаетъ несправедливость (*пауза*). Ступай, Федоръ.

Кулыгинъ (*цѣлуетъ ее*). Ты устала, отдохни съ полчаса, а я тамъ посижу, подожду. Спи... (*идетъ*). Я доволенъ, я доволенъ, я доволенъ (*уходитъ*).

Ирина. Въ самомъ дѣлѣ, какъ измелъчалъ нашъ Андрей, какъ онъ выдохся и постарѣлъ около этой женщины! Когда-то готовился въ профессора, а вчера хвалился, что попалъ, наконецъ, въ члены земской управы. Онъ членъ управы, а Протопоповъ. предсѣдатель... Весь городъ говорить, смѣется, и только онъ одинъ ничего не знаетъ и не видитъ... И вотъ всѣ побѣжали на пожаръ, а онъ сидитъ у себя въ комнатѣ и никакого вниманія. Только на скрипкѣ играетъ (*нервно*). О, ужасно, ужасно, ужасно! (*плачетъ*). Я не могу, не могу переносить больше!.. Не могу, не могу!..

(*Ольга входитъ, убираетъ около своего столика*).

Ирина (*громко рыдаетъ*). Выбросьте меня, выбросьте, я больше не могу!..

Ольга (*исправившись*). Что ты, что ты? Милая!

Ирина (*рыдая*). Куда? Куда все ушло? Гдѣ оно? О, Боже мой, Боже мой! Я все забыла, забыла... у меня перелуталось въ головѣ... Я не помню, какъ по-итальянски окно, или вотъ потолокъ... Все забываю, каждый день забываю, а жизнь уходитъ и никогда не вернется, никогда, никогда мы не уѣдемъ въ Москву... Я вижу, что не уѣдемъ...

Ольга. Милая, милая...

Ирина (*сдерживаясь*). О, я несчастная... Не могу я работать, не стану работать. Довольно, довольно! Была теле-

графисткой, теперь служу въ городской управѣ и ненавижу, и презираю все, что только мнѣ даютъ дѣлать... Мнѣ уже двадцать четвертый годъ, работаю уже давно, и мозгъ высохъ, похудѣла, подурнѣла, постарѣла, и ничего, ничего, никакого удовлетворенія, а время идетъ и все кажется, что уходишь отъ настоящей прекрасной жизни, уходишь все дальше и дальше, въ какую-то пропасть. Я въ отчаяніи, и какъ я жива, какъ не убила себя до сихъ поръ, не понимаю...

Ольга. Не плачь, моя дѣвочка. не плачь... Я страдаю.

Ирина. Я не плачу, не плачу... Довольно... Ну, вотъ я уже не плачу. Довольно... Довольно!

Ольга. Милая, говорю тебѣ, какъ сестра, какъ другъ, если хочешь моего совѣта, выходи за барона!

Ирина *(тихо плачетъ)*.

Ольга. Вѣдь ты его уважаешь, высоко цѣнишь... Онъ, правда, некрасивый, но онъ такой порядочный, чистый... Вѣдь замужъ выходятъ не изъ любви, а для того, чтобы исполнить свой долгъ. Я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю, и я бы вышла безъ любви. Кто бы ни посваталъ, все равно бы пошла, лишь бы порядочный человѣкъ. Даже за старика бы пошла...

Ирина. Я все ждала, переселимся въ Москву, тамъ мнѣ встрѣтится мой настоящій, я мечтала о немъ, любила... Но оказалось, все вздоръ, все вздоръ...

Ольга *(обнимаетъ сестру)*. Милая моя, прекрасная сестра, я все понимаю; когда баронъ Николай Львовичъ оставилъ военную службу и пришелъ къ намъ въ пиджакъ, то показался мнѣ такимъ некрасивымъ, что я даже заплакала... Онъ спрашиваетъ: «что вы плачете?» Какъ я ему скажу! Но если бы Богъ привелъ ему жениться на тебѣ, то я была бы счастлива. Тутъ вѣдь другое, совсѣмъ другое.

(Наташа со свѣчой проходитъ черезъ сцену изъ правой двери въ лѣвую молча).

Маша *(садится)*. Она ходитъ такъ, какъ будто она дожда.

Ольга. Ты, Маша, глупая. Самая глупая въ нашей семьѣ, это ты. Извини, пожалуйста *(пауза)*.

Маша. Мнѣ хочется каяться, милыя сестры. Томится душа моя. Покаюсь вамъ и ужъ больше никому, никогда... Скажу сію минуту *(тихо)*. Это моя тайна, но вы все

должны знать... Не могу молчать... *(пауза)*. Я люблю, люблю... Люблю этого человека... Вы его только-что видѣли... Ну, да что тамъ. Однимъ словомъ, люблю Вершинина...

Ольга *(идетъ къ себѣ за ширмы)*. Оставь это. Я все равно не слышу.

Маша. Что же дѣлать! *(берется за голову)*. Онъ казался мнѣ сначала страннымъ, потомъ я жалѣла его... потомъ полюбила... полюбила съ его голосомъ, его словами, несчастьями, двумя дѣвочками...

Ольга *(за ширмой)*. Я не слышу все равно. Какія бы ты глупости ни говорила, я все равно не слышу.

Маша. Э, глупая ты, Оля. Люблю—такая, значитъ, судьба моя. Значитъ, доля моя такая... И онъ меня любить... Это все страшно. Да? Не хорошо это? *(тянетъ Ирину за руку, привлекаетъ къ себѣ)*. О, моя милая... Какъ-то мы проживемъ нашу жизнь, что изъ насъ будетъ... Когда читаешь романъ какой-нибудь, то кажется, что все это старо, и все такъ понятно, а какъ сама полюбишь, то и видно тебѣ, что никто ничего не знаетъ и каждый долженъ рѣшать самъ за себя... Милыя мои, сестры мои... Призналась вамъ, теперь буду молчать... Буду теперь, какъ гоголевскій сумасшедшій... молчаніе... молчаніе...

(Андрей, за нимъ Феранонтъ).

Андрей *(сердито)*. Что тебѣ нужно? Я не понимаю.

Феранонтъ *(въ дверяхъ, нетерпливо)*. Я, Андрей Сергѣевичъ, ужъ говорилъ разъ десять.

Андрей. Во-первыхъ, я тебѣ не Андрей Сергѣевичъ, а ваше высокоблагородіе!

Феранонтъ. Пожарные, ваше высокородіе, просятъ, позвольте на рѣку садомъ проѣхать. А то кругомъ ѣздютъ, ѣздютъ—чистое наказаніе.

Андрей. Хорошо. Скажи, хорошо *(Феранонтъ уходитъ)*. Надоѣли. Гдѣ Ольга? *(Ольга выходитъ изъ-за ширмы)*. Я пришелъ къ тебѣ, дай мнѣ ключъ отъ шкапа, я затерялъ свой. У тебя есть такой маленькій ключикъ.

Ольга *(подаетъ ему молча ключъ, Ирина идетъ къ себѣ за ширму; пауза)*.

Андрей. А какой громадный пожаръ! Теперь стало утихать. Чортъ знаетъ, разозлилъ меня этотъ Феранонтъ, я сказалъ ему глупость... Ваше высокоблагородіе... *(пауза)*.

Что же ты молчишь, Оля? (*пауза*). Пора уже оставить эти глупости и не дуться такъ, здорово-живешь... Ты, Маша, здѣсь, Ирина здѣсь, ну вотъ прекрасно — объяснимся на чистоту, разъ навсегда. Что вы имѣете противъ меня? Что?

Ольга. Оставь, Андрюша. Завтра объяснимся (*волнуясь*). Какая мучительная ночь!

Андрей (*онъ очень смущенъ*). Не волнуйся. Я совершенно хладнокровно васъ спрашиваю: что вы имѣете противъ меня? Говорите прямо.

Голосъ Вершинина. Трамъ-тамъ-тамъ!

Маша (*встаетъ, врозь*). Тра-та-та! (*Ольга*). Прощай, Оля, Господь съ тобой (*идетъ за ширму, цѣлуетъ Ирину*). Спи покойно... Прощай, Андрей. Уходи, онѣ утомлены... завтра объяснишься... (*уходитъ*).

Ольга. Въ самомъ дѣлѣ, Андрюша, отложимъ до завтра... (*идетъ къ себѣ за ширму*). Спать пора.

Андрей. Только скажу и уйду. Сейчасъ... Во-первыхъ, вы имѣете что-то противъ Наташи, моей жены, и это я замѣчаю съ самага дня моей свадьбы. Наташа прекрасный, честный человѣкъ, прямой и благородный—вотъ мое мнѣніе. Свою жену я люблю и уважаю, понимаете, уважаю и требую, чтобы ее уважали также и другіе. Повторяю, она честный, благородный человѣкъ, а всѣ наши неудовольствія, простите, это просто капризы... (*пауза*). Во-вторыхъ, вы какъ будто сердитесь за то, что я не профессоръ, не занимаюсь наукой. Но я служу въ земствѣ, я членъ земской управы и это свое служеніе считаю такимъ же святымъ и высокимъ, какъ служеніе наукѣ. Я членъ земской управы и горжусь этимъ, если желаете знать... (*пауза*). Въ-третьихъ... Я еще имѣю сказать... Я заложилъ домъ, не испросивъ у васъ позволенія... Въ этомъ я виноватъ, да, и прошу меня извинить. Меня побудили къ этому долги... тридцать пять тысячъ... Я уже не играю въ карты, давно бросилъ, но главное, что могу сказать въ свое оправданіе, это то, что вы дѣвушки, вы получаете пенсію, я же не имѣлъ... заработка, такъ сказать... (*пауза*).

Кулыгинъ (*въ дверь*). Маши здѣсь нѣтъ? (*встревоженно*). Гдѣ же она? Это странно... (*уходитъ*).

Андрей. Не слушаютъ. Наташа превосходный, честный человѣкъ (*ходитъ по сценѣ молча, потомъ оставил*).

вается). Когда я женился, я думалъ, что мы будемъ счастливы... всѣ счастливы... Но Боже мой... (*плачетъ*). Милыя мои сестры, дорогія сестры, не вѣрьте мнѣ, не вѣрьте... (*уходитъ*).

Кулыгинъ (*въ дверь, встревоженно*). Гдѣ Маша? Здѣсь Маши нѣтъ? Удивительное дѣло (*уходитъ*).

(*Набатъ, сцена пустая*).

Ирина (*за ширмами*). Оля! Кто это стучитъ въ дверь?

Ольга. Это докторъ Иванъ Романычъ. Онъ пьянъ.

Ирина. Какая безпокойная ночь! (*пауза*). Оля! (*выглядываетъ изъ-за ширмы*). Слышала? Бригаду берутъ отъ насъ, переводятъ куда-то далеко.

Ольга. Это слухи только.

Ирина. Останемся мы тогда одни... Оля!

Ольга. Ну?

Ирина. Милая, дорогая, я уважаю, я цѣню барона, онъ прекрасный человекъ, я выйду за него, согласна, только поѣдемъ въ Москву! Умоляю тебя, поѣдемъ! Лучше Москвы ничего нѣтъ на свѣтѣ! Поѣдемъ! Оля! Поѣдемъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Старый садъ при домѣ Прозоровыхъ. Длинная еловая аллея, въ концѣ которой видна рѣка. На той сторонѣ рѣки—дѣсь. Направо терраса дома; здѣсь на столѣ бутылки и стаканы; видно, что только-что пили шампанское. Двѣнадцать часовъ дня. Съ улицы къ рѣкѣ черезъ садъ ходятъ изрѣдка прохожіе; быстро проходятъ человекъ пять солдатъ. Чебутыкинъ въ благодушномъ настроеніи, которое не покидаетъ его въ теченіе всего акта, сидитъ въ креслѣ, въ саду, ждетъ, когда его позовутъ; онъ въ фуражкѣ и съ палкой. Ирина, Кулыгинъ съ орденомъ на шеѣ, безъ усовъ, и Тузенбахъ, стоя на террасѣ, провожаютъ Федотика и Родѣ, которые сходятъ внизъ; оба офицера въ походной формѣ.

Тузенбахъ (*цѣлуется съ Федотикомъ*). Вы хорошій, мы жили такъ дружно (*цѣлуется съ Родѣ*). Еще разъ... Прощайте, дорогой мой!

Ирина. До свиданья!

Федотикъ. Не до свиданья, а прощайте, мы больше уже никогда не увидимся!

Кулыгинъ. Кто знаетъ! (*вытираетъ глаза, улыбается*). Вотъ и я заплакалъ.

Ирина. Когда-нибудь встрѣтимся.

Федотикъ. Лѣтъ черезъ десять - пятнадцать? Но тогда мы едва узнаемъ другъ друга, холодно поздороваемся... (*снимаетъ фотографію*). Стойте... Еще въ послѣдній разъ.

Родэ (*обнимаетъ Тузенбаха*). Не увидимся больше... (*цѣлуетъ руку Ирину*). Спасибо за все, за все!

Федотикъ (*съ досадою*). Да стой!

Тузенбахъ. Дастъ Богъ, увидимся. Пишите же намъ. Непремѣнно пишите.

Родэ (*окидываетъ взглядомъ садъ*). Прощайте, деревья! (*кричитъ*). Гопъ-гопъ! (*пауза*). Прощай, эхо!

Кулыгинъ. Чего добраго, женитесь тамъ, въ Польшѣ... Жена полька обниметъ и скажетъ: «кохане!» (*смѣется*).

Федотикъ (*взглянувъ на часы*). Осталось меньше часа. Изъ нашей батареи только Соленый пойдетъ на баржѣ, мы же со строевой частью. Сегодня уйдутъ три батареи дивизионно, завтра опять три—и въ городъ наступитъ тишина и спокойствіе.

Тузенбахъ. И скучища страшная.

Родэ. А Марія Сергѣевна гдѣ?

Кулыгинъ. Маша въ саду.

Федотикъ. Съ ней проститься.

Родэ. Прощайте, надо уходить, а то я заплачу... (*обнимаетъ быстро Тузенбаха и Кулыгина, цѣлуетъ руку Ирину*). Прекрасно мы здѣсь прожили...

Федотикъ (*Кулыгину*). Это вамъ на память... книжка съ карандашикомъ... Мы здѣсь пойдѣмъ къ рѣкѣ... (*отходятъ, оба оглядываются*).

Родэ (*кричитъ*). Гопъ-гопъ!

Кулыгинъ (*кричитъ*). Прощайте!

(*Въ глубинѣ сцены Федотикъ и Родэ встрѣчаются съ Машей и прощаются съ нею; она уходитъ съ ними*).

Ирина. Ушли... (*садится на нижнюю ступень террасы*).

Чебутыкинъ. А со мной забыли проститься.

Ирина. Вы же чего?

Чебутыкинъ. Да и я какъ-то забылъ. Впрочемъ, скоро увижусь съ ними, ухожу завтра. Да... Еще одинъ денекъ остался. Черезъ годъ дадутъ мнѣ отставку, опять приѣду сюда и буду доживать свой вѣкъ около васъ. Мнѣ до пен-

сѣи только одинъ годочекъ остался... (*кладетъ въ карманъ газету, вынимаетъ другую*). Приѣду сюда къ вамъ и измѣню жизнь кореннымъ образомъ. Стану такимъ тихонькимъ, благо... благоугоднымъ, приличенькимъ...

Ирина. А вамъ надо бы измѣнить жизнь, голубчикъ. Надо бы какъ-нибудь.

Чебутыкинъ. Да. Чувствую (*тихо напѣваетъ*). Тарара..! бумбѣя... сѣжу на тумбѣ я...

Кулыгинъ. Неисправимъ Иванъ Романычъ! Неисправимъ.

Чебутыкинъ. Да вотъ къ вамъ бы на выучку. Тогда бы исправился.

Ирина. Федоръ сбрилъ себѣ усы. Видѣть не могу!

Кулыгинъ. А что?

Чебутыкинъ. Я бы сказалъ, на что теперь похожа ваша физиономія, да не могу,

Кулыгинъ. Что-жъ! Такъ принято, это *modus vivendi*. Директоръ у насъ съ выбритыми усами, и я тоже, какъ сталъ инспекторомъ, побрился. Никому не нравится, а для меня все равно. Я доволенъ. Съ усами я, или безъ усовъ, и я одинаково доволенъ... (*садится*).

(*Въ глубинѣ сцены Андрей провозитъ въ колясочкѣ спящаго ребенка*).

Ирина. Иванъ Романычъ, голубчикъ, родной мой, я страшно обезпокоена. Вы вчера были на бульваръ, скажите, что произошло тамъ?

Чебутыкинъ. Что произошло? Ничего. Пустяки (*читаетъ газету*). Все равно!

Кулыгинъ. Такъ рассказываютъ, будто Соленый и баронъ встрѣтились вчера на бульваръ около театра...

Тузенбахъ. Перестаньте! Ну, что право... (*махнетъ рукой и уходитъ въ домъ*).

Кулыгинъ. Около театра... Соленый сталъ придирается къ барону, а тотъ не стерпѣлъ, сказалъ что-то обидное...

Чебутыкинъ. Не знаю. Чепуха все.

Кулыгинъ. Въ какой-то семинаріи учитель написалъ на сочиненіи «чепуха», а ученикъ прочелъ «реникса»—думалъ что по-латыни написано (*смѣется*). Смѣшно, удивительно. Говорятъ, будто Соленый влюбленъ въ Ирину и будто возненавидѣлъ барона... Это понятно. Ирина очень хорошая дѣвушка. Она даже похожа на Машу, такая же задумчивая. Только у тебя, Ирина, характеръ мягче. Хотя и у Мани,

врочемъ, тоже очень хороший характеръ. Я ее люблю, Машу.

(Въ глубинѣ сада за сценой: «Ау! Гонъ, гонъ!»).

Ирина *(вздрагиваетъ)*. Меня какъ-то все пугаетъ сегодня *(пауза)*. У меня уже все готово, я послѣ обѣда отправляю свои вещи. Мы съ барономъ завтра вѣнчаемся, завтра же уѣзжаемъ на кирпичный заводъ и послѣзавтра я уже въ школь, начинается новая жизнь. Какъ-то мнѣ поможетъ Богъ! Когда я держала экзаменъ на учительницу, то даже плакала отъ радости, отъ благодати... *(пауза)*. Сейчас приѣдетъ подвода за вещами...

Кулыгинъ. Такъ-то оно такъ, только какъ-то все это не серьезно. Одиѣ только идеи, а серьезнаго мало. Впрочемъ, отъ души тебѣ желаю.

Чебутыкинъ *(въ удивленіи)*. Славная моя, хорошая... Золотая моя... Далекое вы ушли, не догоните васъ. Остался я позади, точно перелетная птица, которая состарилась, не можетъ летѣть. Летите, мои милыя, летите съ Богомъ! *(пауза)*. Напрасно, Федоръ Ильичъ, вы усы себѣ сбрили.

Кулыгинъ. Будетъ вамъ! *(вздыхаетъ)*. Вотъ сегодня уйдутъ военные, и все опять пойдетъ по старому. Чтобы тамъ ни говорили, Маша хорошая, честная женщина, я ее очень люблю и благодарю свою судьбу. Судьба у людей разная... Тутъ въ акцизѣ служить нѣкто Козыревъ. Онъ учился со мной, его уволили изъ пятого класса гимназіи за то, что никакъ не могъ понять *ut consecutivum*. Теперь онъ ужасно обѣдствуетъ, болень и я, когда встрѣчаюсь, то говорю ему: «Здравствуй, *ut consecutivum*». — Да, говорить, именно *consecutivum*... а самъ кашляетъ. А мнѣ вотъ всю мою жизнь везетъ, я счастливъ, вотъ имѣю даже Станислава второй степени, и самъ теперь преподаю другимъ это *ut consecutivum*. Конечно, я умный человѣкъ, умнѣе очень многихъ, но счастье не въ этомъ...

(Въ домѣ играютъ на рояли «Молитву Дѣвы»).

Ирина. А завтра вечеромъ я уже не буду слышать этой «Молитвы Дѣвы», не буду встрѣчаться съ Протопоповымъ... *(пауза)*. А Протопоповъ сидитъ тамъ въ гостиной; и сегодня пришелъ...

Кулыгинъ. Начальница еще не приѣхала?

Ирина. Нѣтъ. За ней послали. Если бъ только вы знали, какъ мнѣ трудно жить здѣсь одной, безъ Оли... Она живетъ въ

гимназін; она начальница, цѣлый день занята дѣломъ, а я одна, мнѣ скучно, нечего дѣлать, и ненавистна комната, въ которой живу... Я такъ и рѣшила: если мнѣ не суждено быть въ Москвѣ, то такъ тому и быть. Значить, судьба. Ничего не подѣлаешь. Все въ Божьей волѣ, это правда, Николай Львовичъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе... Что-жъ? Подумала и рѣшила. Онъ хорошій человекъ, удивительно даже, такой хорошій... И у меня вдругъ точно крылья выросли на душѣ, я повеселѣла, стало мнѣ легко и опять захотѣлось работать, работать... Только вотъ вчера произошло что-то, какая-то тайна нависла надо мной...

Чебутыкинъ. Реникса. Ченуха.

Наташа (*въ окно*). Начальница!

Кулыгинъ. Пріѣхала начальница. Пойдемъ.

(Уходитъ съ Ириной въ домъ).

Чебутыкинъ (*читаетъ газету и тихо напѣваетъ*). Тара-ра... бумбѳа... сажу на тумбѣ я...

(Маша подходитъ; въ глубинѣ Андрей провозитъ колясочку).

Маша. Сидитъ себѣ здѣсь, посиживаетъ...

Чебутыкинъ. А что?

Маша (*садится*). Ничего... (*пауза*). Вы любили мою мать?

Чебутыкинъ. Очень.

Маша. А она васъ?

Чебутыкинъ (*послѣ паузы*). Этого я уже не помню.

Маша. Мой здѣсь? Такъ когда-то наша кухарка Марѳа говорила про своего городского: мой. Мой здѣсь?

Чебутыкинъ. Нѣтъ еще.

Маша. Когда берешь счастье урывочками, по кусочкамъ, потомъ его теряешь, какъ я, то мало-по-малу грубѣешь, становишься злющей (*указываетъ себѣ на грудь*). Вотъ тутъ у меня кипитъ... (*глядя на брата Андрея, который провозитъ колясочку*). Вотъ Андрей нашъ, братецъ... Всѣ надежды пропали. Тысячи народа поднимали колоколъ, потрачено было много труда и денегъ, а онъ вдругъ упалъ и разбился. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего. Такъ и Андрей...

Андрей. И когда, наконецъ, въ домѣ успокоятся. Такой шумъ.

Чебутыкинъ. Скоро (*смотритъ на часы*). У меня часы старинные, съ боемъ... (*заводитъ часы, они бьютъ*). Первая, вторая и пятая батарея уйдутъ ровно въ часъ (*пауза*). А я завтра.

Андрей. Навсегда?

Чебутыкинъ. Не знаю. Можетъ, черезъ годъ вернусь. Хотя, чортъ его знаетъ... все равно...

(Слышно, какъ дѣтъ-то далеко играютъ на арфѣ и скрипкѣ).

Андрей. Опустѣеть городъ. Точно его колпакомъ накроютъ *(пауза)*. Что-то произошло вчера около театра; всѣ говорить, а я не знаю.

Чебутыкинъ. Ничего. Глупости. Соленый сталь придираться къ барону, а тотъ вспылить и оскорбилъ его, и вышло такъ въ концѣ концовъ, что Соленый обязанъ былъ вызвать его на дуэль *(смотритъ на часы)*. Пора бы, кажется, ужъ... Въ половинѣ перваго, въ казенной рошѣ, вотъ въ той, что отсюда видать за рѣкой... Пифъ-пафъ *(смѣется)*. Соленый воображаетъ, что онъ Лермонтовъ, и даже стихи пишетъ. Вотъ шутки шутками, а ужъ у него третья дуэль.

Маша. У кого?

Чебутыкинъ. У Соленаго.

Маша. А у барона?

Чебутыкинъ. Что у барона? *(пауза)*.

Маша. Въ головѣ у меня перепуталось... Все-таки, я говорю, не слѣдуетъ имъ позволять. Онъ можетъ ранить барона или даже убить.

Чебутыкинъ. Баронъ хорошій человѣкъ, но однимъ барономъ больше, однимъ меньше—не все ли равно? Пускай! Все равно! *(за садомъ крикъ: «Ау! Гонъ-гонъ!»)* Подождешь. Это Скворцовъ кричитъ, секундантъ. Въ лодкѣ сидитъ *(пауза)*.

Андрей. По-моему, и участвовать на дуэли, и присутствовать на ней, хотя бы въ качествѣ врача, просто безнравственно.

Чебутыкинъ. Это только кажется... Насъ нѣтъ, ничего нѣтъ на свѣтѣ, мы не существуемъ, а только кажется, что существуемъ... И не все ли равно!

Маша. Такъ вотъ цѣлый день говорятъ, говорятъ... *(идетъ)*. Живешь въ такомъ климатѣ, того гляди снѣгъ пойдетъ, а тутъ еще эти разговоры... *(останавливаясь)*. Я не пойду въ домъ. я не могу туда ходить... Когда придетъ Вершининъ, скажите мнѣ... *(идетъ по аллеѣ)*. А уже летятъ перелетныя птицы... *(глядитъ вверхъ)*. Лебеди или гуси... Милые мои, счастливые мои... *(уходитъ)*.

Андрей. Опустѣеть нашъ домъ. Уѣдутъ офицеры, уѣдете

вы, сестра замужь выйдеть и останусь въ домѣ я одинъ.

Чебутыкинъ. А жена?

(Ферапонтъ входитъ съ бумагами).

Андрей. Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но въ ней есть при всемъ томъ нѣчто принижающее ее до мелкаго, слѣпое, этакого шаршаваго животнаго. Во всякомъ случаѣ, она не человѣкъ. Говорю, вамъ, какъ другу, единственному человѣку, которому могу открыть свою душу. Я люблю Наташу, это такъ, но иногда она кажется мнѣ удивительно пошлой и тогда я теряюсь, не понимаю за что, отчего я такъ люблю ее, или, по крайней мѣрѣ, любилъ...

Чебутыкинъ *(встаетъ).* Я, братъ, завтра уѣзжаю, можетъ, никогда не увидимся, такъ вотъ тебѣ мой совѣтъ. Знаешь, надѣнь шапку, возьми въ руки палку и уходи... уходи и иди, иди безъ оглядки. И чѣмъ дальше уйдешь, тѣмъ лучше.

(Соленый проходитъ въ глубинѣ сцены съ двумя офицерами; увидевъ Чебутыкина, онъ поворачиваетъ къ нему; офицеры идутъ дальше).

Соленый. Докторъ, пора! Уже половина перваго *(здоровается съ Андреемъ).*

Чебутыкинъ. Сейчасъ. Надоѣли вы мнѣ всѣ *(Андрею).* Если кто спроситъ меня, Андриуша, то скажешь, что я сейчасъ... *(вздыхаетъ).* Охо-хо-хо!

Соленый. Онъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ *(идетъ съ нимъ).* Что вы крихтите, старикъ?

Чебутыкинъ. Ну!

Соленый. Какъ здоровье?

Чебутыкинъ *(сердито).* Какъ масло коровье.

Соленый. Старикъ волнуется напрасно. Я позволю себѣ немного, я только подстрѣлю его, какъ вальдшнепа *(вынимаетъ духи и брызгаетъ на руки).* Вотъ вылилъ сегодня цѣлый флаконъ, а онъ все пахнеть. Онъ у меня пахнеть трупомъ *(пауза).* Такъ-съ... Помните стихи? А онъ, мятежный, ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой...

Чебутыкинъ. Да. Онъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ *(уходитъ съ Соленымъ).*

(Слышны крики: «Гоня! Ау!» Андрей и Ферапонтъ входятъ).

Ферапонтъ. Бумаги подписать...

Андрей (*нервно*). Отстань отъ меня! Отстань! Умоляю!
(*уходитъ съ колясочкой*)

Ферапонтъ. На то вѣдь и бумаги, чтобъ ихъ подписывать (*уходитъ въ глубину сцены*).

(*Входятъ Ирина и Тузенбахъ въ соломенной шляпѣ. Кульмингъ проходитъ чрезъ сцену, крича: «Ау, Машиа, ау!»*).

Тузенбахъ. Это, кажется, единственный человѣкъ въ городѣ, который радъ, что уходятъ военные.

Ирина. Это понятно (*пауза*). Нашъ городъ опустѣть теперь.

Тузенбахъ. Милая, я сейчасъ приду.

Ирина. Куда ты?

Тузенбахъ. Мнѣ нужно въ городъ, затѣмъ... проводить товарищей.

Ирина. Неправда... Николай, отчего ты такой разсѣянный сегодня? (*пауза*). Что вчера произошло около театра?

Тузенбахъ (*нетерпеливое движеніе*). Черезъ часъ я вернусь и опять буду съ тобой (*цѣлуетъ ей руки*). Ненаглядная моя... (*всматривается ей въ лицо*). Уже пять лѣтъ прошло, какъ я люблю тебя, и все не могу привыкнуть, и ты кажешься мнѣ все прекраснѣе. Какіе прелестные, чудные волосы! Какіе глаза! Я увезу тебя завтра, мы будемъ работать, будемъ богаты, мечты мои оживутъ. Ты будешь счастлива. Только вотъ одно, только одно: ты меня не любишь!

Ирина. Это не въ моей власти! Я буду твоей женой, и вѣрной, и покорной, но любви нѣтъ, что же дѣлать! (*плачетъ*). Я не любила ни разу въ жизни. О, я такъ мечтала о любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя, какъ дорогой рояль, который запертъ и ключъ потерянь (*пауза*). У тебя безпокойный взглядъ.

Тузенбахъ. Я не спалъ всю ночь. Въ моей жизни нѣтъ ничего такого страшнаго, что могло бы испугать меня, и только этотъ потерянный ключъ терзаетъ мою душу, не даетъ мнѣ спать. Скажи мнѣ что-нибудь (*пауза*). Скажи мнѣ что-нибудь...

Ирина. Что? Что сказать? Что?

Тузенбахъ. Что-нибудь.

Ирина. Полно! Полно! (*пауза*).

Тузенбахъ. Какіе пустяки, какія глупыя мелочи иногда приобрѣтаютъ въ жизни значеніе, вдругъ ни съ того, ни съ сего. Попрежнему смѣешься надъ ними, считаешь пустя-

нами, и все же идешь и чувствуешь, что у тебя нѣтъ силъ остановиться. О, не будемъ говорить объ этомъ! Мнѣ весело. Я точно первый разъ въ жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотритъ на меня съ любопытствомъ и ждетъ. Какія красивыя деревья и, въ сущности, какая должна быть около нихъ красивая жизнь! (*Крикъ: «Ау! Гопъ-гопъ!»*). Надо идти уже пора... Вотъ дерево засохло, но все же оно вмѣстѣ съ другими качается отъ вѣтра. Такъ, мнѣ кажется, если я и умру, то все же буду участвовать въ жизни такъ или иначе. Прощай, моя милая... (*цѣлуетъ руки*). Твои бумаги, что ты мнѣ дала, лежать у меня на столѣ, подъ календаремъ.

Ирина. И я съ тобой пойду.

Тузенбахъ (*тревожно*). Нѣтъ, нѣтъ! (*быстро идетъ, на аллею останавливается*). Ирина!

Ирина. Что?

Тузенбахъ (*не зная, что сказать*). Я не пилъ сегодня кофе. Скажешь, чтобы мнѣ сварили... (*быстро уходитъ*).

(*Ирина стоитъ задумавшись, потомъ уходитъ въ глубину сцены и садится на качели. Входитъ Андрей съ колясочкой, показывается Ферাপонтъ*).

Ферапонтъ. Андрей Сергѣичъ, бумаги-то, вѣдь, не мои, а казенныя. Не я ихъ выдумалъ.

Андрей. О, гдѣ оно, куда ушло мое прошлое, когда я былъ молодъ, веселъ, уменъ, когда я мечталъ и мыслилъ изящно, когда настоящее и будущее мое озарялось надеждой? Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, сѣры, неинтересны, лѣнны, равнодушны, бесполезны, несчастны... Городъ нашъ существуетъ уже двѣсти лѣтъ, въ немъ сто тысячъ жителей, и ни одного, который не былъ бы похожъ на другихъ, ни одного подвижника ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни одного ученаго, ни одного художника, ни мало-мальски замѣтнаго человѣка, который возбуждалъ бы зависть, или страстное желаніе подражать ему. Только ѣдятъ, пьютъ, спятъ, потомъ умираютъ... рождаются другіе и тоже ѣдятъ, пьютъ, спятъ, и, чтобы не отушѣть отъ скуки, разнообразяютъ жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничествомъ, и жены обманываютъ мужей, а мужья лгутъ, дѣлаютъ видъ, что ничего не видятъ, ничего не слышатъ, и неотразимо пошлое вліяніе гнететъ дѣтей и искра Божія гаснетъ въ нихъ, и они становятся такими же

жалкими, похожими другъ на друга мертвецами, какъ ихъ отцы и матери... *(Ферапонту сердито)*. Что тебѣ?

Ферапонть. Чего? Бумаги подписать.

Андрей. Надоѣлъ ты мнѣ.

Ферапонть *(подавая бумаги)*. Сейчасъ швейцаръ изъ казенной палаты сказывалъ... Будто, говоритъ, зимой въ Петербургѣ морозъ былъ въ двѣсти градусовъ.

Андрей. Настоящее противно, но зато, когда я думаю с будущемъ, то какъ хорошо! Становится такъ легко, такъ просторно; и вдали забрезжетъ свѣтъ, я вижу свободу, я вижу, какъ я и дѣти мои становимся свободны отъ праздности, отъ квасу, отъ гуся съ капустой, отъ сна послѣ обѣда отъ подлаго тунеядства...

Ферапонть. Двѣ тысячи людей померзло будто. Народъ, говоритъ, ужасался. Не то въ Петербургѣ, не то въ Москвѣ— не упомяну.

Андрей *(охлажденный нѣжнымъ чувствомъ)*. Милыя мои сестры, чудныя мои сестры! *(сквозь слезы)*. Маша, сестра моя...

Наташа *(въ окнѣ)*. Кто здѣсь разговариваетъ такъ громко? Это ты, Андрюша? Софочку разбудилъ. *Il ne faut pas faire du bruit, la Sophie est dormée deja. Vous êtes un ours* *(разсердившись)*. Если хочешь разговаривать, то отдай колясочку съ ребенкомъ кому-нибудь другому. Ферапонть, возьми у барина колясочку!

Ферапонть. Слушаю *(беретъ колясочку)*.

Андрей *(сконфуженно)*. Я говорю тихо.

Наташа *(за окномъ, лаская своего мальчика)*. Бобикъ! Шалунъ Бобикъ! Дурной Бобикъ!

Андрей *(оглядывая бумаги)*. Ладно, пересмотрю и, что нужно, подпишу, а ты снесешь опять въ управу... *(уходитъ въ домъ, читая бумаги; Ферапонтъ везетъ колясочку въ глубину сада)*.

Наташа *(за окномъ)*. Бобикъ, какъ зовутъ твою маму? Милый, милый! А это кто? Это тетя Оля. Скажи тетѣ: здравствуй, Оля!

(Бродячіе музыканты, мужчина и дѣвушка играютъ на скрипкѣ и арфѣ; изъ дому выходятъ Вершининъ, Ольга и Анаиса и съ минуту слушаютъ молча; подходитъ Прика).

Ольга. Нашъ садъ, какъ проходной дворъ, черезъ него

и ходять и ѣздять. Няня, дай этимъ музыкантамъ что-нибудь!..

Анеиса (*подаетъ музыкантамъ*) Уходите съ Богомъ, сердечные (*музыканты кланяются и уходятъ*). Горькій народъ. Отъ сытости не заиграешь (*Ирина*). Здравствуй, Ариша! (*цѣлуетъ ее*). И-и, дѣточка, вотъ живу! Вотъ живу! Въ гимназiи на казенной квартирѣ, вмѣстѣ съ Олюшкой—опредѣлилъ Господь на старости лѣтъ. Отродясь я, грѣшница, такъ не жила... Квартира большая, казенная, и мнѣ цѣльная комнатка и кроватка. Все казенное. Проснусь ночью и—о Господи, Матерь Божія, счастливѣй меня челоуѣка нѣту!

Вершининъ (*взглянувъ на часы*). Сейчасъ уходимъ, Ольга Сергѣевна. Мнѣ пора (*пауза*). Я желаю вамъ всего, всего... Гдѣ Марія Сергѣевна?

Ирина. Она гдѣ-то въ саду. Я пойду, поищу ее.

Вершининъ. Будьте добры. Я тороплюсь.

Анеиса. Пойду и я поищу (*кричитъ*). Машенька, а-у! (*уходитъ вмѣстѣ съ Ириной въ глубину сада*). А-у, а-у!

Вершининъ. Все имѣетъ свой конецъ. Вотъ и мы расстаемся (*смотритъ на часы*). Городъ давалъ намъ что-то въ родѣ завтрака, пили шампанское, городской голова говорилъ рѣчь, я ѣлъ и слушалъ, а душой былъ здѣсь, у васъ... (*охлаживаетъ садъ*). Привыкъ я къ вамъ.

Ольга. Увидимся ли мы еще когда-нибудь?

Вершининъ. Должно быть, нѣтъ (*пауза*). Жена моя и обѣ дѣвочки проживуть здѣсь еще мѣсяца два; пожалуйста, если что случится, или что понадобится...

Ольга. Да, да, конечно. Будьте покойны (*пауза*). Въ городѣ завтра не будетъ уже ни одного военного, все станеть воспоминанiемъ и, конечно, для насъ начнется новая жизнь... (*пауза*). Все дѣлается не по-нашему. Я не хотѣла быть начальницей, и все-таки сдѣлалась ею. Въ Москвѣ, значить, не быть...

Вершининъ. Ну... Спасибо вамъ за все. Простите мнѣ если что не такъ... Много, очень ужъ много я говорилъ—и за это простите, не поминайте лихомъ.

Ольга (*утираетъ глаза*). Что-жъ это Мама не идегъ...

Вершининъ. Что же еще вамъ сказать на прощанiе? О чемъ пофилософствовать?.. (*смѣется*). Жизнь тяжела. Она представляется многимъ изъ насъ глухой и безнадежной,

по все же, надо сознаться, она становится все яснѣе и легче, и, повидимому, не далеко то время, когда она станетъ совсѣмъ свѣтлой (*смотритъ на часы*). Пора мнѣ, пора! Прежде человѣчество было занято войнами, заполняя все свое существованіе походами, набѣгами, побѣдами, теперь же все это отжило, оставивъ послѣ себя громадное пустое мѣсто, которое пока нечѣмъ заполнить; человѣчество страстно ищетъ, и, конечно, найдетъ. Ахъ, только бы поскорѣе! (*пауза*). Если бы, знаете, къ трудолюбію прибавить образованіе, а къ образованію трудолюбіе (*смотритъ на часы*). Мнѣ, однако, пора...

Ольга. Вотъ она идетъ.

(*Маша входитъ*).

Вершининъ. Я пришелъ проститься... (*Ольга отходитъ немного въ сторону, чтобы не помѣшать прощанію*).

Маша (*смотря ему въ лицо*). Прощай... (*продолжительный поцѣлуй*).

Ольга. Будетъ, будетъ...

Маша (*сильно рыдаетъ*).

Вершининъ. Пиши мнѣ... Не забывай! Пусти меня... пора... Ольга Сергѣевна, возьмите ее, мнѣ уже... пора... опоздалъ... (*растроганный цѣлуетъ руки Ольги, потомъ еще разъ обнимаетъ Машу и быстро уходитъ*).

Ольга. Будетъ, Маша! Перестань, милая... (*входитъ Кулыгинъ*).

Кулыгинъ (*въ смущеніи*). Ничего, пусть поплачетъ, пусть... Хорошая моя Маша, добрая моя Маша... Ты моя жена, и я счастливъ, что бы тамъ ни было... Я не жалуясь, не дѣлаю тебѣ, ни одного упрека... вотъ и Оля свидѣтельница... Начнемъ жить опять по-старому, и я тебѣ ни одного слова, ни намека...

Маша (*сдерживая рыданія*). У лукоморья дубъ зеленый, златая цѣпь на дубѣ томъ... златая цѣпь на дубѣ томъ... Я съ ума схожу... У лукоморья... дубъ зеленый...

Ольга. Успокойся, Маша... Успокойся... Дай ей воды.

Маша. Я больше не плачу...

Кулыгинъ. Она уже не плачетъ... она добрая...

(*Слышенъ глухой далекій выстрѣлъ*).

Маша. У лукоморья дубъ зеленый, златая цѣпь на дубѣ томъ... Котъ зеленый... дубъ зеленый... Я путаю... (*нетъ воды*). Неудачная жизнь... Ничего мнѣ теперь не нужно...

Я сейчас успокоюсь... Все равно... Что значить у лукоморья? Почему это слово у меня в головѣ? Путаются мысли.

(Ирина входитъ).

Ольга. Успокойся, Маша. Ну, вотъ умница... Пойдемъ въ комнату.

Маша *(сердито)*. Не пойду я туда *(рыдаетъ, но тотчасъ же останавливается)*. Я въ домъ уже не хожу, и не пойду...

Ирина. Давайте посидимъ вмѣстѣ, хоть помолчимъ. Вѣдь завтра я уѣзжаю... *(пауза)*.

Кулыгинъ. Вчера въ третьемъ классѣ у одного мальчугана я отнялъ вотъ усы и бороду... *(надъвѣваетъ усы и бороду)*. Похожъ на учителя нѣмецкаго языка... *(смѣется)*. Не правда ли? Смѣшные эти мальчишки.

Маша. Въ самомъ дѣлѣ похожъ на вашего нѣмца.

Ольга *(смѣется)*. Да.

Маша *(плачетъ)*.

Ирина. Будетъ, Маша!

Кулыгинъ. Очень похожъ.

(Входитъ Наташа).

Наташа *(горничной)*. Что? Съ Софочкой посидить Протопоповъ, Михайль Ивановичъ, а Бобика пусть покатаетъ Андрей Сергѣичъ. Столько хлопотъ съ дѣтьми... *(Иринѣ)*. Ирина, ты завтра уѣзжаешь—такая жалость. Останься еще хоть недѣлку *(увидѣвъ Кулыгина, вскрикиваетъ; тотъ смѣется и снимаетъ усы и бороду)*. Ну васъ совсѣмъ, испугали! *(Иринѣ)*. Я къ тебѣ привыкла и разстаться съ тобой, ты думаешь, мнѣ будетъ легко? Въ твою комнату я велю переселить Андрея съ его скринкой—пусть тамъ спитъ!—а въ его комнату мы помѣстимъ Софочку. Дивный, чудный ребенокъ! Что за дѣвчурка! Сегодня она посмотрѣла на меня такими глазками и—«мама!»

Кулыгинъ. Прекрасный ребенокъ, это вѣрно.

Наташа. Значить, завтра я уже одна тутъ *(вздыхаетъ)*. Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потомъ вотъ этотъ кленъ. По вечерамъ онъ такой некрасивый... *(Иринѣ)*. Милая, совсѣмъ не къ лицу тебѣ этотъ поясъ... Это безвкусица. Надо что-нибудь свѣтленькое. И тутъ вездѣ я велю посадить цвѣточковъ, цвѣточковъ, и будетъ запахъ... *(строю)*. Зачѣмъ здѣсь на скамьѣ валяется вилка? *(проходя)*

въ домъ, горничной). Зачѣмъ здѣсь на скамьѣ валяется вилка, я спрашиваю? *(кричитъ)*. Молчать!

Кулыгинъ. Разошлась!

(За сценой музыка играет маршъ; все слушаютъ).

Ольга. Уходятъ.

(Входитъ Чебутыкинъ).

Маша. Уходятъ наши. Ну, что-жь... Счастливый имъ путь! *(мужу)*. Надо домой... Гдѣ моя шляпа и тальма.

Кулыгинъ. Я въ домъ отнесу... Принесу сейчасъ.

Ольга. Да, теперь можно по домамъ. Пора.

Чебутыкинъ. Ольга Сергѣевна!

Ольга. Что? *(пауза)*. Что?

Чебутыкинъ. Ничего... Не знаю, какъ сказать вамъ... *(шепчетъ ей на ухо)*.

Ольга *(въ испугъ)*. Не можетъ быть!

Чебутыкинъ. Да... такая исторія... Утомился я, замучился, больше не хочу говорить... *(съ досадой)*. Впрочемъ, все равно!

Маша. Что случилось?

Ольга *(обнимаетъ Ирину)*. Ужасный сегодня день... Я не знаю, какъ тебѣ сказать, моя дорогая...

Ирина. Что? Говорите скорѣй: что? Бога ради! *(плачетъ)*.

Чебутыкинъ. Сейчасъ на дуэли убитъ баронъ.

Ирина *(тихо плачетъ)*. Я знала, я знала...

Чебутыкинъ *(въ глубинѣ сцены садится на скамью)*. Утомился... *(вынимаетъ изъ кармана изетку)*. Пусть поплачуть... *(тихо напѣваетъ)*. Та-ра-ра-бумбоя... сижу на тумбѣ я... Не все ли равно!

(Три сестры стоятъ, прижавшись другъ къ другу).

Маша. О, какъ играетъ музыка! Они уходятъ отъ насъ, одинъ ушелъ совсѣмъ, совсѣмъ навсегда, мы останемся однѣ, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...

Ирина *(кладетъ голову на грудь Ольгѣ)*. Придетъ время, всѣ узнаютъ, зачѣмъ все это, для чего эти страданія, никакихъ не будетъ тайнъ, а пока надо жить... надо работать, только работать! Завтра я поѣду одна, буду учить въ школѣ и всю свою жизнь отдамъ тѣмъ, кому она, быть-можетъ, нужна. Теперь осень, скоро придетъ зима, засыплетъ снѣгомъ, а я буду работать, буду работать...

Ольга *(обнимаетъ обѣихъ сестеръ)*. Музыка играетъ такъ

весело, бодро, и хочется жить! О, Боже мой! Пройдетъ время, и мы уйдемъ навѣки, насъ забудутъ, забудутъ наши лица, голоса и сколько насъ было, но страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ, и помянутъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь. О, милыя сестры, жизнь наша еще не кончена. Будемъ жить! Музыка играетъ такъ весело, такъ радостно и, кажется, еще немного, и мы узнаемъ, зачѣмъ мы живемъ, зачѣмъ страдаемъ... Если бы знать, если бы знать!

(Музыка играетъ все тише и тише; Кулыгинъ веселый, улыбающійся, несетъ шляпу и тальму, Андрей везетъ колясочку, въ которой сидитъ Бобикъ).

Чебутыкинъ *(тихо напѣваетъ)*. Тара... ра... бумбѣя... сижу на тумбѣ я... *(читаетъ газету)*. Все равно! Все равно!

Ольга. Если бы знать, если бы знать!

Занавѣсъ.

О ВРЕДЪ ТАБАКА.

Сцена-монологъ въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО:

Иванъ Ивановичъ Нюхинъ, мужъ своей жены, содержательницы музыкальной школы и женскаго пансіона.

Сцена представляетъ эстраду одного изъ провинціальныхъ клубовъ.

Нюхинъ (съ длинными бакенями, безъ усовъ, въ старомъ поношенномъ фракѣ, величественно входитъ, кланяется и поправляетъ жилетку). Милостивыя государыни и нѣкоторымъ образомъ милостивые государи (расчесываетъ бакены). Женѣ моей было предложено, чтобы я съ благотворительною цѣлью прочелъ здѣсь какую-нибудь популярную лекцію. Что жъ? Лекцію, такъ лекцію — мнѣ рѣшительно все равно. Я, конечно, не профессоръ и чуждъ ученыхъ степеней, но, тѣмъ не менѣе, все-таки я вотъ уже тридцать лѣтъ, не переставая, можно даже сказать, для вреда собственному здоровью и прочее, работаю надъ вопросами строго-научнаго свойства, размышляю и даже пишу иногда, можете себя представить, ученые статьи, то-есть не то, чтобы ученые, а такъ, извините за выраженіе, въ родѣ какъ бы ученые. Между прочимъ, на сихъ дняхъ мною написана была громадная статья подъ заглавіемъ: «О вредѣ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ». Дочерямъ очень понравилось, особенно про клоповъ, я же прочиталъ и разорвалъ. Вѣдь, все равно, какъ ни пиши, а безъ персидскаго порошка не обойтись. У насъ даже въ рояли клопы... Предметомъ сегодняшней моей лекціи я избралъ, какъ сказать, вредъ, который приноситъ человѣчеству по-

требленіе табаку. Я самъ курю, но жена моя велѣла читать сегодня о вредѣ табака и, стало-быть, нечего тутъ разговаривать. О табакѣ, такъ о табакѣ—мнѣ рѣшительно все равно, вамъ же, милостивые государи, предлагаю отнестись къ моей настоящей лекціи съ должною серьезностью, иначе какъ бы чего не вышло. Кого же пугаетъ сухая, научная лекція, кому не нравится, тотъ можетъ не слушать и выйти (*поправляетъ жилетку*). Особенно прошу вниманія у присутствующихъ здѣсь господъ врачей, которые могутъ почерпнуть изъ моей лекціи много полезныхъ свѣдѣній, такъ какъ табакъ, помимо его вредныхъ дѣйствій, употребляется также въ медицинѣ. Такъ, напримѣръ, если муху посадить въ табакерку, то она издохнетъ, вѣроятно, отъ расстройства нервовъ. Табакъ есть, главнымъ образомъ, растеніе... Когда я читаю лекцію, то обыкновенно подмигиваю правымъ глазомъ, но вы не обращайтесь вниманія; это отъ волненія. Я очень нервный человекъ, вообще говоря, а глазомъ началъ подмигивать въ 1889 году 13-го сентября, въ тотъ самый день, когда у моей жены родилась, нѣкоторымъ образомъ, четвертая дочь Варвара. У меня всѣ дочери родились 13-го числа. Впрочемъ (*поглядѣвъ на часы*), въ виду недостатка времени, не станемъ отклоняться отъ предмета лекціи. Надо вамъ замѣтить, жена моя содержитъ музыкальную школу и частный пансіонъ, то-есть не то чтобы пансіонъ, а такъ, нѣчто въ родѣ. Между нами говоря, жена любитъ пожаловаться на недостатки, но у нея кое-что припрятано, этакъ тысячь сорокъ, или пятьдесятъ, у меня же ни копейки за душой, ни гроша — ну, да что толковать! Въ пансіонѣ я состою завѣдующимъ хозяйственною частью. Я покупаю провизію, провѣряю прислугу, записываю расходы, шью тетрадки, вывожу клоповъ, прогуливаю женину собачку, ловлю мышей... Вчера вечеромъ на моей обязанности лежало выдать кухаркѣ муку и масло, такъ какъ предполагались блины. Ну-съ, однимъ словомъ, сегодня, когда блины были уже испечены, моя жена пришла на кухню сказать, что три воспитанницы не будутъ кушать блиновъ, такъ какъ у нихъ распухли железы. Такимъ образомъ оказалось, что мы испекли нѣсколько лишнихъ блиновъ. Куда прикажете дѣвать ихъ? Жена сначала велѣла отнести ихъ на погребъ, а потомъ подумала, подумала и говоритъ: — «Бшь эти блины самъ,

чучело». Она, когда бываетъ не въ духѣ, зоветь меня такъ: чучело, или аспидъ, или сатана. А какой я сатана? Она всегда не въ духѣ. И я не съѣлъ, а проглотилъ, не жевавши, такъ какъ всегда бываю голодень. Вчера, на-примѣръ, она не дала мнѣ обѣдать. — «Тебя, говорить, чучело, кормить не для чего...» Но, однако (*смотритъ на часы*), мы заболтались и нѣсколько уклонились отъ темы. Будемъ продолжать. Хотя, конечно, вы охотнѣе прослушали бы теперь романсъ, или какую-нибудь этакую симфонію, или арію... (*Затѣваетъ.*) «Мы не моргнемъ въ пылу сраженія глазомъ...» Не помню ужъ, откуда это... Между прочимъ, я забылъ сказать вамъ, что въ музыкальной школѣ моей жены, кромѣ завѣдыванія хозяйствомъ, на нѣ лежитъ еще преподаваніе математики, физики, химіи, географіи, исторіи, сольфеджіо, литературы и прочее. За танцы, пѣніе и рисованіе жена беретъ особую плату, хотя танцы и пѣніе преподаю тоже я. Наше музыкальное училище находится въ Пятисобачьемъ переулкѣ, въ домѣ № 13. Вотъ потому-то, вѣроятно, и жизнь моя такая неудачная, что живемъ мы въ домѣ № 13. И дочери мои родились 13-го числа, и въ домѣ у насъ 13 окошекъ... Ну, да что толковать! Для переговоровъ жену мою можно застать дома во всякое время, а программа школы, если желаете, продается у швейцара по 30 коп. за экземпляръ (*вынимаетъ изъ кармана нѣсколько брошюркъ*). И вотъ я, если желаете, могу подѣлиться. За каждый экземпляръ по 30 копеекъ! Кто желаетъ? (*Пауза.*) Никто не желаетъ? Ну, по 20 копеекъ! (*Пауза.*) Досадно. Да, домъ № 13! Ничто мнѣ не удается, постарѣлъ, поглупѣлъ... Вотъ читаю лекцію, на видъ я весель, а самому такъ и хочется крикнуть во все горло, или полетѣть куда-нибудь за тридцать земель. И пожаловаться некому, даже плакать хочется... Вы скажете: дочери... Что дочери? Я говорю имъ, а онѣ только смѣются... У моей жены семь дочерей... Нѣтъ, виновать, кажется, шесть... (*Живо.*) Семь! Старшей изъ нихъ Аннѣ, 27 лѣтъ, младшей 17. Милостивые государи! (*оглядывается*). Я несчастливъ, я обратился въ дурака, въ ничтожество, но въ сущности вы видите передъ собой счастливейшаго изъ отцовъ. Въ сущности это такъ должно быть, и я не смѣю говорить иначе. Если бъ вы только знали! Я прожилъ съ женой 33 года и, могу сказать, это были луч-

шіе годы моей жизни, не то чтобы лучшіе, а такъ вообще. Протекли они, однимъ словомъ, какъ одинъ счастливый мигъ, собственно говоря, чортъ бы ихъ подобралъ совсѣмъ. (*оглядывается*). Впрочемъ, она, кажется, еще не пришла, ея здѣсь нѣтъ, и можно говорить все, что угодно... Я ужасно боюсь... боюсь, когда она на меня смотритъ. Да, такъ вотъ я и говорю: дочери мои не выходятъ такъ долго замужъ вѣроятно потому, что онѣ застѣнчивы, и потому, что мужчины ихъ никогда не видятъ. Вечеровъ давать жена моя не хочетъ, на обѣды она никого не приглашаетъ, это очень скупая, сердитая, сварливая дама, и потому никто не бываетъ у насъ, но... могу вамъ сообщить по секрету (*приближается къ рампѣ*)... Дочерей моей жены можно видѣть по большимъ праздникамъ у тетки ихъ Натальи Семеновны, той самой, которая страдаетъ ревматизмомъ и ходитъ въ такомъ желтомъ платьѣ съ черными пятнышками, точно вся осыпана тараканами. Тамъ подаютъ и закуски. А когда тамъ не бываетъ моей жены, то можно и это... (*целкаетъ себя по шепѣ*). Надо вамъ замѣтить, пьянью я отъ одной рюмки, и отъ этого становится хорошо на душѣ и въ то же время такъ грустно, что и высказать не могу; вспоминаются почему-то молодые годы, и хочется почему-то бѣжать, ахъ если бы вы знали, какъ хочется! (*съ увлеченіемъ*). Бѣжать, бросить все и бѣжать безъ оглядки... куда? Все равно, куда... лишь бы бѣжать отъ этой дрянной, пошлой, дешевенькой жизни, превратившей меня въ стараго, жалкаго дурака, стараго, жалкаго идіота, бѣжать отъ этой глупой, мелкой, злой, злой, злой скряги, отъ моей жены, которая мучила меня 33 года, бѣжать отъ музыки, отъ кухни, отъ женныхъ денегъ, отъ всѣхъ этихъ пустяковъ и пошлостей... и остановиться гдѣ-нибудь далеко-далеко въ полѣ и стоять деревомъ, столбомъ, огороднымъ пугаломъ, подъ широкимъ небомъ, и глядѣть всю ночь, какъ надъ тобой стоитъ тихій, ясный мѣсяцъ, и забыть, забыть... О, какъ бы я хотѣлъ ничего не помнить!.. Какъ бы я хотѣлъ сорвать съ себя этотъ подлый, старый фракшико, въ которомъ я 30 лѣтъ назадъ вѣнчался... (*срываетъ съ себя фракъ*) въ которомъ постоянно читаю лекціи съ благотворительною цѣлью... Вотъ тебѣ! (*топчетъ фракъ*). Вотъ тебѣ! Старъ я, бѣденъ, жалокъ, какъ эта самая жилетка съ ея поношенной, облѣзлой спиной... (*показываетъ спину*). Не нужно

мигъ ничего! Я выше и чище этого, я былъ когда-то молодъ, уменъ, учился въ университетѣ, мечталъ, считалъ себя человѣкомъ... Теперь не нужно мнѣ ничего! Ничего бы, кромѣ покоя... кромѣ покоя! (*Поглядывъ въ сторону, быстро надвѣваетъ фракъ*). Однако, за кулисами стоитъ жена... Пришла и ждетъ меня тамъ... (*смотритъ на часы*). Уже прошло время... Если спроситъ она, то пожалуйста, прошу васъ, скажите ей, что лекція была... что чучело, то-есть я, держалъ себя съ достоинствомъ (*смотритъ въ сторону, откашливается*). Она смотритъ сюда... (*возвысивъ голосъ*). Исходя изъ того положенія, что табакъ заключаетъ въ себѣ страшный ядъ, о которомъ я только-что говорилъ, курить ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, и я позволю себѣ, нѣкоторымъ образомъ, надѣяться, что эта моя лекція «о вредѣ табака» принесетъ свою пользу. Я все сказалъ. *Dixi et animam levavi!* (*Кланяется и величественно уходитъ*).

Оглавление

XIV ТОМА.

	СТР.		СТР.
Дядя Ваня. (Сцены изъ деревенской жизни въ четырехъ дѣйствіяхъ).	3	Три сестры. (Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ).	81
Свадьба. (Сцена въ одномъ дѣйствіи).	49	О вредѣ табака. (Сценатрилогъ въ одномъ дѣйствіи).	142
Юбилей. (Шутка въ одномъ дѣйствіи).	65		

INSTYTUT
BADAŃ LINGWISTYCZNYCH I
BIBLIOTEK
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

F

24.113/
13-14